Канцелярія ... 7-50 147 97

*Маленькіе школьники пяти частей свѣта. Парижанинъ.—Американецъ.—Китаецъ.—Эскимосъ.—Африканецъ.—Австраліецъ. Соч. Эли Бертэ, переводъ А. Нефловой, съ 75 рис.; 237 стр., въ папкѣ; ц. 1 р.

Почитай—мы послушаемъ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Соч. Гордѣевой-Щербинской, съ предисловіемъ И. Тургенева. Спб. 264 стр. съ 30-ю рис. худож. Зубрилова и друг.; въ папкѣ ц. 1 р.

Катя. Повѣсть. Соч. Гордѣевой-Щербинской, съ 16-тью рисунками худож. И. Зубрилова и др. съ предисловіемъ И. Тургенева. 231 страницъ въ папкѣ, ц. 1 р.

*Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузе, описанныя имъ самимъ. Соч. Даніэля Дэфо. Полный переводъ В. Владимірова съ 200 рис. худож. Гранвиля. 400 стр., ц. 1 р.; въ папкѣ ц. 1 р. 20 к.

Юнга на кораблѣ Корсара. Соч. П. Маэль, перев. Михайловой, съ рис. франц. художника Париса и др., 262 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Святочные разсказы. Чарльза Дикенса. Полный переводъ съ англійск. Г. Резенера, 4 изд. 55 рис. 453 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Избранныя русскія сказки. Сост. по Афанасьеву и др., 5 изд. Съ 78 рис. и заставк. худож. Р. Штейна. 320 стр., ц. 1 р. 50 к.

Кладъ. Историческая повѣсть временъ завоеванія Іоанномъ III Великаго Новгорода. Соч. К. Тешлова, съ рис.; въ папкѣ, ц. 60 к.

Маленькіе путешественники. Приключеніе трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Повѣсть Ад. Баденя, съ 40 рис. франц. худож. Беннета; въ папкѣ, ц. 60 к.

*Дѣтскій мірокъ. Разсказы Софьи Макаровой, съ рисунками. ц. 60 к.

Маленькій горбунъ. Соч. Графини Сегюръ-Растопчиной. Съ 100 рис. франц. худож. *Эм. Баяра.* Пер. Е. Чистяковой-Вэръ. Спб. Въ крас. папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Три сестры. Повѣсть для молодыхъ дѣвицъ. Соч. Мансеръ, перев. съ англійскаго Львовой, съ рис. Маргенсона, въ папкѣ, ц. 1 р.

Шалуны. 20 разсказовъ о проказахъ гимназистовъ-шалуновъ Н. Ратомскаго, съ 25 рисун. худож. Захарова; въ папкѣ, ц. 50 к.

Зимнія и лѣтнія дѣтскія забавы. Сборникъ для младшаго возраста съ 131 рис. Соч. Е. Чистяковой-Вэръ; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Донъ Кихотъ Ламанчскій. Изданіе подъ редакціей М. Б. Чистякова. 4-е изданіе, съ 100 рис., 320 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Дневникъ школьника. Эдм. Д'Амичисъ, переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, 5-е изд., 262 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Сказки, преданія и легенды всѣхъ странъ и народовъ Владиміровой-Европеусъ. 2-е изд., съ 50 рис., 320 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Сто сказокъ разныхъ странъ и народовъ. Сборникъ составленъ А. Н. Нефловой. Большой томъ, 461 стр. Съ 165 рис. въ папкѣ, ц. 2 р.

*Избранныя сказки и разсказы. Соч. А. Додэ. Переводъ А. Н. Нефловой. Съ 35 рисунк. худож. Баяра и Мари; къ папкѣ, 252 стр. ц. 1 р.

Книги, отмѣченныя звѣздочкой допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ихъ учебныя заведенія.

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО въ С.-Петербургѣ.

Пестрая книжка. 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскраш. рис. 237 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Разсказы дѣткамъ-малолѣткамъ. Б. Дубровской. Съ рис. и заставк. художн. Андреева, Зубрилова и др. 260 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькій золотоискатель въ Калифорніи. Соч. Герштекера. Переводъ Н. Мазуренко, съ рис. 288 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Серебряные коньки. Исторія одной Голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь. 324 стр., съ 50-ю рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Красный морской разбойникъ. Соч. Фр. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 к.

Снѣжинки и лепестки. Разсказы Н. И. Познякова, съ рис., художн. Зубрилова, Андреева и др. 240 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Библейская Исторія** Ветхаго и Новаго Завѣта, прот. Базарова, 285 стр. съ 110 рис. въ текстѣ и 16 отдѣльными картинами художника Дорэ, въ красивой хромолитогр. папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькіе баловни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. М. А. Лялиной. 100 разсказ. Съ 80 рис. и заст.; въ папкѣ ц. 1 руб.

Чудо Сказочки. Соч. Бехштейна. Пер. съ нѣм. изданія А. Юрьева. 317 стр., съ 70 рис.; въ красивой папкѣ, цѣна 1 р.

Среди звѣрей. Русскія сказки собр. М. Шевляковымъ Спб. 274 стр., съ 50 рисунк. художн. Животовскаго и др.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Бабушкины сказки.** Сочиненіе Жоржъ-Зандъ. Переводъ М. А. Лазаревой Съ рисунками художника Табурина. Спб., 250 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Книга чудесъ.** Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Составилъ Н. Готорнъ, съ рисунками. Спб. 4-е изданіе, 320 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣла минувшихъ дней. Сборникъ разсказовъ С. Макаровой, съ 30 рисунками, художн. Н. М. Андреева и др., въ папкѣ, 1 руб.

Въ деревнѣ. Разсказы С. Макаровой, съ 40 рис. художн. Захарова и др. 242 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькіе проказники. Веселые разсказы. Въ пересказкахъ Черскаго съ рисунк. художн. Андреева; въ папкѣ, 128 стр., ц. 60 коп.

Сказки бабушки про чужія странушки. Собрала и пересказала Е. Чистякова-Вэръ. Съ 122 рисун. и заставками; въ папкѣ, ц. 1. р. 50 к.

***Сказки Шведскія, Норвежскія и Финскія.** Переводъ Эльвенгрейнъ, съ 25 рисунками; въ папкѣ, 278 стр., цѣна 1 р.

***Хижина дяди Тома** или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ С.-Америки. Романъ Бичеръ-Стоу. Переводъ Ландини. Съ 112 рисунками 383 стр., цѣна 90 коп.

***Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** Соч. Мигуэля Сервантеса Сааверды. Переводъ съ испанскаго В. Карелина, 6-е изданіе, съ 700 иллюстр. Ц. 3 р.

***Улыбки и слезы.** Разсказы для дѣтей. Е. Чебышевой-Дмитріевой, съ рисунк. художника М. А. Андреева, въ папкѣ, 280 стр., ц. 1 р. 20 к.

***Дитя Лѣсовъ.** Приключенія мальчика, три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утанговъ. Сочин. Эли Бертэ. Пер. Ратомскаго. Съ 42 рис. 240 стр., ц. 1 р.

Майму Меру.

Синія тучки. Разсказы для дѣтей, сочин. Л. Чарской, съ рисунк. художника А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Свѣтлый воинъ—Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованій: Бориса Годунова, Лже-Димитрія и Василія Шуйскаго. Сочин. Л. Чарской, съ рисунк. художника М. А. Андреева и друг. 360 стр. въ папкѣ, Спб., ц. 2 р.

***Солнышко.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Л. А. Чарской, съ рисунками художника М. Андреева, въ папкѣ, цѣна 1 р. 35 коп.

***Струйка за струйкой—волна за волной.** Сборникъ разсказовъ по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ Л. А. Чарской. Съ рис., ц. 1 р. 25 к.

Смѣлые, Сильные, Храбрые. Историч. разсказы Л. А. Чарской. Съ рисунк., художн. Андреева въ папкѣ, ц. 1 р. 50 коп.

Гимназисты. Сирена. Въ глуши. Три разсказа Л. А. Чарской, съ рисунк художника М. А. Андреева; въ 227 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Гимназистки: Разск. Л. А. Чарской. Съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Огоньки. Сборн. разск. Л. А. Чарской. Съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

***Яркія звѣздочки.** (Разсказы для дѣтей младшаго возраста). Л. Чарской, съ рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др. Ц. 1 р. 20 к.

Бѣлыя пелеринки. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: Южаночка и Некрасивая. Л. А. Чарской. Съ рис. худ. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

Особенная. Повѣсть Л. Чарской, съ рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Семья Лоранскихъ. Соч. Л. Чарской, съ рис., ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе Вокругъ Свѣта. Соч. Дарвина, съ рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

***Міръ сказокъ.** Собраніе самыхъ знаменитыхъ интересныхъ сказокъ Ю. Гофмана и Гримма. Перев. Владимірова. Съ 25 рисунк. 286 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Приключенія молодого натуралиста.** Соч. Біара. Перев. съ 15 изданія. С. Бриліанта, съ 130 рис.; 400 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе Коли къ индѣйскому султану Али-Бей-Лотосу. Юмористическая сказка въ стихахъ. Ратомскаго, съ 58 рис. С. Эрбера; въ папкѣ, ц. 50 к.

Въ родномъ гнѣздышкѣ. Двадцать разсказовъ для дѣтей Б. Дубровской, съ рисунк.; худ. М. Андреева, въ папкѣ, 100 стр., ц. 60 к.

***Въ добрый часъ.** Разсказы для дѣтей изъ Американской жизни, Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ 72 рис.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

***Другъ дѣтей.** Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ по нѣмецкимъ писателямъ. А. Н. Неѣловой, съ 100 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Сказки доброй Феи.** Соч. Ж. Массе, съ 48 рис., художн. Берталя. Перев. съ французскаго А. Н. Неѣловой; въ папкѣ, 214 стр., ц. 1 р.

***Любимыя сказки Эд. Лабулэ.** Съ 120 рисунками. Переводъ Доброславина и Н. Мазуренко; въ хромолитографической папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***Тысяча одна ночь,** арабскія сказки для дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Перев. въ нѣмецк. Н. Михайловой, съ рисунками; въ папкѣ, ц. 1 р. 25.

*Маленькія школьницы (пяти частей свѣта). Соч. Эл. Бертэ. Перев. Н. Мазуренко. Съ 65 рисунк. 256 стр.; въ хромолитогр. папкѣ, ц. 1 р.

*Дѣтство и юность знаменитыхъ людей. Соч. Л. Колэ. Съ 50 рис. Перев. съ французскаго С. Майковой. Спб. 2-ое изд. Ц. 1 руб.

*Юность знаменитыхъ людей. Сочиненіе Е. Мюллеръ. Переводъ съ французск. В. Владимірова. 2-е изданіе съ 39 портретами и рисунками, ц. 1 руб.

Картины растительности. (Жизнь и Нравы Птицъ и Животныхъ). Сочиненіе Мазіуса. Переводъ Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова, съ рисунками въ папкѣ, ц. 1 руб. 50 коп.

*Дѣвочка Робинзонъ. Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгеніи Мюллеръ. Маленькій дикарь, разсказъ Штейна. Перевелъ съ французскаго В. Д. Владимірова. Съ 22 рисунками; 2 изд. 246 стр. въ папкѣ, 1 р.

*Жучка. Разсказы изъ деревенской жизни—Милордъ и Горгона; Человѣкъ и Попугай, очеркъ М. О. Ростовской. 4-е изд. Съ 35 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Крестьянская школа. Исторія открытія сельской школы. М. О. Ростовской. Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 75 к. (Большой томъ), въ папкѣ 2 руб.

*Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. М. О. Ростовской. 4-е изданіе. Съ 25 карт. въ папкѣ, ц. 1 р.

*Пони. Приключеніе Эмскаго осла, повѣсть для дѣтей и др. Ростовской. 4 изд., съ 27 рисунками; въ папкѣ, 221 стр. Спб. ц. 1 р.

*Дѣтскія забавы. 24 разсказа для дѣтей. М. О. Ростовской. Съ 50 рис. худ. Захарова Шлипера и др. 240 стр; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Разсказы изъ Путешествій по Швейцаріи и др. Соч. М. О. Ростовской. 2-е изданіе, съ рисунками; въ папкѣ 274 стр. ц. 1 руб. 20 к.

*Звѣздочка. Повѣсти и разсказы для дѣтей. М. О. Ростовской. Съ картинами; въ папкѣ, 3-е изд., 259 стр., ц. 1 р.

Четыре времени года. Зима, Весна, Лѣто и Осень. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Разсказы изъ деревенскаго быта. Ростовскій, ц. 1 р.

*Сказки бр. Гриммъ, пересказанныя дядею Павіомъ. Съ раскрашенными картинами художника Крюкова, 320 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 75 к.

*Чешскія сказки, собранныя Эрбеномъ и Нѣмцевой. Переводъ М. А. Лялиной, съ 36 рис., 286 стр., въ папкѣ, ц. 1 р.

*Коевъ Ковчегъ. Повѣсть. Соч. де-Питраль, урожденной граф. де-Сегюръ. Перев. В. Карпинской, съ 33 рис. художн. Робиди. Спб. въ папкѣ, ц. 1 р.

Сорванецъ. Записки бывшаго гимназиста. Воспоминанія Н. Ратомскаго. Съ рис. худож. М. Андреева; въ папкѣ 116 стр., цѣна 50 коп.

*Итальянскія сказки, собранныя и обработанныя Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 62 рис. итальянск. художн. 318 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

На отдыхѣ. 27 разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ 77 рис. и заставками. Соч. Е. М. Чистяковой Вэръ; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 коп.

*Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. Сочиненіе Фр. Гофмана. Переводъ А. Нефловой, съ 50 рис., нѣкоторые изъ нихъ хромолитографированные; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Заклинатель змѣй. Соч. Русселэ. Съ рисунками; въ папкѣ, 1 р. 25 к.

Л. ЧАРСКАЯ.

ЛАРА БЕЗСОНОВА

ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

57.38.3.7

Лара Безсонова

ПОВѢСТЬ

Лидіи Чарской.

СЪ РИСУНКАМИ ХУДОЖНИКА **М. А. Андреева.**

ГРАВИРОВАЛИ:

А. Адтъ, Ю. Шюблеръ, В. Ольшевскій, А. Смирновъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.

Сочиненія Л. А. ЧАРСКОЙ.

„СѢВЕРНЫЙ БОГАТЫРЬ“ Александръ Васильевичъ Суворовъ—вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Соч. **Л. А. Чарской.** Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою науку „побѣждать“. Суворовъ, покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рымникѣ, рѣшитель судебъ Польши и пр. пр.

***СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. А. Чарской**, съ рисун. художника М. Андреева и др. 365 стр. Спб., ц. 2 руб.

СИНІЯ ТУЧКИ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста **Л. А. Чарской**, съ 49 рисунками и заставками художн. А. Шлипера и др. Красивый томъ, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

***СТРУЙКА ЗА СТРУЙКОЙ—ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ.** Пересказы нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей **Л. А. Чарской.** Съ 40 рис., художника М. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

***СОЛНЫШКО.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской.** Съ рисунками, художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

***ЯРКІЯ ЗВѢЗДОЧКИ.** Разсказы для дѣтей младш. возраста **Л. А. Чарской**, съ 60 рис. и заставк. худ. И. Зубрилова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к

ГИМНАЗИСТКИ. 10 разсказовъ. Съ рисунками художн. М. Андреева, гравир. Ю. Шублеръ, А. Смирновъ и М. Морозовъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ГИМНАЗИСТЫ.—*Сирена.*—*Въ глуши.* Три разсказа **Л. А. Чарской.** Съ рисун. художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

СКАЗКИ. Соч. Фр Гофмана въ пересказѣ **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. Я. Сизова. Спб., ц. 1 р. 35 к.

ОГОНЬКИ. Разсказы для юношества **Л. А. Чарской.** Съ рисунками художн. А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

БѢЛЫЯ ПЕЛЕРИНКИ. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: *Южаночка.*—*Некрасивая* **Л. А. Чарской.** Съ рис. художн. М. Андреева; 296 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

СМѢЛЫЕ, СИЛЬНЫЕ, ХРАБРЫЕ. Три истор. повѣсти **Л. А. Чарской.** *Содержаніе:* Долой Перуна! (Крещеніе Руси). — Подъ вѣчевымъ колоколомъ. (Марѳа Посадница).—Сююнбека царица Казанская. (Покореніе Казани). Съ рис. художн. М. Андреева и Б. Чорикова; ц. 1 р. 50 к.

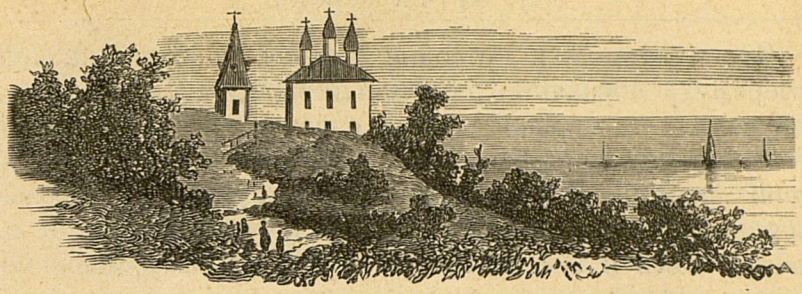
ЦАРЕВИЧЪ-ОРЛЕНОКЪ. Историческій разсказъ временъ Петра I **Л. А. Чарской.** Съ рисунками.

ЛАРА БЕЗСОНОВА. Повѣсть **Л. А. Чарской.** Съ рисунками; въ папкѣ.

ПРІЮТКА. Повѣсть изъ пріютской жизни **Л. А. Чарской.** Съ рис.; въ папкѣ.

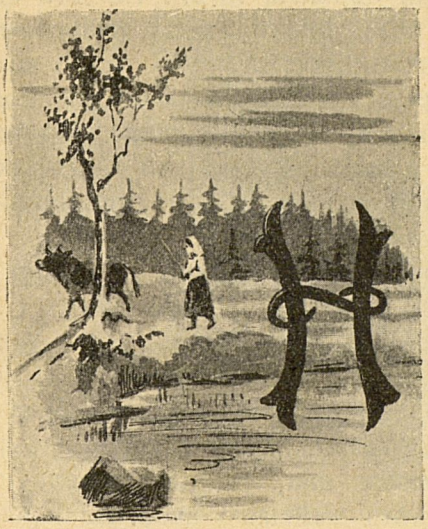
Типографія П. Ѳ. Вощинской. Ярославская ул., № 1—9.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ленинград П 1974 акт РК-473/3



ЛАРА БЕЗСОНОВА.

I.



Подобно тому, какъ факелы и фейрверки блѣднѣютъ и дѣлаются невидимыми при свѣтѣ солнца, такъ и умъ, даже геній, а равно красота блекнутъ и затмѣваются передъ сердечной добротой.

Шопенгауеръ.

А вершинѣ крутой горы стоитъ стариная, забытая усадьба...

Зелеными ставнями закрыты на глухо окна дома, ветхія облупившіяся стѣны принимаютъ съ одинаковымъ равнодушіемъ улыбки зари, солнца и ласки задумчиваго мѣсяца, короля серебристыхъ ночей...

Кругомъ шелестятъ высокія ивы, бѣлостволыя березки лепечутъ что-то, шумятъ ворчливо старые, вѣтвистые клены и дубы.

Садъ вокругъ дома разросся пышно и красиво.

Кусты бузины и шиповника сплелись вѣтвями, сирень и черемуха образуютъ сплошныя заросли, цѣлое море свѣжей зелени съ клейкой, сочной, едва народившейся листвой.

Отъ этого зеленаго моря вѣетъ сказкой, пахучей и красивой сказкой весны. Подъ сѣнью кустовъ и деревьевъ бѣгутъ поросшія мхомъ и травой дорожки, узкія и одичавшія, какъ и все, здѣсь, въ этомъ старомъ, давно позабытомъ гнѣздѣ...

Домъ и садъ окружены оградой. Мѣстами она поломана, мѣстами изобилуетъ брешами, кое-гдѣ, почти, сравнена съ землей.

Противъ покосившейся калитки сбѣгаетъ спускъ внизъ подъ гору, между двумя рядами липъ, разросшихся по обѣ стороны дороги...

Лѣвѣе, за садомъ, крутой обрывъ, яръ... На днѣ его камни и кусты... Когда-то, тамъ брали глину, теперь-же туда не ступаетъ ни одна человѣческая нога... Объ этомъ ярѣ ходитъ дурная слава среди крестьянъ мѣстечка Зеленыхъ Крутокъ. Здѣсь зарѣзался, ходятъ слухи, кузнецъ Никита, лѣтъ двадцать тому назадъ. Его зарыли на днѣ обрыва и тѣнь самоубійцы какъ говорятъ, бродитъ ночью по яру, глухо жалуясь и стеня.

Большая липовая, надгорная аллея ведетъ къ озеру и къ проселочной дорогѣ.

Озеро начинается сейчасъ-же у подножія горы. Оно спокойное, кроткое по виду, такое-же голубоокое и мечтательное, какъ душа молоденькой дѣвушки въ лучшую пору ея жизни; на самомъ-же дѣлѣ, оно—жуткое и бурливое, съ предательскими ямами дна, таящее гибель въ своихъ студеныхъ водахъ цвѣта майскаго неба. На берегу озера—водяная мельница, съ огромнымъ колесомъ, похожая на темный призракъ.

Тутъ же, сбоку—жилье арендатора... Двѣ комнатки и терраска, прильнувшія къ мельницѣ какъ дѣти къ матери, подъ ея защиту. Одна дорога отсюда тянется къ лѣсу, другая въ деревню...

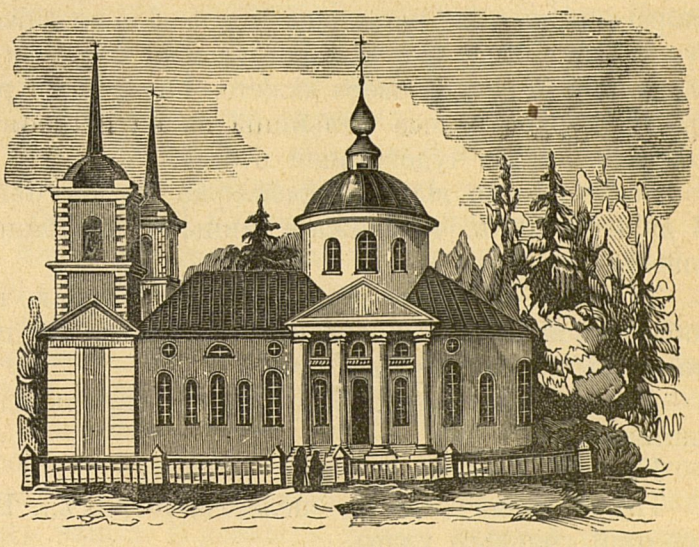
Лѣсъ близкій и молчаливо строгій... Что-то ревниво таящій, о чемъ-то неумолчно повѣствующій своимъ зеленымъ шумомъ.

Когда въ деревнѣ, на колокольнѣ старенькой церкви, что стоитъ у входа на кладбище, звонитъ призывно колоколъ, слышно какъ ему отвѣчаетъ такимъ же звономъ лѣсъ. И думается невольно: гдѣ звонятъ, въ лѣсу ли, или въ деревнѣ и жутко томится сердце предчувствіемъ тайны, красивой и большой. . . . . .

. . . . . .

Ночь...

На деревенскомъ кладбищѣ старинные часы гулко пробили одиннадцать ударовъ.



Часы эти—даръ прежней давно умершей помѣщицы усадьбы Зеленаго Крута, названной такъ по имени селенія. Помѣщица умерла лѣтъ двадцать назадъ... Съ тѣхъ поръ сѣрый домъ надъ обрывомъ, какъ бы, затихъ, замеръ въ своемъ молчаливомъ покоѣ. Новые помѣщики наслѣдники, какой-то адмиралъ съ семьею живутъ въ Петербургѣ. Они давно сдали мельницу Зеленаго Крута въ аренду морскому капитану въ отставкѣ, давнишнему сослуживцу теперешняго хозяина, поручивъ ему приглядывать за домомъ на горѣ. Въ сторожкѣ, при

усадьбѣ, живетъ еще старый глухой сторожъ Терентьичъ съ малышомъ внукомъ. На его обязанности лежитъ сторожить домъ и инвентарь отъ хищеній. Ключи же отъ дома находятся на мельницѣ, у капитана. Капитанъ все еще не теряетъ надежды вручить ихъ новымъ владѣльцамъ усадьбы, но они почему-то упорно не ѣдутъ въ Зеленый Крутъ.

И старый домъ, какъ мрачный и угрюмый призракъ стоитъ на горѣ, медленно разрушаясь подъ гнетомъ времени...

Бѣлая весенняя ночь обливаетъ этотъ призракъ, сглаживая всѣ его шероховатости и морщины.

Весенняя ночь словно колдуетъ... Она вся голубовато-млечная, сказочно-таинственная, какъ воздушная фея... Она набрасываетъ свое кружевное покрывало на забытую усадьбу, кидаетъ свои жемчужныя улыбки озеру, и отъ этихъ улыбокъ вся бездна озера кажется плавленной рудой серебра. И черное колесо мельницы на ея нѣжномъ фонѣ похоже на крыло чудовищной птицы.

Все особенно выпукло, рельефно въ эту бѣлую ночь... И дальній лѣсъ, и ближнія липы, и кладбище съ церковью, и селенье...

Тишина... Изрѣдка лѣниво тявкнетъ только въ деревнѣ собака словно съ просонокъ, и тотчасъ же пугливо замолкаетъ, чутко слушая ночь...

А ночь колдуетъ... Все колдуетъ хрупкой воздушной тишиною...

Но чу!

Не то скрипъ, не то шелестъ, шорохъ... И наконецъ короткій сильный ударъ ..

Разззъ!

Съ трескомъ распахивается зеленая ставня въ крайнемъ окнѣ стараго дома. За ней раскрывается и самое окно... Въ его темномъ квадратѣ появляется бѣлая фигура...

Фея она или живое существо?

Если это человѣкъ то довольно-таки необычайный... Дѣвушка, почти дѣвочка, лѣтъ шестнадцати на видъ.

Смугло-золотистое отъ загара лицо, смуглыя руки... Тоненькая, какъ тростинка, высокая и гибкая, какъ она. Длинные, прямые черные волосы сбѣгаютъ на грудь, спину и плечи... А глаза русалки. Прозрачные, смѣющіеся и свѣтлые, какъ вода... И темныя гордыя брови. Есть что-то независимое въ ея горделивой фигуркѣ, свободное что-то, не признающее узды. Когда она взбирается на подоконникъ и протягивается во всю длину его отъ косяка къ косяку, видны ея босыя ножки съ сильными загорѣлыми ступнями.

Она сидитъ съ минуту молчаливая, неподвижная, какъ призракъ, потомъ простираетъ руки впередъ и говоритъ голосомъ звонкимъ какъ колокольчикъ.

— Милый садъ, здравствуй! Здравствуй! Вотъ видишь, я снова здѣсь, у тебя... И ты, старый домъ, здравствуйте оба! Ну, скажите: или вы не рады меня видѣть опять?.. Ваша мельничиха-царевна снова съ вами... Ваша озерная русалка здѣсь... Ваша фея... Садъ мой желанный, твоя веселая фея тутъ, съ тобою и любитъ тебя... Всѣхъ васъ любитъ... Оохъ какъ! Садикъ мой родименькій! Чаща моя забытая! Липы мои драгоцѣнныя! Ночка моя весенняя! Хорошо мнѣ съ вами! Ахъ, хорошо! Я царевна ваша, я единственная владѣлица стараго дома... Вы всѣ мнѣ подвластны здѣсь. Мое здѣсь все! И никому я не отдамъ моихъ владѣній! Старый садъ, слышишь? Старый домъ, слышишь? Мои, вы, мои, ненаглядные, милые! Мои! Мои! Мои!

Голосокъ ея вначалѣ звучный и высокій, теперь упалъ до шопота... Тихій, рокочущій, счастливый смѣхъ задрожалъ надъ чащей. И казалось, будто, смѣется русалка въ затонахъ зелени, въ саду...

Внезапно, легко и быстро соскользнула съ подоконника въ комнату дѣвушка, и устремилась быстро, безшумно, ступая голыми пятками, къ двери. Перешагнула порогъ ея и очутилась въ сосѣдней огромной, сводчатой залѣ.

Здѣсь въ этой комнатѣ все невольно приковывало къ себѣ взоры: и тяжелая, порядочно-таки обветшалая, допо-

топная мебель, пузатые диваны, съ высокими спинками, стулья и кресла, неуклюжіе табуреты, столики и шкафы старинной формы, ютящіеся по угламъ...

Старомодные клавикорды, придвинутые къ задней стѣнѣ залы, высокій уродливый табуретъ передъ ними... На стѣнахъ—портреты. Въ старыхъ, потемнѣвшихъ, облупившихся отъ времени золоченыхъ рамахъ заключены важныя, чопорныя фигуры предковъ. Военные—въ высокихъ воротникахъ, въ прическахъ съ «височками», въ треуголкахъ, узкихъ, усыпанныхъ звѣздами и орденами мундирахъ, въ бѣлыхъ лосиновыхъ штанахъ. Статскіе—въ камзолахъ съ жабо при кружевныхъ манжетахъ. И красавицы, въ тюлевыхъ чепцахъ съ неизбѣжною розою у уха, на груди или въ рукѣ, въ широкихъ кренолинахъ и короткихъ баскахъ...

И мнится, въ ихъ угрюмомъ важномъ молчаніи скрытъ цѣлый міръ негодованья. Ихъ взоры съ выцвѣтшаго полотна устремлены на бѣлую фигурку, такъ независимо скользящую по паркету залы, и эти взоры точно говорятъ:

«Зачѣмъ ты пришла сюда, дѣвочка? Зачѣмъ нарушаешь нашъ покой? Здѣсь наше царство. Уже двадцать лѣтъ какъ домъ нашъ не обитаемъ... Зачѣмъ же ты пришла сюда?.. Ты—не наша... Это—старое, родовое дворянское гнѣздо... Тебѣ въ немъ нѣтъ мѣста... Уйди-же, уйди отсюда».

Но она не уходитъ, эта странная дѣвушка. Ей незачѣмъ уходить... Ей—безстрашной, отважившейся придти сюда въ эту старую усадьбу надъ обрывомъ, гдѣ бродитъ тѣнь зарѣзавшагося самоубійцы, ей-ли пугаться молчаливаго протеста предковъ?..

Ха, ха, ха!..

Она заливчато смѣется своимъ русалочнымъ смѣхомъ... Подбѣгаетъ къ клависсинамъ, открываетъ крышку инструмента. Ея руки падаютъ на клавиши... Первый звукъ... Хриплыя, разбитыя отъ времени ноты не то жалуются, не то стонутъ подъ ея тонкими смуглыми пальчиками...

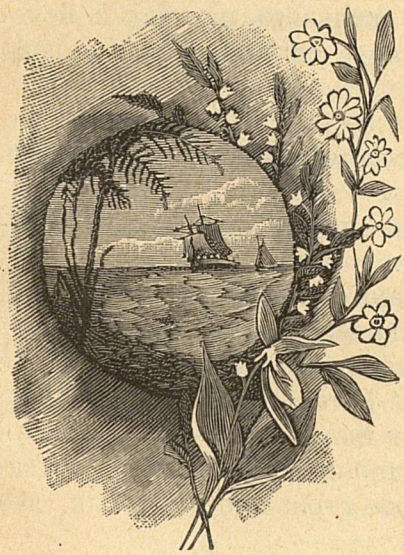
(Къ стр. 9).

Она поетъ, аккомпанируя себѣ на разбитомъ, дребезжащемъ инструментѣ. Поетъ нѣжнымъ, красивымъ голоскомъ:

Я—царевна серебрянной ночи,
Я—царевна лучистаго дня...
Я люблю этотъ домъ позабытый,
Такъ давно пріютившій меня...
Я люблю эти старыя стѣны,
Въ нихъ царевной себѣ я кажусь...
Не страшусь этихъ горницъ пустынныхъ,
Никого, ничего не страшусь...
Пусть слетаются призраки ночи,
Пусть русалки плетутъ хороводъ,
Пусть ночное чудовище грозно
Въ эту залу безшумно войдетъ.
Не боюсь его жуткой улыбки...
Я царевна дворца моего,
Этотъ домъ съ его мертвымъ молчаньемъ
Я люблю...

Внезапно обрывается пѣснь...

Что-то шуршитъ въ сосѣдней комнатѣ, за дверью... Руки пѣвицы замираютъ на клавишахъ... Русалочки глаза впились въ дверь... Вотъ тихо и осторожно она раскрылась и легкій возгласъ изумленія замеръ на губахъ дѣвушки...



II.

ТКУДА онъ?

Откуда онъ могъ взяться, этотъ маленькій человѣчекъ, здѣсь, на порогѣ комнаты уже болѣе двадцати лѣтъ необитаемаго дома?

И кто онъ?

Онъ очень малъ. Это или карликъ или ребенокъ. Но лицо не дѣтски серьезно, важно и болѣзненно блѣдно... Жалкое, маленькое личико съ большими задумчивыми глазами. Въ этихъ глазахъ нѣтъ ни малѣйшаго страха. Они смотрятъ скорѣе изумленно... Не густые, по плечамъ раз-

бросанные, слегка вьющіеся волосы и матроская куртка говорятъ за то, что это ребенокъ. Но эти глаза... О! Огромные, не дѣтски вдумчивые, не дѣтски строгіе... Въ нихъ заключенъ пытливый вопросъ. Цѣлый міръ пытливыхъ вопросовъ... А самъ такой хрупкій и нѣжный, какъ цвѣтокъ...

Минуты двѣ длится молчаніе, во время котораго оба внимательно, зорко разглядываютъ другъ друга... Наконецъ, мальчикъ первый прерываетъ его... Подъ старыми сводами залы звучитъ тоненькій, тоненькій голосокъ:

— Кто вы?

Молчаніе...

Смуглыя руки дѣвушки теперь лежатъ недвижно на колѣняхъ... Глаза русалки смотрятъ прямо въ лицо ребенка...

И опять кроткій, звонкій голосокъ:

— Пожалуйста, скажите, кто вы?

Тогда неопредѣленная улыбка трогаетъ малиновыя губки... Шаловливая улыбка! Она скользитъ по лицу и исчезаетъ въ глазахъ загадочныхъ и свѣтлыхъ, какъ небо весною.

— Фея! звучитъ короткій отвѣтъ.

— По болѣзненному, серіезному личику пробѣгаетъ чистое выраженіе восторга.

Черные глаза дѣлаются большими и яркими... Они загораются, какъ звѣзды.

Маленькія рученки протягиваются впередъ.

— Я, такъ и зналъ,—говоритъ онъ тихо и убѣжденно,—я такъ и понялъ съ первой минуты...—Ты—фея... И не можешь быть никѣмъ другимъ... У тебя такіе волосы, такіе глаза! Милая, добрая фея! Если бы только знала, какъ я всегда мечталъ встрѣтиться съ тобою! Я зналъ, что когда-нибудь увижу тебя... А они, такіе странные говорили, что фей не существуетъ на свѣтѣ!..

— Кто они? поинтересовалась дѣвушка.

— Всѣ. Сестры Римма и Соня, Сева, monsieur Жюль Марья Александровна, даже папа... Но тогда, зачѣмъ же

было бы людямъ разсказывать такія дивныя сказки о феяхъ? Неправда-ли? Вѣдь ты тоже изъ сказки, милая фея?

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣчаетъ она, — я изъ Зеленаго Крута. Я живу здѣсь, въ старомъ саду... Днемъ я сплю на зеленой постели изъ мха и былинокъ, а ночью просыпаюсь и прихожу сюда. Брожу по этимъ старымъ горницамъ, пою и играю...

— Я слышалъ. Ты поешь лучше жаворонка въ небѣ... Но развѣ ты училась играть?..

— Нѣтъ. Феи никогда ничему не учатся и все знаютъ...

— А зимою? Что ты дѣлаешь зимою милая фея?

— Зимой? Зимою мои эльфы выстроятъ мнѣ дворецъ изъ хрустальнаго льда и я поселяюсь въ немъ въ самой чащѣ сада надъ обрывомъ... А чтобы было намъ уютнѣе и теплѣе, они выложатъ его стѣны мхомъ и листвою... Они устраиваютъ мягкое ложе изъ мха и мы всѣ засыпаемъ до весны... А весною... Мы пляшемъ ночью на садовой полянѣ подъ соловьиныя трели или гоняемся за бабочками на зарѣ.

— Ты позволишь мнѣ, какъ-нибудь взглянуть на ваши пляски?

— Конечно! Хотя я сама не люблю кружиться съ ними, я охотнѣе прихожу сюда въ этотъ домъ. Здѣсь я чувствую себя прекрасно. Здѣсь мое настоящее царство .. Люди давно покинули этотъ домъ, онъ мой. Я люблю его. И эту залу съ портретами предковъ, и этотъ старый разбитый инструментъ, эти хриплые клависсины, и библіотеку съ книжными шкапами все люблю.

Тамъ, въ сосѣдней комнатѣ въ большихъ шкапахъ есть много дивныхъ книгъ, а я ихъ такъ люблю читать!... Но странно: до сихъ поръ я не встрѣчала тебя здѣсь въ домѣ, кто ты и, какъ попалъ сюда, мальчуганъ?—заключила она вопросомъ свою живую веселую рѣчь.

— Я?—И ребенокъ, до сихъ поръ слушавшій дѣвушку съ блаженно восторженнымъ лицомъ, вдругъ встрепенулся.— О, я далеко не такъ счастливъ, какъ ты, милая очарова-

тельная фея... Я очень слабенькій и хилый здоровьемъ. Меня зовутъ Толя... Толя Зарницынъ. Мой папа здѣшній, помѣщикъ. Ты не знаешь его конечно... Мы жили постоянно до сихъ поръ въ Петербургѣ... У насъ всегда бывало много гостей... А потомъ, папа рѣшилъ пріѣхать сюда. Сейчасъ онъ остановился съ сестрами, нашей гувернанткой и кузеномъ Мишелемъ у сосѣдей Бравиныхъ, а я, Сева и monsieur Jules, нашъ гувернеръ, пришли сюда, взяли ключъ отъ сторожа, велѣли принести сѣна и рѣшили провести здѣсь ночь. Завтра сюда пріѣдутъ всѣ наши съ тѣмъ, чтобы поселиться здѣсь на всегда.

— Что?

Громъ небесный, упавъ съ неба, не могъ-бы поразить болѣе дѣвушку, нежели эта послѣдняя фраза, произнесенная дѣтскимъ, невиннымъ голоскомъ.

Дѣвушка вздрогнула... Поблѣднѣла... Явный испугъ отразился въ ея глазахъ затемняя въ секунду ихъ водяную призрачность.

Ослышалась она или нѣтъ? Кто пріѣдетъ сюда? Кто нарушитъ царственный покой и таинственную прелесть давно забытой старой усадьбы?

Какіе люди, осмѣлятся ворваться въ ея владѣнія, въ ея прекрасное сказочное царство?..

Такъ, значитъ, этотъ темнокудрый мальчикъ—не случайный гость, забредшій подъ эту кровлю? Значитъ онъ—маленькій хозяинъ этого забытаго, было, на цѣлые двадцать лѣтъ гнѣзда?

Дыханье стѣснилось въ груди дѣвушки...

Она поняла съ мучительной ясностью все отъ слова до слова...

Поняла и затрепетала, какъ птичка надъ бурнымъ натискомъ захватившаго ее горя.

— Боже Великій! Такъ это не сонъ? Не сонъ!.. О!.. Забытая усадьба—не ея усадьба... Старый домъ—не ея домъ. Дикій садъ—не ея садъ... И разбитые, но все же милые клавикорды не принадлежитъ больше ей... И портреты

предковъ, съ которыми она разговаривала иногда, какъ съ живыми людьми и огромная библіотека съ книгами, милыми, прекрасными книгами, перечитанными ею чуть-ли не по сту разъ... Все это не ея—чужое... Чужое! Чужое! Чужое!

Она не владычица больше этого уголка... Не царевна таинственно-дивнаго царства, нѣтъ! Развѣнчанная царевна! Что можетъ быть ужаснѣе этого? О, какъ она несчастна! Несчастна! Какъ несчастна!..—Лицо дѣвушки вспыхиваетъ... Маленькія руки сами собой сжимаются въ кулачки.

Въ русалочныхъ глазахъ, теперь темныхъ и таинственныхъ какъ небо въ бурю, загорается огонь негодованія и злобы...

Она вся дрожитъ, какъ струна. И топаетъ ногою.

— Все кончено! Все!

Легкій крикъ, крикъ отчаянія и скорби срывается у нея съ губъ... Она дѣлаетъ быстрый оборотъ и въ два, три прыжка, достигаетъ подоконника сосѣдней комнаты... Вскакиваетъ на него...

Еще скачокъ внизъ и... она въ саду...

Бѣлый капотикъ исчезаетъ изъ глазъ мальчика... Только странный шорохъ и хрустенье сухихъ вѣтокъ подъ ногами говоритъ ему о томъ что она еще здѣсь, не ушла...

Испуганно, тревожно бьется сердце ребенка...

Если фея—уйдетъ, онъ Толя Зарницынъ не увидитъ ее уже никогда никогда... Онъ даже не знаетъ какъ зовутъ ее, чтобы позвать... Какая тоска! Какая тоска... За короткій моментъ ихъ встрѣчи, онъ понялъ, что съ нею только ему хорошо и свѣтло, что съ нею только онъ можетъ разговаривать и играть, не боясь ужасныхъ напоминаній о томъ, что составляетъ горе и муку его маленькой жизни. Ему восемь лѣтъ только, а кажется онъ шестилѣтнимъ. Такимъ его сдѣлалъ недугъ. Онъ боленъ, серьезно боленъ съ рожденія какой-то тяжелой болѣзнью сердца. Ему нельзя ни бѣгать, ни прыгать, ни волноваться, ни читать книгъ съ грустнымъ концомъ, нельзя ни плакать ни радо-

ваться слишкомъ сильно. Только съ нею могло-бы быть ему хорошо...

А она ушла... ушла и унесла его радость. Онъ невольно поддается впередъ, протягиваетъ рученки въ садъ и кричитъ голосомъ, надорваннымъ тоскою:

— Фея... милая фея... не сердись... Я не въ чемъ не виноватъ... Не уходи отъ меня, добрая, прекрасная фея!— И такъ какъ шаги ея все удалялись отъ дома, онъ прибавляетъ съ отчаяніемъ, полнымъ мольбы:

— Какъ твое имя? Скажи мнѣ, какъ твое имя, по крайней мѣрѣ...

— Лара... Фея Лара!—звучитъ откуда-то изъ чащи деревьевъ и кустовъ.

— Фея Лара... Лара! Лара!— повторяетъ онъ... Закрываетъ глаза и блаженно смѣется...

Чьи-то торопливые шаги звучатъ за дверью, биліотеки, переходятъ въ залъ, останавливаются на порогѣ послѣдней комнаты. Толя оглядывается, точно проснувшись отъ сладкаго прекраснаго сна.

Въ дверяхъ стоитъ monsieur Жюль, его гувернеръ-швейцарецъ, въ парусиновомъ пальто, съ желтыми туфлями на босу ногу, большой, крупный, здоровый, широкоплечій...

— Mon Dieu! *) Толя, что вы сдѣлали, вы должны были спать... Маршъ! Vite vite, mon garçon! **) Прогулки по ночи не позволено docteur... Маршъ! Маршъ! Allez!

И румяное, добродушное лицо monsieur Жюля съ маленькими, распушенными рыжими усиками и большими черными глазами на выкатѣ, привѣтливо и озабоченно улыбаются ребенку.

На Толю нельзя сердиться... Онъ не выноситъ ни только криковъ, но и рѣзкаго слова. Толя обреченъ на тихую, сѣрую однотонную жизнь больного маленькаго человѣчка... И надо сдѣлать, по возможности, ее сносной эту жизнь. Monsieur Жюль прекрасно знаетъ это и смотритъ сквозь пальцы на всѣ странности своего воспитанника.

*) Боже мой.
**) Скорѣе, скорѣе, мой мальчикъ.

— Что вы здѣсь дѣлали, Толя? Съ кѣмъ вы говорили?— не безъ любопытства спрашиваетъ онъ и ласково кладетъ обѣ руки на плечи мальчика.

Толя снова закрываетъ глаза, эти глаза, огромные и черные, какъ сливы... И шепчетъ:

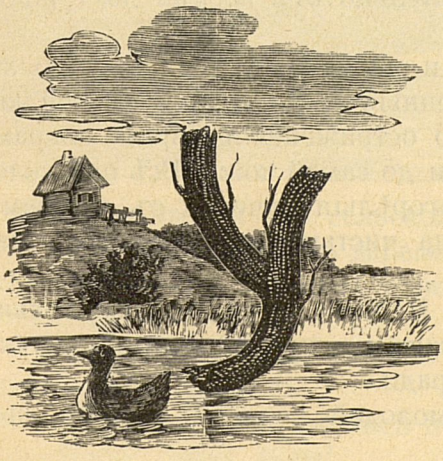
— Со сказкой... Здѣсь была сказка, monsieur Жюль! А больше я ничего не скажу вамъ... Я хочу спать... Ведите меня спать... Можетъ быть, я увижу во снѣ продолженіе моей сказки!

И онъ вкладываетъ крошечную ученку въ руку гувернера и торопливо увлекаетъ его за собой...

На здоровомъ, румяномъ сыромъ лицѣ швейцарца— полное недоумѣніе. На губахъ растерянная улыбка.

О, этотъ Толя! Онъ проживетъ, кажется, еще десять лѣтъ въ домѣ и все же не пойметъ эту душу глубокую и невѣдомую для него какъ морское дно...

И со вздохомъ роняя свое «allons» уводитъ мальчика въ антресоли, гдѣ онъ со своимъ воспитанникомъ нашли пріютъ въ эту ночь.



III.

ТРО...

Еще до восхода солнца моросилъ мелкій дождикъ... Но сейчасъ вёдро... Синее небо безоблачно и кротко... Озеро у подножія горы безмятежно и тихо, какъ голубой хрусталь... Липы зелены и молоды... молоды и свѣжи свѣжестью майскаго утра. Гдѣ-то звонко мечтаетъ жаворонокъ въ вышинѣ... Въ лѣсу настойчиво кукуетъ кукушка... Подъ

темнымъ колесомъ мельницы улькаетъ вода... Въ деревнѣ перекликаются пѣтухи, кудахтуютъ куры... Жалобно скрипитъ журавль колодца подъ торопливыми руками бабъ, въ пестрыхъ затрапезныхъ сарафанахъ и кофтахъ, пришедшихъ сюда съ ведрами за водою. Тамъ, за селеньемъ зеленѣютъ поля. Молодые веселые всходы впервые проявляютъ жизнь въ эту весну.

Ясно и свѣтло... Солнце грѣетъ ровно и не жарко... Беззлобное, прекрасное въ началѣ Мая, оно сулитъ въ Іюнѣ показать всю жгучую силу своихъ раскаленныхъ силъ.

Изъ крайней избы, ближайшей къ церкви и кладбищу и окруженной зеленью палисадника вылетаютъ дѣтскіе звонкіе голоса... Ихъ покрываетъ молодой мягкій баритонъ мужчины.

Если заглянуть въ открытое оконце можно видѣть небольшую свѣтлую горницу, всю уставленную длинными скамейками и черными столами. Въ углу большая темная доска покосившаяся и убогая отъ времени...

На скамьяхъ за столами сидятъ дѣти, мальчики и дѣвочки возрастомъ приблизительно отъ восьми до тринадцати лѣтъ...

Черненькія бѣлобрысыя и рыжеватыя головки, у иныхъ вихрастыя или тугозаплетенныя у дѣвочекъ въ жидкія косички, у другихъ коротко остриженныя, вѣрнѣе обкрамсанныя неровными уступами до самой кожи. Всѣ онѣ склонились надъ тетрадями. Загорѣлыя рученки съ усиліемъ выводятъ корявыя буквы на чистыхъ линованныхъ страницахъ.

Идетъ классъ диктанта. Пишутъ подъ диктовку только старшіе дѣти, въ то время какъ младшіе выводятъ палочки и кружки въ клѣткахъ тетради.

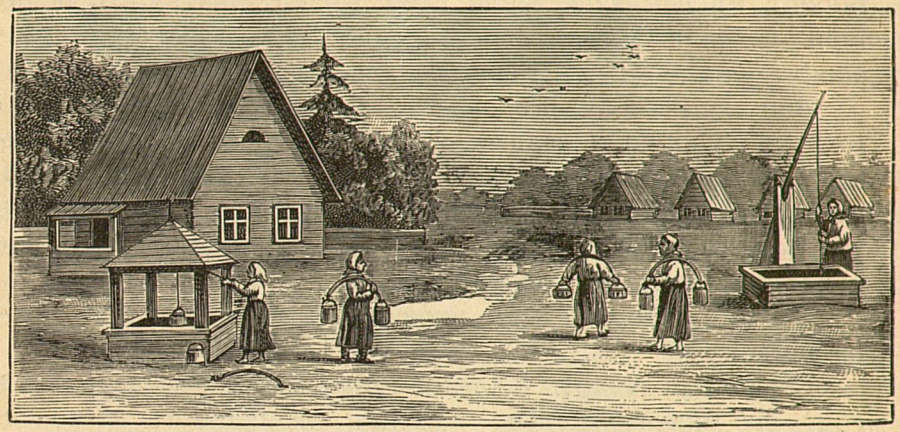
Учитель, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, худой, высокій, широкоплечій...

У него большіе каріе глаза съ открытымъ, честнымъ и смѣлымъ выраженіемъ. И темно-русые волосы, вьющіеся какъ у негра. На тонкомъ энергичномъ лицѣ, выраженіе

непреклонной энергіи и крѣпкой воли. Энергиченъ и высокій лобъ, и смѣло изогнутыя крутымъ изгибомъ брови и нѣсколько рѣзко очерченный ротъ. Ротъ, лобъ и все подвижное лицо съ налетомъ загара говорятъ о силѣ, упорствѣ и пережитой борьбѣ вполнѣ взрослаго, испытаннаго человѣка, а глаза,—глаза мечтателя ребенка... Задумчивые, дѣтски-чистые, прекрасные глаза...

Онъ ходитъ по классу и диктуя, бросаетъ фразы:

«Дальше, за селомъ зеленѣли пашни, луга... Катила свои мутныя воды рѣчка... Еще дальше шумѣлъ сосновый боръ...» Ивановъ второй... Какаго рода боръ? Не знаешь-ли, миляга?



Ивановъ второй (въ сельской школѣ цѣлыхъ три Иванова, изъ трехъ разныхъ деревень: своей—Зеленыхъ Крутокъ, Ириновки и Липокъ), почесывая вихрастую маковку, отвѣчаетъ:

— Мужескаго рода, Борисъ Миколаевичъ. Боръ—мужескаго рода, значитъ.

— А родительный падежъ отъ бора, какъ будетъ?

— Кого? Чего? Бора!

— Вѣрно, молодчага... Пишите дальше!..

И Борисъ Николаевичъ Горскій, учитель зеленокрутинской школы продолжаетъ диктовку.

Онъ читаетъ по книгѣ, нанизывая фразу за фразой, шагая по классной, а темные глаза его устремлены сквозь раскрытое окно, въ зеленый полисадникъ, полный кустовъ сирени, чуть начинающей зацвѣтать, черной смородины, крыжовника и дикой розы.

Онъ любитъ свое гнѣздышко Борисъ... Эту школу, этотъ палисадникъ, и небольшую комнатку, отдѣленную перегородкой отъ школьной избы, гдѣ онъ родился и выросъ...

Его отецъ былъ тоже учителемъ въ этой самой школѣ, а мать фельдшерицей земской больницы, отстоящей отсюда въ десяти верстахъ. Въ сосѣднемъ городѣ учился Борисъ въ гимназіи, живя тамъ въ интернатѣ. Его родители мечтали видѣть своего единственнаго мальчика хорошо образованнымъ, вооруженнымъ солидными знаніями.

Они мечтали видѣть своего «Бореньку» студентомъ. О томъ же упорно и сладко мечталъ и самъ Борисъ. Университетъ казался юношѣ свѣтлой землей Ханаанской, цѣлью его жизни, смысломъ всего существованія. Учиться, учиться, и учиться. А потомъ избрать любимое поприще и отдаться ему съ головой...

И тѣмъ ужаснѣе было переживать тяжелую муку разочарованія..

Страшный ударъ постигъ Бориса на восемнадцатомъ году его жизни, передъ самымъ окончаніемъ гимназическаго курса.

Послѣ тяжкой, непродолжительной болѣзни умеръ отецъ.

Тяжело отозвалась смерть старика-учителя на его маленькой семьѣ.

Жена потеряла голову и, если-бы не нѣжная забота Бориса, Ольга Федоровна Горская, сошла-бы съума.

Но вся сыновняя любовь молодого Горскаго вспыхнула въ немъ съ удвоенной силой въ эти тяжелые дни.

Нѣжно, терпѣливо, безропотно и кротко помогалъ онъ родной своей старушкѣ переживать ея ужасное горе, затаивъ свое собственное въ непроницаемыхъ тайникахъ души.

Онъ любилъ отца, сильно и беззавѣтно. Смерть послѣдняго неизгладимымъ ударомъ поразила сердце юноши... Эта же смерть рушила и всѣ его прекрасныя мечты о будущемъ. Онъ понялъ—это будущее для него потеряно на вѣки... Надо было подумать о матери, о способѣ существованія любимой старушки. Ольга Федоровна давно бросила службу въ больницѣ, по слабости здоровья она не могла уже работать какъ прежде. Значитъ, долженъ былъ работать онъ—Борисъ. Его мать, проведшая двадцать лѣтъ въ школьномъ домикѣ Зеленыхъ Крутокъ, не могла бы подъ старость переѣзжать въ чужія незнакомыя мѣста, идти на невѣдомые пути нужды, борьбы съ жизнью и лишеній; стало быть онъ,—Борисъ, долженъ былъ позаботиться о ней... Не лишать ее насиженнаго гнѣзда и двумя десятилѣтіями привитыхъ привычекъ. Не лишать близости къ могилѣ отца...

И онъ позаботился о ней.

Онъ не помнитъ болѣе лихорадочной работы, чѣмъ та, которою онъ завалилъ себя въ то время. Онъ блестяще кончилъ курсъ съ медалью. Поѣхалъ къ попечителю учебнаго округа и выхлопоталъ себѣ мѣсто школьнаго учителя въ Зеленыхъ Круткахъ, мѣсто покойнаго отца.

Прежнія мечты остались мечтами... Далекій идеалъ—университетъ, разсѣялся какъ миражъ передъ глазами путника. Дѣйствительность разбросала надъ нимъ свои зловѣщія сѣрыя крылья...

И Борисъ Горскій погрузился въ холодныя, мрачныя волны ея.

Въ немъ жила душа поэта... Съ дѣтства юноша писалъ стихи, сказки, маленькіе разсказы. Въ гимназіи его такъ и прозвали «поэтомъ» за нихъ. Его стихи читались съ восторгомъ своимъ и чужими классами. Учителя отмѣчали его сочиненія. Ему предсказывали будущность.

И все рухнуло... Потомъ сѣрая будничная повседневность зажала его, какъ въ клещахъ, своими цѣпкими руками... Проза жизни захватила плотно, властно...

*

Въ ея мощныхъ, холодныхъ объятіяхъ притихла чистая, какъ хрусталь, душа Бориса...

Уроки, занятія въ школѣ, полевыя работы на крошечномъ участкѣ земли, отведенномъ подъ школу, заботы по дому, по крошечному хозяйству, отбирали все свободное время. Стихи писались теперь урывками, словно воровски. Работникъ-труженникъ побѣдилъ пѣвца-поэта. Къ тому же все свободное время Борисъ посвящалъ матери, читая ей длинными зимними и короткими лѣтними вечерами. Онъ обожалъ мать какъ самое драгоцѣнное существо въ мірѣ, отстраняя съ рѣдкой стойкостью малѣйшія невзгоды и заботы съ ея пути.

О ней, о своей дорогой старушкѣ думалъ онъ и сейчасъ, шагая по классу и роняя фразы диктовки...

Неожиданно легкій шорохъ подъ окномъ привлекъ его вниманіе.

Борисъ Горскій опустилъ книгу. Поднялъ глаза и по лицу его медленно промелькнула чуть замѣтная улыбка.

Опираясь обоими локтями на подоконникъ, въ палисадникѣ стояла дѣвушка.

Бѣлый ситцевый капотикъ... Небрежно скрученные на затылкѣ черные, отливавшіе синевой волосы... Глаза русалки...

— Лара!—сорвалось съ его губъ ни то радостно, ни то изумленно.

— Ну, да, конечно, Лара... Она сама собственной особой... Или не радъ?—Русалочьи глаза смѣются. Изсиня-черная головка поворачивается лицомъ къ дѣтямъ и киваетъ:

— Здорово, мелюзга!—кричитъ на всю школу молодой серебристый голосъ.

— Здравствуй, мельничиха! Здравствуй! — отвѣчаютъ звонкіе голоса хоромъ.

— Какъ живете-можете, бѣлобрысые мученики? а? Сколько тукманокъ отъ мучителя вашего получили нынче?

И щипковъ, и колотушекъ? Разсказывайте! Не стѣсняйтесь, нечего таить!

— Лариса!

Каріе глаза юноши загораются раздраженіемъ. Борисъ всегда недоволенъ, когда ему мѣшаютъ во время его занятій съ дѣтьми.

Даже матери извѣстно, что къ сыну нельзя входить въ классную во время уроковъ.

Хмуря свои темныя брови, онъ говоритъ:

— Сколько разъ, Лариса, я просилъ тебя не мѣшать, не врываться сюда въ это время... Не дѣло, Лариса...

— Лара, а не Лариса! Это еще что за новости называть меня такъ!.. Не извольте важничать сверхъ мѣры, господинъ учитель!

Теперь она стоитъ, скрестивъ по-наполеоновски руки, вся сверкающая въ своемъ негодованіи, вся дышащая благороднымъ гнѣвомъ.

Онъ смѣетъ сказать это ей! Ей можетъ быть запретнымъ, что-либо?.. Ей!

— Борька! — кричитъ она неожиданно и звонко. — Не намѣреваешься-ли ты меня еще выгнать отсюда? — И съ дерзкимъ вызовомъ глядитъ въ его лицо своими свѣтлыми глазами.

— Перестань-же, Лара, ты не дитя! — говоритъ онъ тихо, силясь удержать непокорную улыбку...

Она замѣчаетъ его маневръ, хохочетъ и хлопаетъ въ ладоши. И вдругъ дѣлается серьезной... Свѣтлые, какъ воды голубого озера глаза, темнѣютъ. Брови хмурятся... Лицо блѣднѣетъ подъ золотымъ налетомъ загара. И она шепчетъ съ разлившимися зрачками, съ серьезнымъ, печальнымъ лицомъ:

— «Они» пріѣдутъ... «Они» почти пріѣхали... «Они» здѣсь...

— Кто «они»?—недоумѣваетъ Борисъ, пожимая плечами.

— Мои враги... Новые помѣщики Зеленаго Крута... По-

нимаешь? Они осмѣлились... Пойми, Борисъ, пойми... Все пропало!.. И домъ, и библіотека, и клавикорды... Но мы еще посмотримъ... Мы еще увидимъ!.. Гляди! Ты видишь это?

Съ быстротою молніи она вскидываетъ руки... Дѣлаетъ движеніе плечомъ и протягиваетъ Борису старую двухстволку, болтавшуюся у нея на спинѣ, которую онъ не замѣтилъ прежде...

— Ружье капитана? Зачѣмъ оно тебѣ, Лара?

— Это мое дѣло! Это первый мой шагъ! Молчи... Только они не возрадуются, знаешь, когда пріѣдутъ!.. Я имъ отравлю жизнь... Зачѣмъ они отняли мое царство? Зачѣмъ развѣнчали царевну?

Я царевна серебрянной ночи...
Я царевна лучистаго дня...

Вѣдь ты же самъ сочинилъ для меня это... Ты же призналъ меня самъ... Такъ почему же они... они...

Она топаетъ ногою, обутой на этотъ разъ въ кожанную туфельку-сандалію, пристегнутую у щиколодки ремнями.

— Я ихъ ненавижу, слышишь? Всей душой ненавижу, Борисъ...

О, какіе злые у нея глаза въ эту минуту... Маленькая ручка сжимается въ кулакъ. Кулакъ грозитъ по направленію сѣраго дома, тамъ на горѣ, окруженнаго зелеными липами.

Борисъ улыбается чуть замѣтно...

— Ты и въ дѣтствѣ была большой фантазеркой, Лара, теперь же фантазіямъ твоимъ нѣтъ конца,—говоритъ онъ, ласково глядя въ такъ хорошо знакомые ему глаза.— И зачѣмъ взяла это ружье у капитана? Къ чему оно тебѣ? Надѣюсь, никого не хочешь подстрѣлить?

— Молчи, не зли меня... Слышишь?—Она нахмуриваетъ брови и чутко прислушивается съ минуту... Потомъ вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.—Слышишь? Топотъ копытъ... Да... Да, конечно! Сюда ѣдутъ... ѣдутъ... Борька! Борька! Это

они. Клянусь колесомъ нашей старой мельницы... Дорогой мой! Какъ бьется сердце! Борисъ! Клянись мнѣ сейчасъ же, что ты будешь врагомъ ихъ такъ же, какъ и я... Что ты будешь ихъ ненавидѣть такъ же какъ и я... Что ты, какъ и я, будешь досаждать имъ, какъ можно больше и какъ можно чаще... Или...

— Что ты мелешь, Лара? Безумная ты дѣвочка!

— Мелетъ мельница, а говорю я... Я говорю тебѣ, я, твоя подруга дѣтства, твой вѣрный товарищъ съ младенческихъ лѣтъ. Слышишь, Борисъ? Кто не за меня, тотъ противъ меня... Понимаешь? Я или они? Рѣшай!

— Лара!

— Молчи! Я—или они?

Юноша не выдержалъ... Разсмѣялся. . Очень ужъ забавна была она, эта такъ воинственно настроенная фигурка съ пылающими глазами, и полнымъ дерзкаго вызова лицомъ. Изъ-за этой тоненькой фигурки глянуло на него его дѣтство... Ихъ общее дѣтство съ Ларой... Длинныя бесѣды подъ колесомъ старой мельницы, на берегу озера подъ сѣнью осокъ... Безконечныя прогулки по лѣсу... Бѣшенныя скачки по полямъ... И «паломничества» въ домъ... Въ таинственно прекрасное царство Лары, какъ онъ самъ прозвалъ забытую усадьбу, любимый уголокъ его маленькой подружки... Взявъ ключъ у арендатора мельницы, отчима Ларисы Безсоновой, они бѣжали на гору, прятались въ дикой чащѣ заглохшаго сада... Здѣсь онъ читалъ ей стихи, свои стихи, сочиненные имъ робко и вдохновенно... И пылкая, горячая, восторженная дѣвочка вѣнчала его кудри, въ награду за нихъ, сплетенными вѣнками изъ дикаго левкоя и ромашки, собранныхъ здѣсь же въ саду. Но чаще они забирались въ библіотеку дома и читали, читали, читали: читали классиковъ, читали рыцарскіе романы Вальтеръ Скотта, читали историческія вещи Саліаса и иностранныхъ авторовъ въ переводахъ. Но больше всего классиковъ, конечно... Пушкинъ, Лермонтовъ, Тургеневъ,

Достоевскій, Гончаровъ, вотъ кто пробудилъ первые восторги Лары...

Когда Борисъ уѣзжалъ осенью въ свой интернатъ, возвращаясь домой по праздникамъ, темноволосая дѣвочка съ мучительнымъ нетерпѣніемъ ждала своего друга... И опять онъ дѣлился съ нею пережитыми впечатлѣніями за недѣлю разлуки... И опять, взявшись за руки, они бѣжали на гору по знакомой липовой аллеѣ, и если то было лѣтомъ, углублялись въ чащу сада, огромнаго какъ заглохшій паркъ... Здѣсь онъ посвящалъ ее въ свои новыя творенья или повѣрялъ ей свои давнишнія, теперь, увы, уже разбитыя мечты... Она слушала его, перебирая цвѣты, затихшая, восторженная, гордая за своего даровитаго друга... Или она пѣла сама... Безхитростныя крестьянскія пѣсни, сочнымъ, молодымъ, вѣрнымъ голоскомъ, или пѣла его стихи, импровизируя ихъ, подбирая мотивы...

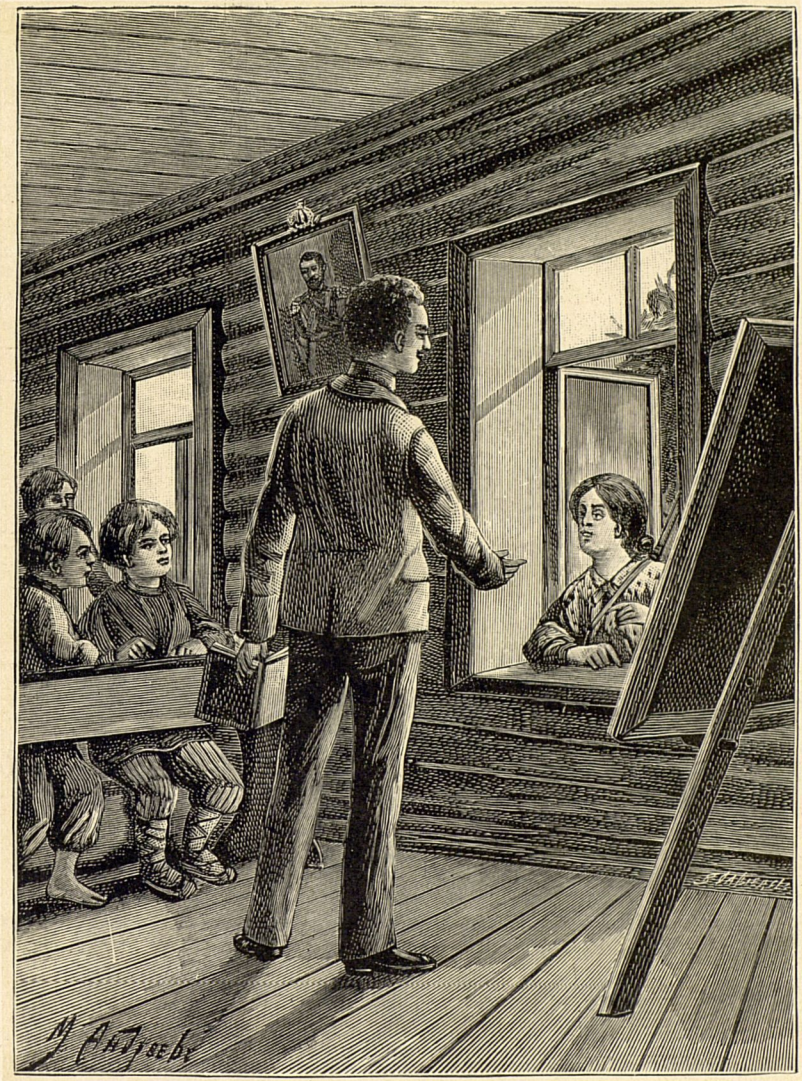
Зимою они забирали съ собою свѣчи, спички и шли прямо въ сѣрый домъ...

Въ библіотекѣ выбирали книги и читали...

Еще съ десятилѣтняго возраста отчимъ опредѣлилъ дѣвочку въ пансіонъ, въ городъ, находящійся въ двадцати верстахъ отъ мѣстности Зеленаго Крута, или Зеленыхъ Крутокъ, какъ прозывали свою деревню крестьяне... Капитанъ Корнинъ, второй мужъ покойной матери Лары не имѣлъ средствъ воспитывать дѣвочку дома, нанимать ей гувернантокъ и учителей.

Въ пансіонѣ господина и госпожи Мецъ, Лара и училась, и жила цѣлыми недѣлями, до наступленія субботы. Въ субботу появлялся старый работникъ Гаврило съ старымъ же Гнѣдко и увозилъ дѣвочку домой. Возвращались они вмѣстѣ съ Борисомъ.

Но вотъ Борисъ Горскій сталъ учительствовать. Новыя обязанности поглотили его съ головою. Маленькая подруга дѣтства не могла уже располагать его временемъ такъ, какъ раньше... И сѣрый домъ Лара стала посѣщать одна.



(Къ стр. 20).

Но ихъ дружба не прекратилась и товарищъ оставался тѣмъ же вѣрнымъ милымъ товарищемъ въ жизни возмужавшаго теперь и отягощеннаго заботами Бориса.

Сейчасъ эта нѣжная привязанность къ Ларѣ говорила особенно сильно въ его душѣ. Ему жаль ее... Жаль ее безконечно. Онъ беретъ ее за руку, стараясь утѣшить, убѣдить...

— А лучше бы тебѣ успокоиться, Лара... Вѣдь Зеленый Крутъ принадлежитъ имъ, а не тебѣ. И твой отчимъ, наконецъ, можетъ быть недоволенъ...

— Капитанъ? Да, ему будетъ непріятно! Но знаешь-ли, не заговаривай мнѣ зубовъ... Я все понимаю сама прекрасно. Клянись мнѣ, что ты не будешь ничего общаго имѣть съ тѣми, на горѣ... И не станешь отказывать мнѣ въ помощи, когда мнѣ понадобится задать имъ славную взбучку...

— Лара! Опять?

— И еще молчи! Да, славную взбучку, говорю я тебѣ... А теперь отвѣчай скорѣе: да или нѣтъ?

— Но... Перестань, Лара!

— Да или нѣтъ? Говорю я по русски или по китайски?

Она волнуется, почти кричитъ...

Заинтересованныя дѣти постепенно покидаютъ свои мѣста, идутъ къ окну, вперяютъ въ говорившихъ разгорѣвшіеся любопытствомъ глазенки.

Впереди всѣхъ черноглазая Устя, высокая костлявая дѣвочка, дочь пономаря. За нею Ромка, сынъ старосты, любимецъ Бориса, сметливый, умный, но черезчуръ бойкій мальчикъ по тринадцатому году.

Борисъ сейчасъ только замѣчаетъ сгруппировавшихся вокругъ нихъ дѣтей. Его брови сдвигаются. На худомъ, энергичномъ лицѣ вспыхиваетъ румянецъ.

— Куда? Назадъ! Сейчасъ же на мѣста и повѣрять диктовку.. Живымъ шагомъ маршъ на мѣста! — прикрикиваетъ онъ.

— Здорово, разбитые носы... Васъ только здѣсь недо-

ставало!—шутливо вторитъ имъ Лара, дѣлая по адресу ребятъ такую уморительную гримасу, что тѣ не удержались и прыснули со смѣху.

Кто то изъ нихъ запищалъ... Кто-то измѣнивъ до неузнаваемости голосъ, затянулъ:

Мельничиха наша,
Муку молола,
Ничего не смолола,
Обсыпалась только
Съ головы до пятокъ,
На смѣхъ ребятокъ.
Почемъ муку продавала?
За три крупицы
Да за двѣ дохлыя птицы!
Ха, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха!—закатилась и Лара...—Кто жъ это сложилъ такъ складно? А?—допытывалась она.

— Не скажемъ! Не скажемъ!—дразнились дѣти.

— Ай, врете, скажете, я вамъ пряниковъ принесу...

— Ей Богу?

— Ей Богу!

Устька пономарева вытянула костлявую шейку и пропищала какъ мышь:

— Гаврюшка Петровъ сложилъ, я знаю.

— Врешь!—съ послѣдней скамейки протестовалъ Гаврюшка.

Борисъ нахмурился.

— Ты бы лучше заданные стихи выучивалъ, Петровъ, нежели глупости сочинять,—произнесъ онъ строго.

— Ничего, Боря! Не брани его! Я ему пряниковъ принесу завт...

Лара не договорила и насторожилась снова.

— Ѣдутъ! Ѣдутъ!— вырвалось внезапно изъ груди ея съ неподдѣльнымъ отчаяніемъ.

Дѣйствительно, гдѣ-то близко уже, за околицей послышался внятный топотъ копытъ, скрипъ рессоръ и веселые голоса...

— Ѣдутъ!

Вмигъ черненькая головка нырнула за окно... Тонкая фигура вся вытянулась, какъ стрѣла и какъ стрѣла же, выпущенная изъ лука, дѣвушка метнулась изъ школьнаго палисадника по направленію къ подъему Зеленаго Крута, придерживая ружье, болтающееся за спиной...

IV.

ЛАРА не ошиблась... Къ усадьбѣ Зеленаго Крута подъѣзжали три тройки сосѣдей Бравиныхъ... Покойные допотопные экипажи старинной формы, въ которыхъ можно удобно проспать всю ночь напролетъ...

Едва только успѣла Лара домчаться до небольшой рощицы, находившейся на самомъ подъемѣ Крута, какъ топотъ копытъ зазвучалъ совсѣмъ близко, близко отъ нея.

Дѣвушка нырнула въ кусты... Приладила ружье у ствола дерева и жадно впилась глазами въ вновоприбывшихъ.

Въ передней коляскѣ сидѣлъ старикъ въ военной шинели съ военной фуражкой моряка на головѣ,—новый помѣщикъ адмиралъ Іакимъ Леонтьевичъ Зарницынъ. Худое, желтое болѣзненное лицо. Длинные обвислые усы Мазепы... Проницательный, нѣсколько суровый взглядъ изъподъ сѣдѣющихъ густыхъ бровей. Что-то раздражительное, больное... Таковъ былъ портретъ новаго помѣщика. Подлѣ него сидѣла дѣвушка, похожая на тепличный цвѣтокъ...

Блѣдная, бѣленькая до прозрачности, съ темными усталыми глазами, съ блѣднымъ же анемичнымъ ротикомъ, хрупкое, болѣзненное—типичное петербургское дитя.

Противъ нихъ худосочный лицеистикъ съ маленькими глазками, съ темнымъ пушкомъ надъ верхней губой, съ черепаховымъ пэнснэ на вздернутомъ носу.

Дѣвушка эта, Римма Іакимовна Зарницына была дочерью адмирала, два года назадъ окончившая институтъ. Лицеистъ—племянникъ адмирала, Мишель, какъ его называли. Мишель одѣтъ по послѣдней модѣ. На немъ форменная фуражка его учебнаго заведенія и франтоватый узенькій китель, узкія же какъ трубочки брюки и тупоносыя лакированныя ботинки. Въ рукахъ хлыстикъ. Фуражка сдвинута на затылокъ, въ лицѣ скука и презрѣніе ко всему, что не касается узкаго кителя и лакированныхъ ботинокъ.

Во второмъ экипажѣ сидитъ пожилая маленькая дама, худенькая шатенка съ очень серьезнымъ лицомъ и съ легкой просѣдью гувернантка дѣтей Зарницыныхъ, Марья Александровна Дымова, и круглолицая дѣвочка лѣтъ четырнадцати, некрасивая, но свѣжая и румяная, почти толстушка, Соня. У Сони нѣтъ никакого сходства съ сестрою. Но насколько Римма Зарницына хрупка и болѣзненна, на столько Соня неуклюжа, румяна и толста. У нея пышная черная коса за спиною и простоватые любопытные глаза. Слишкомъ толстый носъ и губы. Большія пухлыя руки, широкія плечи и вся она нескладная и широкая въ своемъ легкомъ дорожномъ платьѣ. У нея въ рукахъ бѣлая болонка съ злыми глазами, похожая на игрушку. Другая такая же болонка на рукахъ пожилой гувернантки.

Въ третьемъ экипажѣ, гдѣ сидитъ прислуга, поваръ, лакей и двѣ горничныя, такихъ собаченокъ набрано по меньшей мѣрѣ штукъ пять. Тутъ и шпицъ. и черный пудель, и два мопса съ угрюмыми физіономіями. И опять болонка побольше первыхъ двухъ.

За экипажемъ бѣжитъ огромный догъ злющаго вида.

Когда коляски въѣхали на гору изъ калитки сада,

стремительно выскочилъ высокій широкоплечій кадетъ, лѣтъ 15-ти похожій на толстую дѣвочку, какъ двѣ капли воды; за нимъ румяный швейцарецъ monsieur Жюль, и блѣдный, серіезно-вдумчивый, слабенькій и маленькій, хрупкій, какъ драгоцѣнная ваза, Толя. Ларѣ изъ ея убѣжища были прекрасно видны всѣ они, какъ на ладони, а Толю, своего ночного собесѣдника она узнала сразу.

Кадетикъ и гувернеръ кинулись опрометью къ экипажамъ, стали вытаскивать безчисленные саквояжи, картонки и корзинки... Потомъ помогали выйти изъ нихъ вновь прибывшимъ. Кадетикъ говорилъ торопливо треща, безъ умолку:

— Ну, вотъ, ну вотъ... И прекрасно... Пріѣхали. Домъ—одно великолѣпіе... Не безпокойся, папа, все чудесно... Отремонтировать можно слѣдующей весною, а сейчасъ только печниковъ надо найти, чтобы плита не дымила... А все остальное — прелесть... Римма, выходи! Сонька, скорѣе... А, какой тутъ садъ—чудо! Крыжовнику, смородины будетъ пропасть!.. Кустовъ двѣсти... Я считалъ... Это по твоей части, Сонька... Смотри не объѣшься когда поспѣютъ ягоды!..

— Ахъ!

Толстая дѣвочка, успѣвшая уже неуклюже выпрыгнуть изъ экипажа, подбѣжала къ брату и уставилась на него, большими радостными глазами, растянувъ губы чуть не до ушей...

— Закройте ротъ, Софи! Что у васъ за непозволительныя манеры строго проговорила, подошедшая къ ней Марія Александровна...—а вы, Сева,—обратилась она къ кадету,—послали на станцію за вещами?..

— Сторожа здѣшняго послалъ. Съ телѣгой. Но не знаю, что изъ этого выйдетъ: во-первыхъ онъ глухарь, тетеревъ безъухій, во-вторыхъ страшная дубина. Глупъ до послѣдняго предѣла...

— Что за выраженія у васъ, Сева!

— Всеволодъ! раздраженно прикрикнулъ на сына адмиралъ, расправлявшій затекшія отъ долгаго пути ноги.

— Прости, папа... Но право же я говорю то, что думаю... Обопрись на мое плечо. Такъ. Теперь идемъ. Здѣсь порогъ, осторожнѣй!

И при помощи старшаго сына и monsieur Жюля адмиралъ направился къ лѣстницѣ ведущей на террасу. Ноги плохо слушались стараго моряка. Онъ страдалъ жесточайшей подагрой и сегодня, какъ разъ, она невозможно надоѣдала ему.

Едва только успѣлъ онъ дойти до лѣстницы, какъ неожиданный ружейный выстрѣлъ прокатился по усадьбѣ. Легкій дымокъ заклубился въ сторонѣ зарослей кустовъ.

Этотъ выстрѣлъ прогремѣлъ, такъ внезапно, что всѣ вздрогнули, кое-кто вскрикнулъ... Соня взвизгнула благимъ матомъ, Римма испустила испуганное «ахъ». Страшно заволновались собаки. Болонки зашлись отчаяннымъ лаемъ.

Злющій догъ мгновенно поднялъ голову. Насторожился. Заворчалъ.

— Пиль, Марсъ! Бѣги и ищи! Шершъ! Такія глупыя шутки не должны прощаться, сердито нахмуривъ брови, скомандовалъ Всеволодъ Зарницынъ, юный кадетъ.

И Марсъ стрѣлой метнулся въ кусты...

Лара не успѣла опустить еще дымящагося ружья (она только что выстрѣлила изъ него въ воздухъ), и какъ слѣдуетъ поторжествовать надъ испугомъ „враговъ“, какъ въ двухъ шагахъ отъ нея сквозь густую заросль кустовъ просунулась тупая морда собаки.

Злые глаза дога искрились краснымъ огнемъ. Огромный языкъ свѣсился въ сторону. Черная пасть широко раскрылась. Съ глухимъ рычаньемъ онъ бросился къ дѣвушкѣ, готовый растерзать ее...

Но Лара не смутилась. Она встала въ угрожающую позу, быстро взмахнула ружьемъ:

— Назадъ!

Ея властный окрикъ и неустрашимая фигурка возымѣли

нѣкоторое дѣйствіе. Свирѣпый песъ отступилъ, подался назадъ и вдругъ, неожиданно разразился глухимъ, хриплымъ лаемъ.

Ему откликнулись звонкими пронзительными голосами, всѣ болонки, мопсы, шпицъ, пудель и отчаяннымъ лаемъ огласилась гора.

Далекіе деревенскіе псы тоже залаяли въ селеньи... Получился неожиданный концертъ, непріятно пронзающій уши.

Лара не потерялась. Держа ружье на перевѣсъ и, угрожая имъ догу, она стала отступать въ кусты, царапая себѣ до крови руки и лицо.

Между тѣмъ по круту бѣжалъ кадетикъ, за нимъ лицеистъ и гувернеръ...

Кадетъ кричалъ:—Шершъ, Марсъ, шершъ! Въ кустахъ воры, въ кустахъ чужіе. Пиль! Пиль! Пиль! И понукаемый этими криками, свирѣпый Марсъ снова кинулся къ дѣвушкѣ. Вдругъ пронзительный визгъ огласилъ кустарникъ... Лара ударила слегка стволомъ ружья по глянцевитой кожѣ животнаго и, прежде нежели собака успѣла опомниться, дѣвушка сдѣлала прыжокъ въ сторону и нырнула въ чащу гораздо раньше нежели три бѣгущія съ вершины горы фигуры успѣли поровняться съ зарослью кустовъ.

Почти одновременно съ этимъ, внизу крута, показался бѣгущій человѣкъ, въ военномъ кителѣ съ бѣлой фуражкой на головѣ. Едва переводя духъ, бѣгущій взобрался на вершину крута и еще издали, приподнявъ фуражку, привѣтствовалъ новыхъ помѣщиковъ.

Это былъ плотный, крѣпко сколоченный человѣкъ, красно-черный отъ загара, съ бычьей шеей, большими сѣрыми глазами, рыжеволосый, судя по усамъ, и съ догола обстриженной на лѣтнее время головою.

— Честь имѣю явиться, ваше превосходительство,—съ трудомъ побѣждая отдышку, отрапортовалъ онъ, все еще держа руку у козырька.—Что-же, такъ неожиданно изволили пріѣхать?.. Ни телеграммой не извѣстили ни пись-

момъ... Кой-какой ремонтикъ-бы соорудили на-скоро, по крайней мѣрѣ... Домъ-бы провѣтрили, протопили. Расчистили-бы садъ.

— На ремонтъ денегъ нѣтъ, капитанъ...—подавая ему руку, и дружески пожимая ее, произнесъ адмиралъ въ то время, какъ его желчное раздражительное лицо исказилось гримасой боли.—Не все же жить съ комфортомъ, надо и потѣсниться когда-нибудь. Распорядитесь только прислать мнѣ печника осмотрѣть печи... Да бабъ изъ деревни, помыть, что-ли, окна и полы...

— А вещи, ваше превосходительство?

— За вещами уже послана телѣга. Мой сынъ распорядился... Кстати, вы еще не знакомы съ моими дѣтьми. Старшая Римма Іакимовна, Сева, племянникъ Михаилъ, Соня, наша уважаемая Марія Александровна... воспитательница ихъ, monsieur Жюль, мой младшій Толя... А это, господа, арендаторъ нашей мельницы — капитанъ Корнинъ, мой товарищъ по былой службѣ,—съ тою же болѣзненной улыбкой, похожей на гримасу, отрекомендовалъ присутствующихъ другъ другу, адмиралъ.

— А, что это былъ за выстрѣлъ, вы не знаете, капитанъ?—неожиданно обратился къ арендатору давно уже вернувшійся къ калиткѣ вмѣстѣ съ остальными и все еще свирѣпо рычащимъ Марсомъ, Сева.

— Выстрѣлъ?

Капитанъ смущенно заморгалъ глазами и задергалъ кончики рыжихъ усовъ.

— Да, выстрѣлъ? Развѣ вы не слыхали? Какъ странно... Неужели здѣсь у васъ, такъ неспокойно? Стрѣляютъ среди бѣла дня!—волнуясь проговорила блѣдненькая Римма...—Вѣдь это ужасно, право!

Дѣйствительно, ужасно! Капитанъ былъ вполнѣ согласенъ съ нею.

Штормъ и буря! Онъ не такъ еще глупъ, старый капитанъ, чтобы не понять откуда этотъ выстрѣлъ! Ахъ, ужъ эта дѣвченка! Онъ поговоритъ съ нею сегодня же,

обстоятельно и серіезно. Или завтра передъ ея отъѣздомъ въ пансіонъ. Невозможныя шалости у этой Ларьки, и не мало доставляетъ она ему хлопотъ.

Но онъ старается подавить свое волненіе передъ новыми помѣщиками и, говоритъ имъ, вскидывая на каждаго изъ нихъ глаза поочередно.

— Не безпокойтесь, пожалуйста... Все это пустое... Глупость одна,.. Кто-нибудь изъ крестьянъ должно быть узналъ отъ Терентьича о пріѣздѣ вашемъ и хотѣлъ ознаменовать по своему, то есть поздравить... съ пріѣздомъ, такъ сказать почтить... Ну и удружилъ... Медвѣжья услуга,—оно конечно, а все же отъ добраго сердца!..

— Ха, ха, ха! А мы-то... Мы думали злостный умыселъ здѣсь, Марса натравливали, — ха, ха, ха, ха! — разсмѣялся Сева, такъ искренне и заразительно-весело, что первое непріятное впечатлѣніе, овладѣвшее присутствующими подъ вліяніемъ выстрѣла, прорвалось, и разсѣялось, какъ дымъ.

Всѣ почувствовали себя сразу свободно и непринужденно. Капитанъ поспѣшилъ со вновь прибывшими въ домъ, разъясняя, показывая дорогу, попутно раскрывая окна и смахивая пыль съ мебели большимъ клѣтчатымъ платкомъ.

Откуда-то съ чердака мигомъ появилось старинное choise-longue, кушетка. Съ помощью прислуги Корнинъ вытащилъ ее на террасу и адмиралъ могъ отдохнуть въ ней послѣ продолжительнаго пути.

И попутно добродушный арендаторъ — мельникъ болталъ безъ умолку о прелестяхъ Зеленаго Крута, о старой помѣщицѣ, умершей двадцать лѣтъ назадъ и выстроившей здѣсь школу и церковь.

— Ну, строить ужъ я-то ничего не буду!—рѣзко оборвалъ его старикъ Зарницынъ, въ приступѣ новой боли, хватаясь за колѣно,—денегъ у меня нѣтъ, все что было, все съѣла негодная петербургская жизнь. Мы больше оттого и сюда-то пріѣхали. Вамъ, какъ старому товарищу

по службѣ не стыжусь сознаться. Болѣзни болѣзнью, а и отъ непосильныхъ расходовъ полечиться слѣдуетъ. Вотъ-съ!..

И сказавъ эту, далеко не пріятную для него вещь, адмиралъ погрузился въ задумчивость на своей кушеткѣ.

Капитанъ Корнинъ сталъ спѣшить на село, сдѣлать распоряженіе бабамъ придти съ утра пораньше для уборки дома.

— Пока будутъ производить чистку внизу, на верхъ можно временно перебраться, а потомъ и обратно... Обѣдъ-же, пока не приведутъ въ надлежащее положеніе плиту на кухнѣ, я отъ себя присылать буду... если разрѣшите, — великодушно предложилъ онъ новымъ помѣщикамъ Зеленаго Крута.

— Благодарю, старый товарищъ... Вы такой-же добрякъ, какимъ были и двадцать лѣтъ назадъ,—произнесъ адмиралъ пожимая руку Корнину.

— Я никогда не забуду того, что вы сдѣлали, для меня, ваше превосходительство!—съ чувствомъ возразилъ тотъ.

— Это что сдалъ-то мельницу въ аренду? Не велика заслуга.

— Однако, для бѣднаго человѣка, ушедшаго съ военной службы и это—хлѣбъ...

— Нестоитъ и поминать-то о томъ. Пустое!

Лучше-ка приходите почаще поговорить о прежнемъ времячкѣ, да и въ шахматы сразиться, если не побоитесь проскучать со старымъ брюзгой.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—запротестовалъ капитанъ и, раскланявшись со всѣми, поспѣшилъ изъ усадьбы.

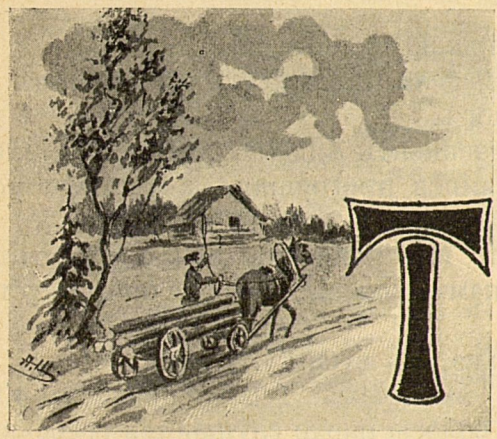
Съ его уходомъ старикъ Зарницынъ, забылся легкой дремотой въ то время какъ въ залѣ стараго дома, прислуга накрывала столъ, разставляла закуски. Поваръ на походной кухонькѣ кипятилъ воду для чая...

Молодежь разсыпалась по саду, аукаясь, смѣясь и перекликаясь. Одинъ Толя остался подлѣ отца. Мальчикъ не могъ ни бѣгать, ни играть съ другими. Его больное сердце не допускало никакихъ волненій игры.

Онъ подошелъ къ двери террассы. Передъ нимъ купался въ солнечномъ морѣ садъ. Пѣли птицы, трещали кузнечики въ травѣ. Пахло медомъ и весною. Въ чащѣ кустарника чуть зацвѣтала сирень. Толя думалъ о выстрѣлѣ, о феѣ, о всѣхъ странностяхъ случившихся вчера и сегодня.

— Это «она»!—думалъ онъ напряженно.—Она была въ такомъ гнѣвѣ, когда уходила ночью... Она разсердилась... И приказала своимъ подданнымъ эльфамъ, этимъ выстрѣломъ выразить свой протестъ. Конечно, это она! Она сердится и не придетъ больше... Ахъ, фея Лара! Фея Лара, приди! Мнѣ такъ скучно безъ тебя!

И ребенокъ протягивалъ руки къ зелени чащи, къ сиреневымъ и розовымъ кустамъ, купающимся въ золотомъ морѣ... И сердце его билось тоскою.



V.

ТУКЪ! Тукъ! Тукъ!

Лара только что проснулась. Весеннее солнце заливаетъ комнату. Подъ окнами у запруды шумитъ вода. Милый шумъ, знакомый ей, съ дѣтства! Подъ него она засыпаетъ, подъ него просыпается каждый разъ. Но сейчасъ этотъ родной шумъ ей не веселъ. Что-то угрюмое, темное поднимается со дна души. Что это? Силится вспомнить затуманенными еще со сна мозгами. Ахъ, да... Пріѣхали помѣщики... Конецъ ея царству въ усадьбѣ Зеленаго Крута!.. Конецъ!

*

Тѣснится сердце...

А въ двери стучатъ.

— Тукъ! Тукъ! Тукъ!

— Кто тамъ?.. Что надо?

— Пора ѣхать, барышня, капитанъ зоветъ.

— Сейчасъ. Скажи, сейчасъ, Гаврила... Одѣнусь только...

Быстро вскакиваетъ съ постели Лара.

– Сегодня понедѣльникъ. Опять въ пансіонъ... Еще недѣля... Въ субботу вернусь... На долго! На цѣлое лѣто! Еще недѣля... Цѣлая недѣля, длинная, какъ вѣчность. Ахъ!

А все-таки надо одѣваться... Капитанъ ждетъ. Въ дверь просовывается голова стряпки Агафьи. Добродушное какъ-бы сплюснутое лицо очень рыхлой пожилой женщины, на глазахъ которой выросла Лара, тучная фигура...

Кувшинъ со студеной озерной водой въ рукахъ старухи.

— Сейчасъ, што-ли, будешь мыться? Здравствуй. Господь тебя храни!

— Давай скорѣе. Тороплюсь, нянька!

Лара въ дѣтствѣ называла стряпуху нянькой; такъ и осталось это до сихъ поръ.

Агафья съ сосредоточеннымъ видомъ льетъ хрустальную воду въ закраснѣвшіяся пригоршни, на жесткую мочалку-люфу, которой Лара третъ себѣ шею и руки.

— Тебя когда-же это изъ пансіонта твоего отпустятъ совсѣмъ, на лѣто, къ намъ, значитъ? — любопытствуетъ между дѣломъ Агафья.

— Въ субботу, нянька, въ субботу! Жди!..

Процессъ умыванія законченъ. Теперь прическа. Густые, длинные, тяжелые волосы плохо слушаются гребенку. Съ трудомъ расчесываетъ ихъ Лара, плететъ въ толстую, длинную до колѣнъ косу, укладываетъ косу коронкой вокругъ головы.

Потомъ, выжидаетъ съ минуту, когда выходитъ изъ комнаты Агафья, и широко распахиваетъ окно.

Синій просторъ неба смотритъ ей въ лицо. Лара поднимаетъ глаза къ небу и шепчетъ что-то.

Это—молитва. Она всегда молится такъ, лѣтомъ. Зимой—на образа. Вокругъ нея въ комнаткѣ просто, чисто и уютно. Въ стеклянномъ бокалѣ умираютъ ландыши. Тонокъ и прянъ ихъ отживающій ароматъ... Бѣлая постелька, письменный столъ съ портретомъ красавицы женщины въ русскомъ сарафанѣ, съ тѣми же русалочьими глазами, что и у Лары... Пачки книгъ, связанныя ремнями на стулѣ, небольшая корзинка, куда положено Ларино бѣлье и вещи, необходимыя на время пребыванія ея въ пансіонѣ эту послѣднюю недѣлю. Все здѣсь, подъ рукой.

Кресло-качалка у окна... Въ углу кушетка съ облинявшей, когда-то розовой, теперь желтовато-грязной обивкой. Умывальникъ у двери.

Лара шепчетъ:

— Я люблю Тебя. и хочу дѣлать то, чему Ты училъ, Великій... Но я не виновата, что все выходитъ такъ гадко порою... Я люблю Тебя... Я склоняюсь передъ Тобою, какъ тростинка въ бурю... Мои глаза слѣпнутъ отъ Красоты Величія Твоего... Но я грѣшница... Я не могу слѣдовать за Тобою по тѣмъ путямъ, которые Ты указалъ намъ, Господь! Я умѣю ненавидѣть, злиться и не прощать! И часто, часто злоба одерживаетъ верхъ надо мною...

Глаза русалки темнѣютъ... Лицо дѣлается грустнымъ и дѣтски безпомощнымъ... Маленькія ладони конвульсивно сжимаются у груди ..

Она опускается на колѣни и уже молится молча, замирая въ безмолвномъ восхваленіи далекихъ Высотъ... Потомъ встаетъ задумчивая, притихшая... Накидываетъ на себя темное коричневое платье, переброшенное на спинкѣ стула и черный люстриновый передникъ.

— Пора! Заждался капитанъ!

И выходитъ изъ комнаты.

— Штормъ и буря! Наконецъ-то ты проснулась. Гнѣдко заждался у крыльца...

— Здравствуй, капитанъ!

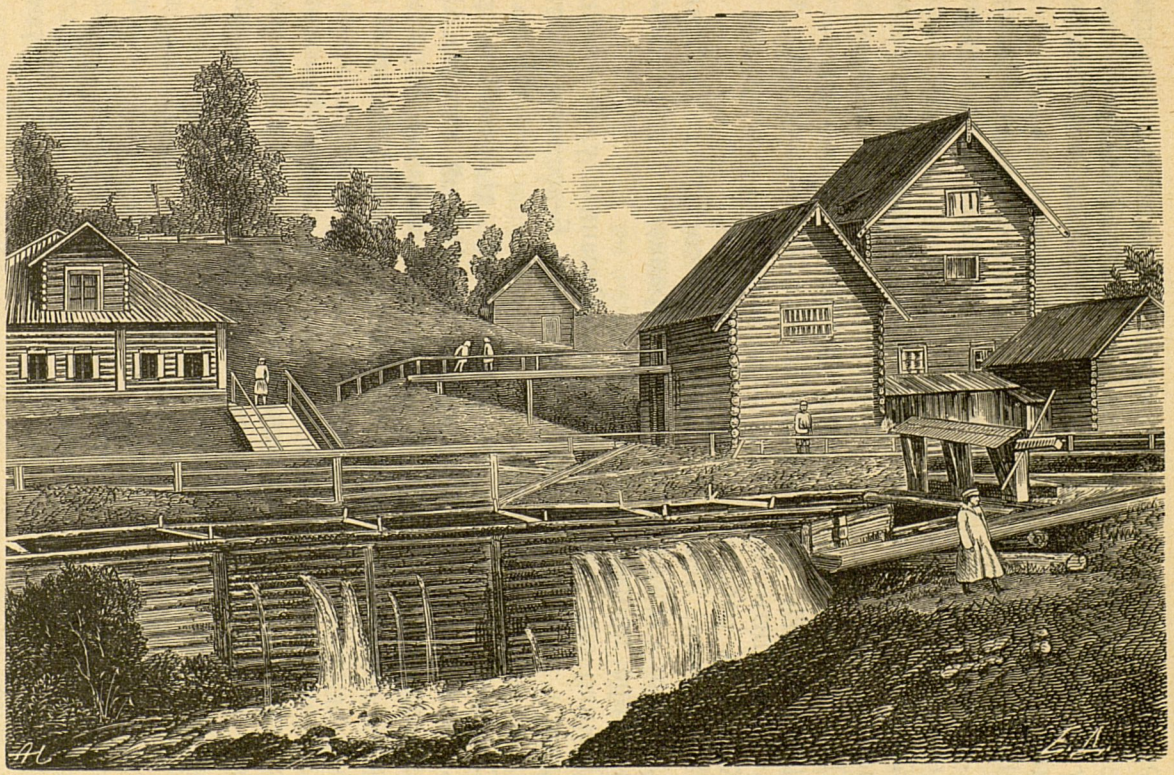
— Здорово, Ларька!

Они пожимаютъ руку другъ другу, какъ друзья. При видѣ этой дѣвочки, такъ живо напоминающей старому морскому волку его умершую жену, капитану дѣлается грустно.

Капитанъ Корнинъ вмѣстѣ съ адмираломъ Зарницынымъ пріѣхалъ сюда лѣтъ двадцать слишкомъ назадъ посмотрѣть имѣніе, оставленное адмиралу въ наслѣдство его теткой, только что умершей помѣщицей Зеленаго Крута, и здѣсь встрѣтилъ красавицу дочь деревенскаго старосты Сусанну. Дѣвушка произвела сильное впечатлѣніе на капитана не столько своей изъ ряда вонъ выходящей красотою, сколько тихимъ, кроткимъ характеромъ и голубиной чистотою.

Уѣхалъ изъ Зеленыхъ Крутокъ капитанъ и увезъ съ собою образъ красавицы Сусанны. И во время послѣдующаго плаванія дѣвушка-крестьянка не выходила у него изъ головы... За короткое время его пребыванія вмѣстѣ съ Зарницынымъ въ Зеленомъ Крутѣ, онъ успѣлъ много услышать о томъ, какъ Сусанна, старостина дочка, ходитъ по избамъ, ухаживаетъ за больными, няньчитъ ребятъ вмѣсто ушедшихъ на работу матерей, кормитъ нищихъ, одѣляетъ странниковъ и всячески печется обо всѣхъ убогихъ. И среди постоянныхъ странствованій по чужимъ землямъ онъ не можетъ забыть этихъ разсказовъ... Не можетъ развѣять всюду сопутствующій ему образъ милой дѣвушки.

Медленно, но вѣрно созрѣваетъ рѣшеніе въ душѣ офицера: выйти въ отставку, вернуться въ Зеленый Крутъ, жениться на молоденькой крестьянкѣ и поселиться тамъ навсегда съ женою. Но на это должны были быть деньги. У капитана же не было ни гроша за душою. Поэтому онъ съ радостью схватился за предложеніе Зарницына снять въ аренду его мельницу, принадлежащую имъ по наслѣдству, съ тѣмъ, что первыя деньги за аренду онъ внесетъ когда устроитъ свои дѣла. А за такую услугу адмиралъ Зарницынъ просилъ только присматривать за усадьбою Зеленаго Крута.



Мельница.

Разумѣется, капитанъ принялъ съ радостью это предложеніе, вышелъ въ отставку и помчался принимать мельницу у стараго арендатора, съ которымъ не поладилъ Зарницынъ.

И тутъ-то страшное разочарованіе ожидало офицера.

Сусанна вышла замужъ. У нея уже была дочурка, годовалая дѣвочка Лара.

Капитанъ заперъ горе въ своемъ сердцѣ и подчинился неизбѣжному.

Потянулась новая жизнь, полная работы, труда, въ которой хотѣлъ молодой тридцати-двухлѣтній еще человѣкъ затопить свое горе.

Капитанъ работалъ, какъ простой мельникъ...

И крестьяне Зеленыхъ Крутокъ и сосѣднихъ деревень, вначалѣ косо поглядывавшіе на страннаго барина—мельника, скоро попривыкли къ нему.

Прошло еще два года. Мужъ Сусанны управляющій сосѣдняго имѣнія, бѣдный дворянинъ Безсоновъ простудился на охотѣ и умеръ...

Сусанна, оставшись съ трехлѣтней дѣвочкой на рукахъ была теперь совсѣмъ одинокой, бѣдной вдовою. Она любила покойнаго мужа, но любила и дѣвочку Лару, маленькую сироту и мучилась заботами о предстоящей ей долѣ.

Поэтому, когда черезъ годъ со дня смерти Безсонова капитанъ Корнинъ, все еще продолжавшій въ тишинѣ сердца любить молодую женщину, предложилъ ей выйти за него, вдова согласилась.

Капитанъ былъ добрый, отзывчивый человѣкъ, немного смѣшной, застѣнчивый и молчаливый, немного приверженный къ употребленію пунша, за то онъ поклялся преданно любить Сусанну и ея малютку-дочь.

И сдержалъ слово, вполнѣ замѣнивъ дѣвочкѣ умершаго отца.

Не долго продолжалось ихъ счастье, однако...

Молодая жена прожила съ нимъ только годъ и умерла

послѣ короткой острой болѣзни, сыпнаго тифа, свирѣпствовавшаго въ тотъ годъ въ Зеленыхъ Круткахъ.

Безмѣрно было горе капитана.

Отъ слезъ онъ переходилъ къ глухому отчаянію, отъ глухого отчаянія къ слезамъ. И если-бы не четырехлѣтняя крошка съ глазами русалочки и черными смоляными волосами матери, похожая на нее до послѣдней капли, если-бы не малютка Лара называющая его, какъ взрослая «капитаномъ» и по своему ласкающая его въ тяжелыя минуты его отчаянія, ни эта дѣвочка, заботиться о которой онъ поклялся умиравшей Сусаннѣ, капитанъ Корнинъ не вынесъ бы своей потери. . . . . .

. . . . . .

— И такъ, ѣдешь?

— Понятно... А ты не забудь, своего обѣщанія, капитанъ.

— Гм! Гм! Ты не очень то того... командуй дѣвченка!.. Капитанъ Корнинъ опускаетъ глаза и смущенно проводитъ волосатой рукой по своей коротко остриженной маковкѣ.

Онъ знаетъ, чего хочетъ отъ него эта дѣвочка, такая странная, далекая ему по натурѣ, и въ то же время, такая родная въ тайникахъ его души...

Лара прикалываетъ мягкую войлочную шляпу съ огромными полями двумя шпильками къ черной головкѣ. Накидываетъ на плечи сѣренькій ватерпруфъ, прекрасно предохраняющій отъ пыли...

— Ну, готово! Прощай... Помни же: не пей безъ меня слишкомъ много пунша... И не спи послѣ обѣда... Докторъ тебѣ это запретилъ... И на гору не ходи безъ нужды въ старый домъ... Не ходи, если любишь маму...

Лара говоритъ это серьезно, почти сурово. Ея брови сжаты. Глаза горятъ.

Мысль вертится съ мучительной быстротой въ головѣ Корнина:

Какую власть забираетъ надъ нимъ эта дѣвченка! А между тѣмъ, сама и не чувствуетъ своей вины. Ее надо выбранить хорошенько еще за выстрѣлъ... За пере-

полохъ... Ахъ, что за мука дѣлать замѣчаніе этой дѣвочкѣ. Легче править судномъ или во время шторма и бури стоять на вахтѣ!..

— Слушай, Ларька,—говоритъ онъ рѣшившись, наконецъ, собравшись съ духомъ, — черезъ недѣлю ты пріѣдешь. Пожалуйста, брось свои шутки съ ружьемъ... И все-такое... Чортъ возьми... Все можетъ кончиться скверно... Скоро конецъ арендѣ и насъ того, съ тобою могутъ протурить отсюда... Поняла?.. Адмиралъ не любитъ шутить. У насъ въ эскадрѣ передъ нимъ матросы по стрункѣ ходили... Строгій былъ командиръ... И тебѣ гляди, влетитъ!

— Пусть попробуетъ только!

Глаза русалки полны сейчасъ невыразимаго словами гнѣва... Блѣднѣетъ смуглое отъ загара личико... Плотнѣе сжимаются брови.

— Я ихъ ненавижу!—кричитъ она почти въ голосъ и топаетъ ногой.

— Ларька! Ларька! Не снести тебѣ головы, если останешься такою!

— Что жъ по твоему, лучше было-бы еслибы я оказалась мокрой курицей, капитанъ?

Онъ улыбается невольно...

Какое у нея милое, задорное, боевое личико!

Черты лица Сусанны. А выраженіе другое. Совсѣмъ другое. Та была бѣлая кроткая голубица. Эта—сущій дьяволенокъ въ юбкѣ. Штормъ и буря. Наживетъ себѣ еще по горло хлопотъ съ этой разбойницей онъ—старый капитанъ!

— Ну, прощай покуда! Въ субботу пріѣду. Если опять не накажутъ только до воскресенья... — говоритъ она. — Привезти тебѣ изъ города табаку?.. И трубка твоя сломалась. Привезу и новую трубку... Потомъ коробку килекъ и еще что?.. Ахъ, да, кофе для няньки Агафьи... Прощай, капитанъ!

Она съ дѣловитымъ видомъ жметъ ему руку и спѣшитъ на крыльцо.

На дворѣ стоитъ Гнѣдко запряженный въ бричку. Гаврило, старый и черный, какъ колесо мельницы приподнимаетъ шапку.

— Здравствуй, барышня!

— Здорово, старина!

Нянька Агафья выплываетъ изъ кухни.

— Вотъ тебѣ корзинка съ пирожками, вчера напекла и колобки. Да варенья прошлогодняго, земляничкн банка. Да пару цыплятокъ. Кушай на здоровье, Христосъ тя храни! А въ большой клѣтушкѣ бѣлье и кофта. Ну, съ Богомъ.

— До свиданья! До субботы... Ждите!

Гаврило трогаетъ возжами. Гнѣдко сразу беретъ ходко съ мѣста...

Капитанъ смотритъ на падчерицу изъ-подъ козырька фуражки.

Странная дѣвушка!.. Двѣнадцать лѣтъ она растетъ подъ его кровлей, какъ весенній цвѣтокъ, чистый и прекрасный. А для него — она загадка... Ея душа хрустальна какъ воды озера и темна, какъ глубина его, полная неизвѣданной тайны.

Онъ ее не понимаетъ. Совсѣмъ не понимаетъ. У Ларисы свой мірокъ, свои мечты. Она какая-то вся необычайная. Такихъ не встрѣчалъ еще на своемъ вѣку онъ— капитанъ Корнинъ. Ей бы жить какъ царевнѣ, во дворцѣ, среди богатства и холи, а не дочерью бѣднаго арендатора, мельника быть.

Странная она—Лара!

И ласкаться она не умѣетъ. Никогда не обниметъ его — старика. А между тѣмъ, любитъ его крѣпко, заботится о немъ, бѣлье ему чинитъ, слѣдитъ, чтобы все у него было, чтобы онъ не пилъ своего пунша черезъ мѣру. А когда онъ заболѣлъ какъ-то, дни и ночи прислуживала она у его постели и такъ исхудала за то время, что жутко было смотрѣть.

А сейчасъ, уѣзжая на цѣлую недѣлю отъ него ста-

рика, замѣнившаго ей отца, она не находитъ ни одного сердечнаго слова на прощанье.

Вотъ еще разъ дернулъ возжами Гаврила и покатился тарантасъ.

Побѣжалъ Гнѣдко. Сѣрый ватерпруфъ и войлочная шляпа съ нависшими на лицо полями скрылась за косогоромъ. Потомъ вынырнула снова бричка и поскакала по пустынной улицѣ деревни, пугая мирно бродившихъ куръ и поросятъ...

Когда доморощенный экипажъ поровнялся съ школой, Лара привстала съ его сидѣнья и звонкимъ голосомъ послала въ окно учительскаго жилья:

— Ольга Федоровна! Не надо-ли чего изъ города? Привезу въ субботу?..

Сѣдая, какъ лунь голова старушки съ добрымъ морщинистымъ лицомъ высунулась изъ окошка.

— Спасибо, Ларинька, ничего не надо покуда! Себя привози только...

— Ну, ужъ понятное дѣло! А Борисъ гдѣ? Учительствуетъ?

— Нѣтъ еще. Урокъ не скоро. Пошелъ пройтись немножко. Можетъ, встрѣтишь. Ну, храни тебя Господь, крошка моя!

И худенькая старческая рука креститъ въ слѣдъ отъѣзжающую бричку.

За кладбищемъ разстилаются поля. Имъ нѣтъ конца и предѣла. Это степи, Приволжскія родныя сердцу степи... Лара смотритъ на ихъ зеленѣющую поверхность и жадно пьетъ медвяный запахъ полей. Ближе къ деревнѣ посѣвы, жнивы... Зеленая молоденькая рожь, овесъ, пшеница. Все знакомое, все безконечно родное. На одномъ изъ пригорковъ дальше въ степи алѣетъ что-то...

— Борисъ Миколаевичъ. Онъ! — увѣренно говоритъ Гаврила, указывая въ сторону кнутомъ.

И то—Борисъ!

Когда равняется съ нимъ бричка, Лара велитъ остановиться.

— Вотъ тебѣ первые цвѣты! — говоритъ онъ весело, и бросаетъ ей на колѣни нѣжный букетикъ лиловато-синихъ колокольчиковъ и ромашки.

— Спасибо, Борька!

Лара смотритъ на своего друга признательными глазами. Подаетъ ему руку.

На немъ красная рубаха и высокіе сапоги. На головѣ бѣлая фуражка.

— Ну, что успокоилась немного? Что дѣлать, Лара, надо подчиняться!—говоритъ онъ, пожимая ея руку.

— Подчиняться? Никогда!—Она вспыхиваетъ какъ порохъ и вся закипаетъ.—Я не уступлю имъ моей усадьбы, слышишь, Борисъ! О-о! Пусть попробуютъ пожить здѣсь до моего возвращенья... Задамъ же я имъ перцу! Развѣ я подчиняться умѣю! Нѣтъ! Это не для меня!

— Перестань, Лариса!

— Когда умру, перестану... А будешь заступаться за нихъ—ты мнѣ не другъ!

— Вотъ какъ!

— Бѣдовая наша барышня! — смѣется Гаврила съ козелъ.

— Ну, ладно, трогай! Опоздаю еще къ моей нѣмчурѣ. До свиданья, Борисъ!

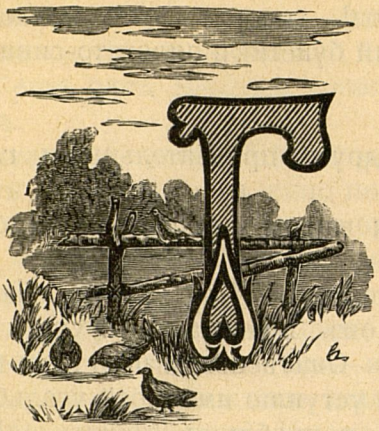
— Будь же умницей, Лара!

Бричка мчится снова, Горскій остался далеко позади.

Въ душѣ Лары снова буря, вчерашняя буря... Съ удвоенной силой бушуетъ она. Ничто не радуетъ больше: ни зеленые всходы, ни дальнія степи, ни родные курганы на горизонтѣ, ни встрѣчныя лица, радушно улыбающихся ей крестьянъ.

Все постыло, все, съ тѣхъ поръ какъ явились въ ея гнѣздо эти непрошенные гости... Противные! Ненавистные! Все отняли они у меня! — лепечетъ въ забывчивости въ слухъ дѣвушка, не обращая вниманія на оглядывающагося и изумленно посматривающаго на нее Гаврилу.

А бричка катится все впередъ по мягкой и сѣрой отъ пыли дорогѣ.



VI.

ОСПОДИНЪ Мецъ, длинный нѣмецъ изъ Остзейскаго края, игрою слѣпого случая попалъ сюда въ старый русскій городъ одной изъ Приволжскихъ губерній и женившись на русской воложанкѣ, устроилъ здѣсь вмѣстѣ съ женою пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ. Этотъ пансіонъ, большое бѣлое зданіе былого монастыря, пріютившееся на краю города, окруженное со всѣхъ сторонъ огромнымъ тѣнистымъ садомъ, невольно возбуждало любопытное вниманіе горожанъ.

Интеллигенція въ старомъ приволжскомъ городѣ жила открыто, «на виду», знакомились другъ съ другомъ. Но господинъ Мецъ съ супругой, тихой молчаливой женщиной жили своей закрытой тихой жизнью, въ четырехъ стѣнахъ пансіона.

Ученицы-пансіонерки тоже рѣдко выпускались въ продолженіи учебной недѣли куда-либо, кромѣ сада, и часто въ осеннее, зимнее и весеннее время можно было видѣть за рѣшеткой бѣлаго дома мѣрно прогуливающихся по двое, или по трое пансіонерокъ возрастомъ отъ десяти до семнадцати лѣтъ.

Здѣсь были и дочери N-скихъ горожанъ и дѣти окрестныхъ помѣщиковъ и даже пріѣзжія дѣвочки, изъ сосѣднихъ Волжскихъ городовъ. Господинъ и госпожа Мецъ имѣли превосходную репутацію педагоговъ и немудрено, если ихъ учебное заведеніе заслужило извѣстный авторитетъ и отцы съ матерями очень охотно вручали имъ воспитаніе своихъ дѣвочекъ . . . . . .

. . . . . .

Утренняя молитва только что кончилась. Воспитанницы разошлись по классамъ. Въ старшемъ отдѣленіи былъ назначенъ урокъ русскаго языка.

Но четырнадцать пансіонерокъ составляющія шестой предпослѣдній классъ пансіона, и не думали однако занимать своихъ мѣстъ и приготовляться къ приходу учителя.

Классная наставница, маленькая, полная дама въ черномъ платьѣ съ ослѣпительнымъ бѣлымъ воротничкомъ въ третій разъ ударяетъ въ ладоши призывая дѣтей къ порядку.

— Дѣвицы! Торопитесь. Господинъ Лавриковъ сейчасъ войдетъ! Да не шумите-же, дѣвицы! Перестаньте! Вы— взрослыя барышни... Ахъ, Боже мой! Да перестаньте-же шумѣть.

Но никто и не думаетъ обращать вниманіе на справедливое негодованіе этой подневольной мученицы въ черномъ платьѣ. «Взрослыя барышни», нестерпимо волнуются сегодня. Особенно старается Ласточка. Ласточка или Милочка Рудинская, одна изъ самыхъ рѣзвыхъ дѣвочекъ въ классѣ. Ей шестнадцать лѣтъ. Она дочь городского головы. Это—огневая дѣвчурка съ душой и ухватками завзятаго мальчугана. Она—единственная дѣвочка въ семьѣ, остальные дѣти мальчики, кадеты и немудрено если Мила и сама смахиваетъ на бойкаго, разухабистаго мальчугана. Ласточкой ее прозвали подруги за ея чирикающій, какъ у птички голосокъ, за ея изсине-черные косы, и бѣлое какъ сахаръ личико и шейку. И потомъ, какъ ласточка первая вѣстница тепла, такъ и Мила Рудинская первая—на всѣ шалости и выдумки въ пансіонѣ.

Сейчасъ Мила вскочила на каѳедру, изо всей силы ударяетъ линейкой по столу и кричитъ—чирикаетъ во весь голосъ:

— Ужасно! возмутительно, безобразно! Безобразно. Безобразно! И безобразно. Да! Да! Да! Да! Чего они хотятъ добиться, въ самомъ дѣлѣ? Репетиціи кончены

давно, лѣто на носу, экзаменовъ не будетъ! Чего же они держатъ насъ еще цѣлую недѣлю въ этихъ стѣнахъ? Чего морятъ?

— Рудинская! Тише!—подбѣгаетъ къ ней классная наставница.

— Не могу я тише, Вѣра Степановна.—Ну, убейте меня—не могу. Всю недѣлю потѣть въ этой духотѣ!..

— Прошу васъ не выражаться такъ вульгарно,—останавливаетъ ее воспитательница.

— Потѣть—вульгарное выраженіе!.. Но оно у русскихъ классиковъ встрѣчается. Ей Богу! Тогда и ѣсть вульгарное, тоже.

— Рудинская, не говорите дерзостей. Или я васъ запишу въ штрафную книгу.

— Вы меня уже записали, Вѣра Степановна,—едва удерживая улыбку, говоритъ Мила.—Теперь ужъ все равно!—и она дѣлаетъ рукою мальчишескій жестъ.

— Вы сорванецъ, Рудинская! Сходите съ каѳедры. Сейчасъ войдетъ Никандръ Ефимовичъ! Какой стыдъ!

— Вѣра Степановна дайте мнѣ договорить! Прошу васъ! Дайте отвести душу.

Лицо Милы—боевая мальчишеская рожица, принимаетъ молящее выраженіе. Темные глаза вскидываются просительнымъ взоромъ въ лицо наставницы.

— Два слова только! Умоляю два слова!

Къ счастью въ эту минуту маленькая пансіонерка изъ младшаго отдѣленія, просовываетъ голову въ дверь и во все услышаніе заявляетъ:

— Вѣра Степановна... Господинъ директоръ васъ проситъ. И нѣсколько взволнованная наставница наскоро обдергиваетъ платье и спѣшитъ изъ класса.

— Слава Богу, ушла!..—Мила Рудинская широко крестится, потомъ креститъ вслѣдъ классную наставницу, чѣмъ вызываетъ дружный хохотъ у подругъ. Теперь всѣ четырнадцать дѣвочекъ въ одинъ мигъ срываются со своихъ мѣстъ и окружаютъ каѳедру и Милу.

(Къ стр. 32).

— Говори, Ласточка, говори что хотѣла! Говори скорѣй!

— Только тише, господа! А то всѣмъ на орѣхи влетитъ.

— Слушайте, друзья мои! — Тутъ Мила поднимаетъ линейку на равнѣ съ своей черненькой головенкой и чирикаетъ: — Господа! Мы не дѣти и поступать съ нами, какъ съ глупыми ребятами нельзя... Подумать только: весна въ разгарѣ, солнце свѣтитъ во всѣ лопатки, птицы пестрѣютъ въ поляхъ, бабочки поютъ... Тьфу! Пестрѣютъ бабочки и поютъ птицы... А насъ здѣсь держатъ въ заперти! Душатъ уроками и дисциплиной. А когда реалистовъ и гимназію женскую и мужскую распустили? Еще на прошлой недѣлѣ... А мы здѣсь сиди и корпи. Невозможная жестокость! И вотъ что я придумала въ концѣ концовъ: идти сейчасъ же всѣмъ классомъ, нѣтъ, всѣмъ пансіономъ къ Мецу, просить насъ всѣхъ распустить сейчасъ же по домамъ. Такъ-ли, я говорю, дѣвицы?

Ласточка смолкаетъ на минуту. Обводитъ разгорѣвшимися глазами толпившихся вокругъ нея подругъ.

— Такъ, такъ, такъ! Всѣмъ классомъ, всѣми отдѣленіями, всѣмъ пансіономъ!—слышатся дружные голоса.

Позади толпы у окна, облокатившись на подоконникъ стоитъ высокая худая дѣвушка съ темными глазами и желтымъ лицомъ. Черная голова ея укоризненно покачивается изъ стороны въ сторону. Большіе черные глаза строго смотрятъ на Милу.

— Не дѣло затѣяли, душеньки!—говоритъ дѣвушка у окна.

Это Ненила Сомова, дочь богатаго купца хлѣбника. Ненилу Сомову подруги прозвали Старовѣркой, хотя никто изъ нихъ не увѣренъ въ томъ, старовѣрка она или нѣтъ и чуть-чуть посмѣиваются надъ ея серьезностью, надъ ея далеко не юношескими взглядами на жизнь, а въ душѣ уважаютъ за прямоту и честность.

Не любитъ ее только одна «виконтесса», или Маргарита де-Ленъ, дочь француза аптекаря. Дѣдъ Марго былъ настоящій виконтъ и эмигрировалъ изъ Франціи во дни

революціи. Онъ поселился здѣсь въ Россіи и на жалкіе гроши, уцѣлѣвшіе чудомъ отъ погрома, основалъ аптеку. Его сынъ, женившись на чьей-то гувернанткѣ въ N-скѣ, продолжалъ дѣло отца.

Марго-де-Ленъ рѣзко отличается отъ подругъ. Высокая, статная какъ молодая вербочка, изящная и надменная, она всегда держится въ сторонѣ отъ всѣхъ, не упуская случая, однако, поиронизировать надъ ребяческими выходками товарокъ. Она вся проникнута своей родовой гордостью и всячески подчеркиваетъ свое высокое происхожденіе. И сейчасъ, презрительно щурясь на «ораторшу» Рудинскую, она пожимаетъ плечами и не вытерпѣвъ, разражается цѣлой тирадой на ея счетъ.

— Вѣроятно, ты давно не оставалась безъ отпуска, Рудинская? Соскучилась по пансіону дома? Хочешь увеличить хоть какъ-нибудь срокъ пребыванія въ немъ? Вѣдь господинъ Мецъ терпѣть не можетъ, ты же знаешь, нашихъ вмѣшательствъ въ свои дѣла? Тебѣ шестнадцать лѣтъ Людмила, а ты наивна до смѣшного, право...

— Кто наивенъ? Я наивна? Благодарю покорно! Вмѣсто тото, чтобы поддержать она... Дѣвицы! Да что же это? и Ласточка негодующимъ взоромъ обводитъ тѣснившихся вокругъ нея пансіонерокъ.

Ея подруга Пѣгина, толстая, рыхлая, простоватая по виду, но очень «смѣтливая и тонкая штучка», какъ про нее говоритъ классъ, дочь помѣщика, вступается за Ласточку, которую она очень любитъ.

— Пускай иронизируетъ Виконтесса. Вѣроятно, по себѣ судитъ. Сама домой не хочетъ,—бросаетъ Пѣгина съ наивнымъ видомъ ребенка. — И немудрено: у нихъ въ аптекѣ лекарствами пахнетъ на всю улицу такъ, что хоть изъ дому бѣги!

— Пѣгина! Гадкая! Какъ ты смѣешь!—вспыхиваетъ до корней волосъ Виконтесса, и буквально заходится отъ злости. Ея блѣдное со смуглой кожей лицо подерну-

лось румянцемъ гнѣва. Она стала сразу злой и некрасивой въ одинъ мигъ.

— Кто-бы молчалъ! Отъ тебя за версту коровами несетъ. Ты, я слышала, изъ хлѣва не выходишь,—и она презрительно щурится на Пѣгину.

— Врешь! врешь! врешь!—протестуетъ та.

— Де-Ленъ... Пѣгина! Да перестаньте-же ради Бога! Въ будущемъ году пансіонъ оканчиваете, а какъ малыши готовы разодраться, — слышится чей-то умиротворяющій голосъ:

— Смолякова, не суйся!—Де-Ленъ протискивается къ каѳедрѣ, на которой все еще стоитъ Мила. Смолякова, энергичная некрасивая дѣвочка, пробивается тоже впередъ и преграждаетъ ей дорогу.

— Виконтесса! Не злись. На злыхъ воду возятъ. Бунтовать не надо... это правда... А пойти чинъ чиномъ попросить Карла Францевича распустить по домамъ насъ раньше, не мѣшаетъ. Кто согласенъ со мною дѣвицы?— говоритъ она.

— Я...

— Я...

— И я..!

— Совѣтую Мариненъ Гольдъ, захватить съ собою,— снова повышаетъ насмѣшливый голосъ де-Ленъ.—Поставить ее во главѣ депутаціи. Геръ Мецъ увидитъ свою одноплеменницу и растаетъ,—язвительно добавляетъ Марго.

Хорошенькая нѣмочка, дочь булочника Мариненъ Гольдъ смущенно краснѣетъ.

— Какъ она смѣетъ, дѣвицы! Какъ она смѣетъ. Нѣмцы всегда были честными людьми!—поднимаетъ она свой тоненькій голосокъ.

— И здорово поколошмятили французовъ,—смѣется Мила и ея бѣлые зубы блестятъ, какъ большія бѣлыя миндалины въ полоскѣ алыхъ губъ.

— Дѣвицы, не ссорьтесь... Къ чему?

Черноволосая Ненила придвигается нерѣшительно къ

остальнымъ. Ея лицо серьезно и строго по своему обыкновенію. На лбу глубокая складка.

— Не ссорьтесь! — благоразумно вставляетъ и Смолякова.

— Къ директору, къ геру Мецу идемъ-же, господа! Сейчасъ-же, сію минуту,—командуетъ Мила.

— Ни съ мѣста!—командуетъ де-Ленъ.—Хотите чтобы еще на вторую недѣлю насъ оставили въ наказанье?

— Не командуй... аптекарша! — пищитъ откуда-то голосъ хохлушки Гапы Полипко...

— Идемъ! Идемъ! Я первая! Беру смѣло отвѣтственность на себя. Кто за мною? и соскочивъ съ каѳедры, Мила уже мчится къ дверямъ.

— Ласточка! Перестань! Говорю тебѣ, влетитъ по первое число, слышишь?—надрывается ей вслѣдъ Смолякова.

— Волковъ бояться — въ лѣсъ не ходить! — кричитъ Пѣгина и спѣшитъ слѣдомъ за подругой.

Въ классѣ поднимается невообразимый шумъ... Суета... Однѣ стоятъ за „походъ“, другія, съ де-Ленъ во главѣ, противъ него.

Шумъ съ каждой минутой крѣпнетъ, растетъ.

— Господа, тише! Тише, дѣвицы, Вѣра Степановна идетъ!—благоразумно замѣчаетъ кто-то и все стихаетъ въ классѣ въ одинъ мигъ. Дверь размахивается широко...

— Что за бунтъ? Здорово, крикуньи!

— Русалка! Русалка!—Мельничиха изъ Зеленаго Крута! Наконецъ-то!—звучатъ одновременно веселые голоса.

На порогѣ комнаты стоитъ Лара, прямая какъ тростинка, стройная, свѣжая и бодрая, не смотря, на двадцать верстъ, сдѣланнаго ею только что пути. Ея волосы чуть растрепались. Русалочьи глаза горятъ любопытствомъ.

— Въ чѣмъ дѣло, бунтовщицы! Выкладывайте скорѣй!

Ее окружаютъ въ одинъ мигъ. Ей говорятъ всѣ сразу на десятокъ разныхъ голосовъ, поясняя «соль» происшествія... Кричатъ въ оба уха... Шумятъ такъ, что ровно ничего не разобрать.

— Господи Іисусе! Ничегошеньки не понимаю! Говори, которая-нибудь одна!—возмущенно протестуетъ Лара.

Ея слово—законъ.

Съ перваго же года поступленія въ пансіонъ она сумѣла вліять на всѣхъ этихъ впечатлительныхъ дѣвочекъ, подчинить ихъ своей незаурядной натурѣ. Обояніе Лары сказывалось и здѣсь, въ кругу ея подругъ. Ее считали холодною, не ласковой, «русалкой», въ полномъ смыслѣ этого слова, существомъ не отъ міра сего. Но она вліяетъ на подругъ однимъ своимъ видомъ увѣреннымъ и авторитетнымъ, своимъ недюжиннымъ развитіемъ, своей самостоятельностью и той особенной оригинальной красотой души, которая придаетъ невольный ореолъ величія каждому юному существу даже въ тѣсномъ кругу его друзей.

Даже надменная де-Ленъ невольно считается съ авторитетомъ Лары, хотя и никогда-бы не созналась въ этомъ никому. А такія, какъ Мила Рудинская, Пѣгина, Гольдъ, Полипко и другія, безъ всякаго старанія со стороны Безсоновой, покорены этой дѣвушкой съ ея непонятной для нихъ замкнутой и сложной душой.

Гапа Полипко, какъ мячикъ выскакиваетъ впередъ. Эта некрасивая, рыжеволосая дѣвочка съ типичными задумчиво-лукавыми глазами хохлушки и вздернутымъ носомъ, особенно благоволитъ къ Ларѣ.

— Гарная моя! Серденько мое! — говоритъ она съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, — идемъ, что-ли? Воевать такъ воевать... А щобъ ихъ всихъ!

— Толкомъ то скажите въ чемъ дѣло!—И Лара начинаетъ уже злиться.

Нина Смолякова подходитъ къ ней и подробно разсказываетъ все.

— Ага... — тянетъ раздумчиво, выслушавъ дѣвушку Лара и щеки ее розовѣютъ..

— Хотѣли просить распустить насъ по домамъ? Просить Меца? Ха-ха! Да развѣ вы не знаете его? Что можетъ изъ этого выйти? Наивныя дѣти, вотъ вы кто! Нѣтъ, здѣсь надо

дѣйствовать иначе...—Она задумывается на минуту. Хмуритъ тонкія брови.

Ахъ, хорошо было-бы если распустили сегодня. Сейчасъ! Тогда она получитъ возможность сейчасъ же осуществить планъ своего «мщенія...» Планъ «выкуриванія» «тѣхъ»,—ея враговъ изъ усадьбы Зеленаго Крута. Чѣмъ—она еще не знаетъ... Но она мечтаетъ объ этомъ... Да! О, желанная, милая, но мало возможная мечта!

Она стоитъ нѣсколько минутъ въ глубокомъ молчаніи, затихшая сосредоточенная и смотритъ въ окно въ садъ.

Тамъ солнце, зелень... Зацвѣтающія лилово-розовыя и бѣлыя грозди сирени. Тамъ пѣсни птицъ и свобода! Свобода на лонѣ весны и месть! Да и месть—ея врагамъ!

Нѣтъ, иначе и быть не можетъ! Ее должны выпустить на свободу, сегодня же, сейчасъ...

И вдругъ она хлопаетъ себя по лбу всею пятернею и смѣется.

— Радуйтесь, дѣвицы!—почти въ голосъ выкрикиваетъ она.—Нашла способъ, нашла, нашла!

— Что? Что такое? сыпятся вокругъ нея любопытные разспросы.

— Взять изводомъ вотъ что... Допекать чѣмъ можно... Первый урокъ Ларчикова. Ну, этотъ Богъ съ нимъ больной, его можно чинъ чиномъ попросить, я это возьму на себя... А если не согласится тогда, ужъ «на ножи» придется. Такъ молъ и такъ! Не приходите къ намъ больше, милый, хорошій, пригожій, такой-сякой... Согласится навѣрное. А потомъ у насъ что? Рукодѣліе? Ну, такъ еще лучше. Корзину съ работами, я берусь унести и спрятать на чердакѣ. Шить нечего, придется отмѣнить урокъ. Съ пѣніемъ предлагаю тоже исторію въ томъ же родѣ, предоставляю вамъ право «затянуть такого козла!»

— Ха, ха, ха ха!—раздается оглушительный взрывъ смѣха.—Молодецъ Лара! Прекрасно придумано.

— Безподобно! Хорошо!

— И такъ всю недѣлю. Пока не надоѣстъ нашимъ

почтеннымъ преподавателямъ ходить къ намъ и они не махнутъ рукою. Ясно?

Отлично, отлично! Взять «изводомъ»! Прекрасная мысль.

— Только Ларчикова, не трогать, господа. Его просто попросить. Онъ добрый, — бросала, снова хмуря тонкія брови, Лара.

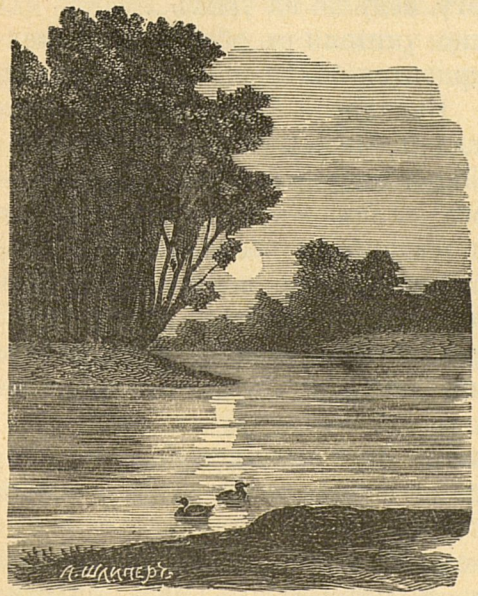
— Ну, конечно. А не согласится—будемъ отмалчиваться на всѣ задаваемые имъ вопросы и ничего не отвѣчать...

— Отмѣтокъ не ставятъ, все равно, къ концу года...

— Ну, резонно!

— Дѣвицы! Тише, Ларчиковъ идетъ.

И дежурившая, въ корридорѣ у классныхъ дверей, во время «совѣщанія» Маня Таганцева влетѣла въ классъ, на ходу обдергивая передникъ.



VII.

Почти по пятамъ за нею, вошелъ небольшого роста блѣдный худенькій человѣкъ со впалыми щеками и утомленнымъ взглядомъ большихъ вваливихся глазъ.

— Дѣвицы! — началъ онъ неловко поклонившись и бокомъ вступая на каѳедру. — Ввиду того, что уроковъ спрашивать, я не стану, остается мнѣ ровно четыре раза заниматься съ вами, я объясню вамъ...

— Не надо объяснять, Никандръ Ефимовичъ, мы васъ очень просимъ не приходите къ намъ на эти четыре

урока,—прозвучалъ со средней скамейки звучный голосъ Лары и она поднялась слѣдомъ за этимъ сама, тоненькая вся порозовѣвшая отъ волненія.

— Какъ вы изволили сказать? Я васъ не понимаю? Худое усталое лицо учителя обратилось къ хорошенькому личику ученицы.

Лара, серьезнымъ вопрошающимъ взоромъ, прозрачныхъ свѣтлыхъ глазахъ смѣло выдержала этотъ взоръ.

И быстро овладѣла собою.

— Ну, да! Мы очень просимъ васъ всѣмъ классомъ и всѣмъ пансіономъ (въ эту минуту Лара находитъ нужнымъ сослаться на весь пансіонъ, увѣренная заранѣе, что все учебное заведеніе Меца будетъ ей чрезвычайно благодарно за это). — Мы очень просимъ васъ, — подхватываетъ она твердымъ голосомъ уже безъ малѣйшей тѣни волненія,—не приходить эту недѣлю на урокъ...

— Почему?—худое лицо учителя съ обтянутыми желтыми скулами непріятно кривится болѣзненной усмѣшкой.

— Потому... потому... Никандръ Ефимовичъ, вы такой добрый къ намъ всегда и такой гуманный. Вы поймете.—Красивый голосъ Лары вибрируетъ и дрожитъ,— вы поймете. Мы всѣ горимъ желаніемъ скорѣе вырваться на волю. Взгляните какая роскошная весна! Какъ зацвѣтаетъ сирень въ саду... Репетиціи же кончились... Такъ неужели же нельзя сдѣлать такъ, чтобы насъ распустили?

Пожалѣйте насъ! Не приходите? Вы добрый человѣкъ!

Даже потъ проступаетъ на лбу Лары. Она не привыкла такъ говорить.

Она привыкла повелѣвать, какъ принцесса...

И тутъ! О, какъ хочется ей скорѣе попасть въ Зеленый Крутъ!..

Но, что это сдѣлалось съ учителемъ? Его лицо какъ-то странно осунулось и потемнѣло. Глаза опустились въ книгу. Болѣзненная гримаса повела губы.

На минуту водворилось непріятное молчаніе. Затѣмъ онъ обвелъ глазами классъ...

— Хорошо, произнесъ послѣ продолжительной паузы, дрогнувшимъ голосомъ учитель,—я исполню вашу просьбу. Я знаю, что если-бы я запротестовалъ, заставить заниматься классъ насильно, невозможно. И такъ, отъ моихъ уроковъ, я освобождаю васъ. До свиданія до будущаго года. Мы разстаемся. Желаю вамъ хорошенько веселиться лѣтомъ... Прощайте до августа, mesdemoiselles!

Онъ слегка наклонилъ голову, сошелъ съ каѳедры и исчезъ за дверью.

Не успѣла скрыться въ корридорѣ его согнутая болѣзненная фигура, какъ Мила Рудинская соскочила со своего мѣста и неистово крикнула!..

— Ура! Какая прелесть этотъ Ларчиковъ.—Ангелъ да и только.

— Тише! Тише! Зашикали на нее подруги,—сумасшедшая Милка! вѣдь урокъ рядомъ...

— Ну, если и всѣ такъ, какъ Ларчиковъ будутъ любезны и милы, то я ручаюсь за полную побѣду! торжествовала Лара.

— А теперь, дѣвицы, я потащу рукодѣльную корзинку на чердакъ, чтобы къ приходу нашей милѣйшей „Куницы“ все было готово.

— Нѣтъ, нѣтъ! Оставь, это сдѣлаю я!

И Пѣгина помчалась къ шкафу.

— Да, да, скорѣе, а то сейчасъ Вѣра Степановна изъ директорской нагрянетъ и тогда пиши пропало!—и Маня Таганцева бросилась помогать подругѣ.

Въ классномъ шкафу хранились книги, рукодѣльныя принадлежности, и географическія карты. Черезъ нѣсколько минутъ небольшая корзина съ лежавшими въ ней работами четырнадцати пансіонерокъ была торжественно извлечена оттуда. Прикрывъ ее чернымъ, люстриновымъ передникомъ, Анюта Пѣгина мчится стрѣлою на чердакъ.

Минутъ черезъ пять, шесть она возвращается снова оттуда съ сіяющимъ счастьемъ лицомъ.

— Успѣла!—таинственнымъ шопотомъ обращается она

къ подругамъ. — Только тише, теперь, тише, Качалова идетъ!

— А гдѣ же господинъ Ларчиковъ,—изумленно вскидывая на пустую каѳедру глазами, освѣдомляется классная наставница, вернувшаяся въ классъ по слѣдамъ примчавшейся пансіонерки.

— Урокъ отмѣненъ. Его не будетъ сегодня, — говоритъ, дѣлая невинное лицо Рудинская, въ то время, какъ ея черные глазенки такъ и сіяютъ полнымъ торжествомъ...

. . . . . .

— Ну, что, ребятки? Какъ живете? Меня вспоминали? Лихомъ, поди?

На порогѣ класса стоитъ высокая плотная фигура пожилой женщины, рукодѣльной дамы, прозванной за свой огромный ростъ, могучій басъ и черные усики надъ энергичными, далеко не женскими губами гренадершей. Вспыльчивая, горячая, гнѣвная, въ минуты недовольства своими ученицами, Анна Ивановна Куницына, обыкновенно добродушно шутитъ съ ними въ „хорошую минуту“. Это не мѣшаетъ ей, однако, быть взыскательной, требовательной и энергично покрикивать на нерадивыхъ работницъ, не разбирая возраста, класса и положенія ученицы.

— Ладно, мнѣ за васъ деньги платятъ, такъ потворствовать лѣни не намѣрена и бѣлоручекъ терпѣть не могу, — басила она со свойственной ей прямотою въ отвѣтъ на поднимающійся порою протестъ обиженной ея рѣзкимъ замѣчаніемъ ученицы.

Уже при входѣ въ шестой классъ, „гренадерша“ успѣла замѣтить приподнятое настроеніе „шестыхъ“.

— Вы что же это именинницами сидите, работы ни у кого на пипитрѣ нѣтъ?—не то вопросительно, не то негодующе бросаетъ она, обводя классъ большими, зоркими всевидящими и всюду поспѣвающими глазами.

Анюта Пѣгина нерѣшительно отдѣляется отъ скамьи.

— Анна Ивановна, посмотрите-ка, какое солнце нынче—звенитъ, вибрируя ея тонкій голосокъ.

— Ну, солнце... А дальше-то что?—уже инстинктивно предчувствуя „каверзу“ со стороны пансіонерокъ, возражаетъ недовольнымъ голосомъ Куницына.

— И тепло сегодня!—вставляетъ свое слово Полипко.

— Небо голубое!—словно мечтаетъ вслухъ Марихенъ Гольдъ.

— Птички поютъ!—пищитъ Маня Таганцева съ послѣдней скамейки.

— И міръ Божій—чудно прекрасенъ въ эту пору!..—закатывая глаза подъ лобъ, выпаливаетъ Мила Рудинская.

Классъ фыркаетъ. „Гренадерша“ принимаетъ боевую позицію.

— Что это за новости? Что за чепуха? Гдѣ ваши работы? Сейчасъ же приниматься за шитье,— выпаливаетъ она залпомъ, багрово краснѣя.

Тогда со своего мѣста поднимается Лара. Морщитъ высокій лобъ и отводитъ глаза отъ направленнаго въ ея лицо взгляда рукодѣльной дамы и говоритъ:

— Анна Ивановна! Придется отмѣнить урокъ — корзина съ работами исчезла изъ шкафа...

— Чего-съ?

Когда гренадерша произноситъ вмѣсто что „чего-съ“— это дурной знакъ несомнѣнно. За этимъ „чего-съ“ начнется шумъ, крики, угрозы идти жаловаться къ геру Мецу. Но при извѣстномъ умѣньи можно отвести грозу. Надо только выдержать „бурю“ безмолвно, смиренно, это прекрасно знаютъ шестиклассницы, а съ ними и весь пансіонъ.

У Лары сейчасъ лицо олицетворенной невинности, когда она отвѣчаетъ на это «чего-съ», собравшись съ духомъ:

— Корзина съ работами куда-то исчезла, Анна Ивановна. Мы уже искали ее. Нигдѣ нѣтъ.

Русалочьи глаза скрываются на мгновенье подъ темными рѣсницами. Лицо густо краснѣетъ отъ непривычки лгать.

— Ага...—протягиваетъ значительнымъ тономъ Гренадерша, въ то время какъ на лицѣ разгорается багровая

краска гнѣва.—Ага. Искали и не нашли. Прекрасно. Я попрошу гера Меца, Карла Францовича поискать. Авось онъ будетъ счастливѣе васъ!

И прежде, нежели пансіонерки успѣваютъ произнести хотя одно слово, фигура Гренадерши скрывается за дверью.

На мѣстѣ ея появляется разстроенная въ конецъ классная наставница.

— Что такое? Что случилось? Куда могла дѣваться рукодѣльная корзина изъ подъ ключа?—сейчасъ мнѣ встрѣтилась Анна Ивановна въ корридорѣ, она очень недовольна вами и пошла жаловаться геру Мецу. Да объясните же въ чемъ дѣло наконецъ!—съ отчаяніемъ въ голосѣ заключаетъ она.

Но никто ей не отвѣчаетъ. Всѣ подавлены такимъ необычайнымъ оборотомъ дѣла. Никто этого не ожидалъ. Никто не предугадалъ такого поступка со стороны гренадерши. Кто же могъ думать, что она побѣжитъ съ «языкомъ» не разобравъ хорошенько дѣла.

Всѣ подавлены... Смущеніе охватило шестиклассницъ. Дѣвичьи сердечки усиленнымъ темпомъ заколотились въ груди. Тишина воцарилась въ классной комнатѣ... И вдругъ громкое протяжное всхлипываніе послышалось за дверьми.

— Что это? Кто тамъ плачетъ?

Прежде нежели кто-либо успѣлъ предупредить ее. Лара стремительно сорвалась со своего мѣста и бросилась за дверь.

Въ углу деревянной скамейки, находившейся у дверей помѣщенія младшаго отдѣленія пансіона, притулился какой-то темный коричневый клубокъ. Чья-то бѣлокурая головка судорожно билась о доски скамьи. Глухое протяжное всхлипыванье говорило о недюжинномъ остромъ переживаніи ребенка.

— Цыпка, это ты?

Въ одну минуту Лара очутилась подлѣ плачущей дѣвочки, которую она узнала по крошечной фигурки и бѣлымъ какъ ленъ волосамъ.

Это была самая маленькая изъ воспитанницъ господина Меца, Любочка Ларчикова, по прозвищу Цыпка, дочь Никандра Ефимовича, учившаяся здѣсь въ младшемъ отдѣленіи пансіона безплатно, благодаря преподавательской дѣятельности ея отца.

Любочка приподняла бѣлокуренькую головку, взглянула заплаканными глазами, и увидя заботливо склонившуюся надъ нею старшую воспитанницу, прильнула къ ея груди, какъ настоящій цыпленокъ подъ крылышко матери, заливаясь въ тоже время новымъ потокомъ горючихъ слезъ.

— Цыпка! Цыпка! О чемъ ты?

Изъ шестого класса, спѣшили остальныя пансіонерки во главѣ съ классной наставницей.

— Въ чемъ дѣло? Почему плачетъ эта крошка?—наперерывъ спрашивали онѣ.

Но дѣвочка не могла отвѣтить ни слова. Ея всхлипыванія перешли въ рыданія и она конвульсивно билась на груди Лары.

— Принесите воды! Дайте ей выпить! приказала своимъ обычнымъ властнымъ тономъ послѣдняя.

— Сію минутку! И Гапа Полипко метнулась за водой.

— Ну, а теперь, Цыпка, выпей и говори!

То же властное, что таилось въ существѣ Лары и имѣло вліяніе на ея подругъ, повліяло и на крошку Любу.

Она съ трудомъ оторвала залитое слезами личико отъ плеча Безсоновой и залепетала, обводя заплаканными глазками толпившихся вокругъ нея, старшихъ пансіонерокъ.

— Папочка... Папочка мой... очень боленъ... ему доктора велѣли на кумысъ ѣхать... Въ Уфимскую губернію, въ кумысный курортъ... и онъ уже почти собрался... и... и... сегодня... сейчасъ... уходя домой сказалъ мнѣ, что отдумалъ... что его дѣла повернулись такъ, что нельзя. ему ѣхать... а... а бабушка мнѣ еще вчера говорила, что... папочкѣ невозможно не полечиться кумысомъ и не отдохнуть на волѣ... Что тогда онъ совсѣмъ расхворается и... и..

Дѣвочка не договорила и залилась слезами.

— Такъ почему же нельзя? послѣ тяжелой минутной паузы обратилась къ ней Вѣра Степановна.

— Не... не... знаю...—всхлипывая протянула та.

— А я знаю! вскричала Лара такъ громко, что Цыпка даже вздрогнула въ ея объятіяхъ...—А я знаю!—еще разъ торжествующе подтвердила она и ея глаза потемнѣли какъ воды омута передъ ночью. Она прижала къ своей груди дѣвочку, слегка прикоснулась губами къ бѣлокурой головкѣ.

— Не плачь, Цыпка, успокойся,—проговорила она,—и ступай въ классъ. Вѣдь у васъ урокъ и тебѣ достанется за то, что ты ушла. А насчетъ папы твоего не безпокойся. Я ручаюсь тебѣ, что онъ поѣдетъ лечиться на кумысъ. Непремѣнно поѣдетъ.

— Поѣдетъ?

— Большіе заплаканные глазенки ребенка вскидываются въ лицо высокой тоненькой дѣвушки. Впиваются въ ея блестящіе темные зрачки.

— Ахъ, какъ хорошо было-бы если бы онъ поѣхалъ!—говоритъ мечтательно Цыпка и неожиданно обвивъ руками шею Лары, цѣлуетъ ее въ русалочьи глаза. Потомъ, наскоро отвѣшиваетъ условный книксенъ Вѣрѣ Степановнѣ и бѣжитъ въ классъ, по дорогѣ вытирая заплаканное лицо.

— Господа!—говоритъ Лара обращаясь къ подругамъ, по уходѣ дѣвочки,—вы знаете,—эта крошка рыдала изъ за насъ, вѣрнѣе изъ за меня?

— Что? Что она говоритъ? Что ты говоришь, Лара? зазвучали вокругъ нея удивленные голоса.

— Въ классъ, дѣвицы, въ классъ!—волнуясь напоминаетъ Вѣра Степановна.—Ваша учительница сейчасъ вернется.

— Съ господиномъ директоромъ,—прибавляетъ Виконтесса. Дошалились нечего сказать!

— Да,—холодно блеснувъ на нее глазами говоритъ Лара,—мы промахнулись на этотъ разъ. Но во всемъ

виновата я одна. За это одна и должна быть привлечена къ отвѣту... Идемъ въ классъ. Вѣра Степановна, не безпокойтесь, больше мы не будемъ шумѣть,—добавляетъ она увѣренно и авторитетно.

Когда шестиклассницы водворяются на свои мѣста, Лара выходитъ на середину комнаты.

— Вѣра Степановна, вы разрѣшите мнѣ сказать два слова классу?

— Можете, пока Анны Ивановны еще нѣтъ,—великодушно соглашается та.

— Господа,—повышаетъ свой и безъ того звонкій грудной голосокъ Лара,—я виновата и хочу искупить свою вину.

Не надо было просить господина Ларчикова освобождать насъ отъ его уроковъ. Вы знаете, что значитъ для бѣдняка каждые лишніе пятьдесятъ, семдесятъ рублей. А онъ ихъ потерялъ, лишившись занятій въ пансіонѣ за эту недѣлю. Вотъ почему онъ не можетъ ѣхать лечиться на кумысъ. Ясно, какъ Божій день. И вотъ, я предлагаю написать ему письмо, умолить его вернуться снова и до дня роспуска попросить заниматься съ нами и я беру это устроить на себя, господа.

— Что такое? Что опять вы надѣлали безъ меня?— волнуясь набросилась Вѣра Степановна на Лару, но никто не слушалъ ее.

— Ага! Запоздалое раскаяніе. А я что говорила!— прошипѣла де-Ленъ со своего мѣста.

— Молчи, аптекарша! — зашикали на нее подруги. — Развѣ тебѣ понять Лару!

— Еще-бы!—презрительно передернула плечиками та. —Непонятная она, что и говорить!

— Стыдись, Марго!—упрекнула дѣвушку Гапа Полипко. —Ты не можешь не язвить.

— Я предлагаю такую редакцію письма,—не слушая ихъ, продолжала Лара,—такъ, молъ, и такъ: мы были глубоко неправы, прося васъ, многоуважаемый Никандръ Ефи-

мовичъ, разрѣшить намъ не заниматься съ вами послѣднюю недѣлю, но...

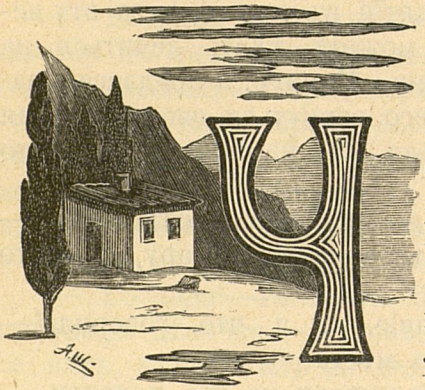
— Боже мой! Да объясните-же мнѣ, что означаетъ все это?—въ полномъ отчаяніи взывала Вѣра Степановна.

— Анна Ивановна идетъ, а за нею господинъ директоръ!—и стоявшая у дверей Анюта Пѣгина съ испуганнымъ видомъ метнулась къ своей партѣ.

— Ну, будетъ теперь скандалъ! — прошептала Мари Гольдъ, всплеснувъ бѣлыми ручками типичной булочницы нѣмки.

— Сами виноваты! — бросила Виконтесса, поправляя свою великолѣпную прическу.

— Тише! Господинъ директоръ здѣсь! — придавая оффиціальное выраженіе утомленному лицу, произнесла Вѣра Степановна, и замерла на мѣстѣ.



VIII.

ТО это значитъ? На васъ приходятъ жаловаться... Вы не умѣете себя вести?

Карлъ Францовичъ Мецъ могъ бы скорѣе сойти за англичанина, нежели за нѣмца. У него безцвѣтные желтовато-сѣрые волосы, причесанные на прямой проборъ, безбровое лицо, рыжіе усы и длинные зубы. И произноситъ онъ слова по русски, скорѣе на англійскій, нежели какъ на нѣмецкій ладъ.

Высокій, худой, почти костлявый онъ носитъ высокіе воротнички, темные галстухи и пестрый бархатный жилетъ. Онъ никогда не улыбается. Говоритъ мало, рѣдко и пансіонъ боится его, какъ огня.

Съ первой же минуты его появленія, все затихаетъ въ классѣ.

Воспитанницы молча поднимаются со своихъ мѣстъ и отвѣшиваютъ «геру директору» традиціонный реверансъ.

— Это верхъ дерзости то, что вы продѣлываете съ достоуважаемой преподавательницей вашей и это заслуживаетъ строгаго наказанія,—сердитымъ голосомъ бросаетъ господинъ Мецъ, и его безцвѣтные глазки загораются негодованіемъ.

— Вотъ именно дерзость, Богъ знаетъ что такое! Хороши ребятки! — фыркаетъ Кузнецова, и ея энергичныя подъ черными усиками губы взволнованно дрожатъ.

— Я хочу и требую, чтобы мнѣ сказали,—снова возвышая голосъ говоритъ геръ Мецъ,—куда дѣвалась корзина и кто унесъ ее?

На минуту полная тишина, водворившаяся въ классѣ, говоритъ о сильномъ волненіи дѣвушекъ. И вотъ среди общей тишины слышится вибрирующій звонкій голосъ:

— Я сдѣлала это. Мнѣ было лѣнь работать и я отнесла корзину на чердакъ.

Это голосъ Безсоновой.

Классъ ахаетъ невольно. Кто просилъ Лару принимать на себя одну всю вину?!

— И мы... и мы... виноваты, геръ Мецъ!—вылетаетъ какъ пуля Гарпина Полипко.

— И я...

— И я...

— И я...

— Всѣ мы... — несутся со всѣхъ сторонъ молодые голоса.

— Очень можетъ быть, что каждый чувствуетъ себя виновнымъ отчасти, но истинная виновница всего происшедшаго это—я! оглядываясь на подругъ, твердо говоритъ Лара.—Такъ какъ я первая подала совѣтъ...

— Спрятать на чердакъ корзину? Куда какъ похвально!—сердито вспыхиваетъ рукодѣльная дама.

— Ну, что-жъ! я и принесу ее назадъ! И медленнымъ шагомъ Лара направляется къ двери.

Черезъ пять минутъ она возвращается снова въ классъ, неся злополучную корзину.

— Очень хорошо-съ! Большія барышни ведутъ себя какъ школьники мальчишки!—сердитыми взорами встрѣчаетъ ее геръ Мецъ.—А въ наказанье за это вы всѣ лишнюю недѣлю проведете въ учебномъ заведеніи, лишившись субботней поѣздки домой. А вы, m-elle Безсонова, получите, кромѣ того, замѣчанія въ штрафной книгѣ и публичный выговоръ передъ всѣмъ пансіономъ: прибавляетъ онъ,—оглядывая провинившуюся воспитанницу съ головы до ногъ.

Лара медленно склоняетъ голову. Публичный выговоръ это—позоръ. Но пусть будетъ такъ. Все устраивается къ лучшему. Занятія продлятся еще на двѣ недѣли и бѣдняга Ларчиковъ успѣетъ сколотить себѣ на лечебную поѣздку еще нѣсколько лишнихъ грошей.

Ея глаза сіяютъ помимо воли. Сейчасъ она уже забыла, что два часа назадъ мечтала о скорѣйшемъ возвращеніи въ Зеленый Крутъ. И если-бы сейчасъ ея подневольное сидѣнье въ пансіонѣ было увеличено втрое, она стала-бы еще счастливѣй отъ того.

— Я удивляюсь барышнѣ, у которой такое счастливое лицо когда ее подвергаютъ административному взысканію,—скрипитъ надъ ней голосъ директора.

— Или вы не вѣрите, что въ слѣдующую субботу, вмѣсто отпуска васъ соберутъ всѣхъ въ залъ, чтобы выслушать строгій выговоръ, заслуженный Вами, — заключаетъ онъ гнѣвнымъ вопросомъ свою рѣчь.

— Мы всѣ заслужили его! врывается въ наступившую тишину голосъ Милы Рудинской.

— Да, да всѣмъ намъ слѣдуетъ сдѣлать его, если Безсоновой онъ будетъ сдѣланъ!—И Гапа Полипко сверкаетъ на директора разгорѣвшимися глазами.

— Да, да, иначе это будетъ несправедливо!

— Кто сказалъ это?

Смуглая черненькая дѣвочка Нина Смолякова выходитъ впередъ.

Это одна изъ самыхъ примѣрныхъ воспитанницъ пансіона. Она всегда благоразумна, спокойна и умна. Правда учится она хуже Безсоновой, но за то ея примѣрное поведеніе заставляетъ забывать о невозможныхъ выходкахъ той.

Геръ Мецъ непріятно пораженъ.

Его любимица, Нина Смолякова, могла сказать эту рѣзкую фразу о несправедливости? О! Онъ смотритъ на взволнованную дѣвочку недовѣрчиво и строго.

— Какъ вы могли? — срывается сухимъ звукомъ съ его губъ.

— Ахъ, Боже мой, простите меня, геръ Мецъ, но Безсонова виновна не болѣе другихъ,—лепечетъ въ смятеньи Нина,—и либо сдѣлайте публичной выговоръ всѣмъ намъ, либо простите Лару. Мы всѣ виновны, всѣ.

— Хорошо. Публичный выговоръ я отмѣню, но въ штрафной журналъ m-elle Безсонова будетъ внесена и всѣ вы пробудете безъ отпуска двѣ недѣли. А теперь живо принимайтесь за работу и чтобы мнѣ не приходилось слышать больше жалобъ на васъ.

И геръ Мецъ, очень недовольный, уходитъ изъ класс а едва отвѣтивъ на прощальное привѣтствіе ученицъ.

Послѣ урока рукодѣлія соединенными усиліями пишется Никандру Ефимовичу Ларчикову длинное «покаянное письмо»... Въ немъ смирившіяся шестиклассницы «умоляютъ» учителя вернуться продолжать уроки вплоть до роспуска пансіона на лѣтнія вакаціи.

Одна только Виконтесса непричастна къ этому занятію, она ломаетъ красивымъ жестомъ свои нѣжные пальцы и ворчитъ на подругъ:

— Ну, вотъ и дождались! Говорила имъ, нѣтъ не слушались. Очень мило проводить въ душномъ городѣ двѣ недѣли! Нечего сказать!

— А за то у Ларчикова больше шансовъ ѣхать на

кумысъ!—говоритъ Лара и прячетъ за темными рѣсницами счастливые глаза.

Въ тотъ же день вечеромъ она ловитъ Цыпку въ корридорѣ.

— Слушай, моя дѣвочка,—быстро бросаетъ она слова,—твой папа поѣдетъ лечиться и вылечится, даю тебѣ слово, а только молчи, ради Бога, о томъ что ты плакала при насъ сегодня и разсказала намъ обо всемъ. Слышишь, а то испортишь дѣло твоему папѣ! Да?

— Слышу, Ларочка! Милая!—говоритъ малютка глядя влюбленными глазами въ тонкое личико дѣвушки.

А послѣдняя быстро соображаетъ въ это время.

— Бѣдность—горда. Не дай Богъ если онъ догадается, что побудило насъ измѣнить рѣшеніе... Ахъ, Боже мой, какъ хорошо все складывается на пользу этого несчастнаго больного Никандра Ефимовича.

А Зеленый Крутъ увижу и черезъ двѣ недѣли и расчитаться съ моими врагами также успѣю! Не бѣда! прибавляетъ она мысленно и глаза ея возбужденно сверкаютъ.

IX.

ЕОКАДІЯ Семеновна Мецъ, невысокая худенькая блондинка съ усталымъ лицомъ, состарившемся раньше времени вслѣдствіе постоянныхъ заботъ, пріютившись у окна своей уютной гостиной, склонилась надъ штопкой мужниныхъ носковъ.

Вся комната залита солнечнымъ свѣтомъ... Весна врывается въ ея окна, и озаряетъ стѣны тою особенною улыб-

кой пробужденнаго Мая, которою можетъ улыбаться только весна. Подъ окномъ въ клѣткѣ трещитъ канарейка и подъ ея неумолкаемый лепетъ быстро скользитъ рука, вооруженная иглой.

Легкій шорохъ привлекаетъ мгновенно вниманіе директорши. Она быстро поднимаетъ голову. Въ дверяхъ комнаты стоитъ высокая, тоненькая дѣвушка.

Это Безсонова, Лара.

— Что вамъ надо, дитя мое?—и голосъ госпожи Мецъ звучитъ удивленіемъ... Никогда еще не приходила къ ней сюда эта дѣвушка, съ ея страннымъ что-то глубоко затаившимъ въ себѣ взглядомъ. Что ей нужно, однако, сейчасъ здѣсь?

— Госпожа Мецъ. Леокадія Семеновна,—бросаетъ она, вскидывая на директоршу глазами, — мнѣ нужна ваша помощь.

— Въ чемъ?

Лара дѣлаетъ шагъ впередъ. Улыбка играетъ на ея лицѣ, а когда улыбается Лара, ей рѣшительно нельзя отказать ни въ чемъ.

— Леокадія Семеновна, голубушка, устройте мнѣ такъ, чтобы можно было уйти сегодня послѣ завтрака до слѣдующаго урока... уйти на часъ, на два... Пожалуйста! Отпустите меня съ Θеклушей... Скажите, что сами послали къ доктору, къ зубному врачу, мнѣ надо, надо...

— Зачѣмъ?

— О, это моя тайна! Отпустите, вы такой ангелъ доброты!

— Нельзя, нельзя, дитя мое. Карлъ узнаетъ, Богъ вѣсть какъ разсердится... Попадетъ и вамъ, и мнѣ.—Доброе лицо директорши выражаетъ нѣкоторое колебаніе. Она всегда рада помочь этимъ дѣвочкамъ. Когда-то и у нея была дочурка Лидочка, такая же свѣжая, юная и веселая, какъ онѣ, но Лидочку унесла скарлатина и осиротѣвшей матери осталась лишь возможность вспоминать о ней. Любя безконечно дорогую покойницу, Леокадія Семеновна не-

вольно видитъ частичку своей Лидочки въ каждомъ юномъ существѣ и всячески стоитъ за пансіонерокъ передъ своимъ строгимъ мужемъ.

Часто заступается она за виновныхъ, спасая этимъ отъ заслуженной кары дѣтей. Чѣмъ можетъ, трогательно скрашиваетъ сѣрую однотонную жизнь пансіонерокъ. Отрывая отъ себя, она частенько увеличиваетъ расходы, прибавляя то или другое вкусное блюдо къ незатѣйливому школьному столу.

И каждая изъ дѣвочекъ-пансіонерокъ младшихъ и старшихъ классовъ находитъ добрую защитницу и ангела-хранителя въ лицѣ госпожи Мецъ.

Одна только Лара не прибѣгала къ ней подъ защиту еще ни разу. Странная, своеобразная, неласковая по виду дѣвушка очень интересовала добрую директоршу всей своей особой. Ей хотѣлось поближе узнать Безсонову, но Лара была неуловима какъ вьюнокъ.

И вотъ она здѣсь, передъ нею...

— Послушайте,—говоритъ Леокадія Семеновна,—если вы мнѣ скажете, куда вы идете, можетъ быть Карлъ и согласится.

— Ахъ, нѣтъ, это невозможно,—уныло отвѣчаетъ дѣвушка.—Это невозможно. Я не могу сказать.

— Но въ такомъ случаѣ...—доброе лицо директорши хмурится и точно темнѣетъ.

И вотъ молящіе свѣтлые глаза поднимаются снова.

— Даю вамъ честное слово, я вернусь черезъ часъ обратно съ Θеклушей, и дурного не сдѣлаю ничего! Клянусь вамъ покойной мамой!

Ея голосъ звенитъ, глаза темнѣютъ. И въ этомъ потемнѣвшемъ взглядѣ столько искренности и прямоты, что въ сердцѣ Леокадіи Семеновны рушатся послѣднія сомнѣнія.

— Богъ съ вами, ступайте съ Θеклушей и возвращайтесь скорѣе... Я вѣрю вамъ,—говоритъ она тихо, махнувъ рукою.

На тонкомъ личикѣ Лары вспыхиваетъ улыбка. Ху-

денькая, дѣвичья рука жметъ руку госпожи Мецъ и, счастливая даннымъ ей разрѣшеніемъ, она выбѣгаетъ изъ комнаты.

— Вотъ здѣсь! Вы подождите меня на панели у подъѣзда, Ѳеклуша, черезъ полчаса я выйду къ вамъ.

На румяномъ лицѣ пансіонской прислуги видно нѣкоторое замѣшательство.

— Ужъ вы пожалуйста, не задержите, барышня,— проситъ она.

— Конечно! Конечно!

Лара уже далеко. Лара уже у двери.

— Можно видѣть господина Шуракова?—обращается она дрогнувшимъ голосомъ къ отворившему ей лакею.

— Пожалуйте у насъ пріемъ.

Невѣрнымъ шагомъ идетъ Лара по свѣтлой прихожей, сжимая въ трубочку небольшой свертокъ въ рукѣ... Входитъ въ огромную комнату... Тамъ за столиками сидятъ какіе-то люди и что-то пишутъ.

Тутъ и мужчины и женщины... Всюду на полкахъ разложены кипы журнала и книгъ. Толстыми пачками связаные нумера ихъ; они лежатъ на полу, тамъ и тутъ во всѣхъ углахъ комнаты.

— Что вамъ угодно, mademoiselle?

Отъ однаго изъ столиковъ отдѣляется небольшая фигурка барышни въ скромномъ платьѣ.

— Мнѣ бы господина Шуракова... переговорить... роняетъ Лара и странная застѣнчивость чуть ни впервые въ жизни охватываетъ ее.

— Господинъ редакторъ принимаетъ сегодня,—говоритъ барышня,—сейчасъ ему скажутъ о васъ.

— Хорошо,—роняетъ Лара,—я подожду.

— Присядьте—предлагаетъ та-же барышня.

Но дѣвушка не успѣваетъ сѣсть. Отворяется дверь сосѣдней комнаты и на порогѣ ея появляется высокій, сутулый человѣкъ въ темномъ сюртукѣ съ сѣдой головою.

— Пожалуйте,—мелькомъ взглянувъ на Лару, говоритъ онъ.

Не слыша ногъ подъ собою, она входитъ.

Темноватый, нѣсколько мрачный кабинетъ, коричневые обои, портреты великихъ писателей по стѣнамъ, огромный столъ, передъ нимъ покойное кресло, напротивъ стулъ. И книги, книги и книги всюду безъ счета, безъ числа.

— Чѣмъ могу служить!—въ третій разъ обращается высокій старикъ къ дѣвушкѣ, въ то время какъ она смущенно обѣгаетъ глазами комнату.

—. Ахъ, да!

Лара вспыхиваетъ до корней волосъ, до ушей, до тоненькой смуглой шеи.

— Вотъ,—говоритъ она, протягивая свернутую трубочкой тетрадку,—вотъ, просмотрите это... работу, повѣсть моего друга дѣтства Бори. Бориса Горскаго, поправляется она и краснѣетъ еще гуще, сильнѣе.—Вотъ видите-ли, я давно собиралась передать ее вамъ, но не рѣшалась, да и не приходилось какъ-то. А сейчасъ, сегодня у насъ свободный день, уроки кончаются въ 12 по субботамъ и я могла урвать часокъ. Вотъ она. Я ее переписала чисто,—лепечетъ дѣвушка.

— Хорошо, оставьте это мнѣ, а черезъ двѣ недѣли придите за отвѣтомъ,—говоритъ старикъ-редакторъ, протягивая привычнымъ ему жестомъ руку за тетрадью, не мало не заботясь о смущеніи своей посѣтительницы.

Послѣдніе слѣды румянца исчезаютъ съ загорѣлаго личика дѣвушки. Молящимъ взглядомъ смотрятъ глаза въ лицо старика.

— Пожалуйста, прошу васъ,—звенитъ юный голосокъ,—дайте мнѣ отвѣтъ пораньше. Насъ распускаютъ черезъ недѣлю совсѣмъ изъ пансіона по домамъ. Такъ мнѣ-бы хотѣлось... Вѣдь Борисъ Горскій, авторъ этой повѣсти, не знаетъ ничего. Эта повѣсть не предназначалась къ печати. Я тихонько унесла ее отъ него, переписала.

Оригиналъ положила на прежнее мѣсто, а копію привезла вамъ.

— Что-же вамъ понравилась повѣсть?—уже съ улыбкой на лицѣ освѣдомился старикъ. Теперь его забавляла необычайная собесѣдница, хлопотавшая за другого, такъ рьяно, точно за себя самое.

— Ахъ! И вы можете еще спрашивать объ этомъ! О, Борисъ такой талантливый! И стихи онъ пишетъ такіе восторгъ!—пылко срывается съ губъ осмѣлѣвшей Лары.

— И стихи? Вотъ какъ!—уже не сдерживая болѣе улыбки,—роняетъ редакторъ, и вы знаете хоть одно изъ нихъ наизусть?.. Прочтите!

— Нѣтъ, нѣтъ! Въ моей читкѣ онѣ потеряютъ всю ихъ прелесть!—протестуетъ Лара.—Но я вамъ ихъ оставлю, вотъ.—И она проворно роется въ карманахъ своего сѣраго ватерпруфа.

И стихи, и повѣсть Лара давно привезла изъ Зеленаго Крута, рѣшившись снести ихъ въ редакцію Золотого Руна. Она знала о тайномъ желаніи Бориса видѣть напечатанными свои вещи и получить за нихъ хоть ничтожные гроши, для облегченія жизни его дорогой старушки. Знала и гордость своего друга. Никогда-бы, никогда не рѣшился онъ предать гласности свои труды. И вотъ, она рискнула пойти на это, сама не сказавъ объ этомъ ни слова дома. Ея сердце дрожитъ отъ волненія... Ея душа замираетъ: за него, за своего друга...—Лара трепещетъ... А вдругъ не понравится почему-либо его вещь, не понравится эта объемистая повѣсть, „Подъ колесомъ старой мельницы“, которую она привезла сюда. Что тогда? Нѣтъ, нѣтъ, должна понравиться... Она Лара переписывая, читала ее и захлебывалась отъ восторга.

А старичокъ редакторъ все еще держитъ передъ глазами небольшіе клочки бумаги съ начертанными на нихъ строками стиховъ.

— Гм! Гм!—говоритъ онъ покачивая головою.—Это недурно, весьма недурно,—онъ еще молодъ, вашъ другъ?

— Ему уже 20 лѣтъ!—говоритъ съ гордостью Лара.

— Ага... Значитъ еще много хорошаго можетъ онъ написать.

— Ну, конечно!—убѣжденно звучитъ свѣжій почти дѣтскій голосъ.

— А стихи, оставьте. Мы напечатаемъ ихъ.

— Ахъ!—алая краска разливается по лицу Лары.— Ахъ, какъ это хорошо!—радостно вырывается изъ ея груди.—А повѣсть?

—Отвѣтъ будетъ черезъ недѣлю. Зайдите.

—Хорошо.

Тонкая фигурка дѣвушки поднимается со стула, неслышно скользитъ къ дверямъ.

Отъ радости она забыла проститься.

Какъ алый, нѣжный цвѣтокъ цвѣтетъ ея сердце.

— Ѳеклуша! Домой! Домой скорѣе!—издали кричитъ она дѣвушкѣ, дежурившей неподалеку у крыльца.

И обѣ идутъ поспѣшно, почти бѣгутъ по дорогѣ къ пансіону Меца.

X.

ТАКЪ насъ распускаютъ завтра! Дождались наконецъ-то!—говоритъ Виконтесса, разчесывая свои длинные темные волосы, передъ зеркаломъ, въ дортуарѣ.

Въ спальнѣ пансіонерокъ, стоятъ четырнадцать кроватей, пятнадцатая постель принадлежитъ Вѣрѣ Степановнѣ. Дортуаръ—огромная комната съ четырьмя окнами, выходящими въ садъ.

У крайняго окна къ двери стоитъ Гапа Полипко и заунывнымъ голосомъ тянетъ:

Какъ за гаемъ гаемъ,
Гаемъ зелененкимъ,
Тамъ орала дѣвчиненка...

— Довольно, Гапа,—обрываетъ пѣвицу Анюта Пѣгина,—у меня отъ твоего пѣнія за ушами трещитъ.—Это называется не тяни кота за хвостъ, или похоронный маршъ при погребеніи кота мышами.

— Дѣвицы! Новость! И Ласточка пулей влетаетъ въ дверь.—Сегодня уѣзжаетъ геръ Мецъ. Его вызываютъ къ больной матери въ Ревель... И у насъ цѣлый день свободы впереди.

— А Леокадія Семеновна остается-же...—замѣчаетъ чей-то благоразумный голосъ.

— Вотъ чепуха-то! Леокадія Семеновна ангелъ во плоти...—подхватываетъ Мила и воодушевленно прибавляетъ.—И вотъ бы когда, милочки, намъ бы наше завѣтное желаніе осуществить... Сходить взглянуть на подземную часовню!

— Ну, ужъ меня увольте! И такъ по вашей милости я цѣлую лишнюю недѣлю отсидѣла ни за что, ни про что взаперти, презрительно поджимая губки, говоритъ Виконтесса. Опять попадемся и снова насъ запрутъ.

— И не надо, сдѣлай милость, не заплачемъ безъ тебя!—несутся отовсюду насмѣшливые голоса по адресу дѣвушки.

— И я не пойду, дѣвицы!—и серьезная, степенная Старовѣрка покачиваетъ головой,—не вышло бы чего!

— Милочки! Слышите? Нашъ старовѣръ боится, тятеньки, ей за это влетитъ по загривку!—смѣясь заявляетъ Мила Рудинская, въ то время, какъ всѣ остальныя фыркаютъ отъ смѣха.

— И вовсе не по загривку,—смущенно вспыхиваетъ своимъ желтоватымъ некрасивымъ лицомъ Нила,—а про-

сто не охота въ подземелье лѣзть! Что за радость, сыро, темно...

— Глупая! За то настроенія сколько! — вѣдь полтысячелѣтія тому назадъ, тамъ наши предки монахи, отъ татаръ спасались и вырыли подземелье то ради того. А послѣ и часовню поставили. Это-ли не интересно поглядѣть,—волнуясь бросаетъ Мила.

— Ну, и глядите кому интересно! А я не пойду!

— Я тоже!—и Виконтесса снова пожала плечами.

— Ахъ, пожалуйста, тебя никто не проситъ,—подскочила къ ней Гапа.—Тебѣ и нельзя, волосы разовьются отъ сырости, а ты свои кудри такъ бережешь. Ха, ха, ха, ха!

— У меня онѣ вьются сами! Обиженно протестуетъ де-Ленъ.

— Отъ десяти вечера, до семи утра вьются, и не иначе какъ въ папильоткахъ,—прибавляетъ хохотушка Пѣгина.

— Господа! Кто-же идетъ?—кричитъ Маня Таганцева, приставивъ руку трубой ко рту.—Лара! Безсонова! Русалка! Ты идешь съ нами?

— Можно. Только чуръ не приставать больше съ вопросомъ, куда я ходила съ Θеклой, около недѣли тому назадъ, тогда иду,—отзывается та.

Лара стоитъ у окна подлѣ Гапы Полипко и, не отрываясь, глядитъ въ старый пансіонскій садъ. Въ душѣ ея смутныя переживанія. Завтра—домой. Завтра на милую мельницу, завтра въ школу, къ Борису... По дорогѣ надо заѣхать въ редакцію Золотого Руна, узнать объ участи повѣсти...

Но что-то принесетъ ей завтрашній день? Не ликуетъ какъ прежде ея душа при мысли о возвращеніи къ Зеленому Круту...

Тамъ чужіе. Милый домъ на горѣ обитаемъ врагами. Царство царевны Лары закрыто для нее. Мстить имъ? Этого мало!.. Прогнать ихъ, но, какъ и чѣмъ?..

Ея глаза направлены въ чащу сада... Тамъ поетъ малиновка на сиреневомъ кусту.

Виконтесса передъ зеркаломъ расчесываетъ свои темныя косы... Полипко рядомъ мурлычитъ заунывную хохлацкую пѣснь.

— Кто-же идетъ? Рѣшайте, наконецъ, сони вы этакія!— прорѣзываетъ утреннюю тишину спальни веселый голосокъ Пѣгиной.

— Куда идетъ?—усиленно соображаетъ Лара.

Ахъ да, въ подземную часовню... Да. Онѣ давно собирались туда... Чуть-ли не съ перваго класса. Про подземный ходъ, начинавшійся здѣсь же за пансіонскимъ садомъ въ сухомъ колодцѣ слышали много разсказовъ отъ „городскихъ“ товарокъ. Полтысячелѣтія назадъ спасались отъ татаръ, какъ говорятъ по этому ходу, прорывъ его, монастырская братія. Пріятно и жутко взглянуть на него. Давно мечтали объ этомъ пансіонерки. Не представлялось подходящаго случая къ тому. А нынче можно осуществить завѣтную мечту.

Геръ Мецъ—гроза пансіона уѣдетъ далеко. Его кроткая жена голубица если и узнаетъ, то покроетъ и защититъ. Другія пансіонерки разлетѣлись еще недѣлю тому назадъ какъ птицы, по домамъ. Ихъ классныя наставницы тоже. Одна Вѣра Степановна, дежуритъ у шестого класса, какъ вѣрный пастырь маленькаго стада. Но и она не страшна.

Все это вмигъ соображаетъ Лара. Ея любопытство зажжено... Подземелье... часовня... ночное паломничество туда... Это-ли не захватывающе интересно!

На подоконникъ, у окна котораго она стоитъ, вспрыгиваетъ Мила...

— Господа! — чирикаетъ Ласточка, — желающія идти сегодня вечеромъ,—выходи и становись направо, налѣво тѣ, кто не желаетъ идти...

— Де-Ленъ, ты не идешь, конечно?

Изящная дѣвушка поворачиваетъ отъ зеркала красивое лицо, и презрительно поджимаетъ губы.

— Конечно, нѣтъ. Съума еще не сошла!—пожимаетъ она плечами.

— Ха, ха, ха! Марго права. Отъ сырого воздуха, портится кожа!—смѣется Гапа.

— Нина Смолякова?—выкрикиваетъ Ласточка—а ты?

— Нѣтъ.

— Боишься?

— Нѣтъ. Просто не имѣю желанія рисковать своей жизнью, да и вамъ не совѣтую. Подземный ходъ можетъ осыпаться и...

— Вздоръ. Чепуха. Пансіонскій сторожъ въ прошломъ году еще былъ, сама слышала, разсказывалъ: все крѣпко.

— Анюта Пѣгина ты идешь?

— Если-бы я раздвоилась на двѣ Анюты—обѣ пошли-бы, милочки, увѣряю васъ!—хохочетъ та.

— И я иду! — Хорошенькая бѣленькая, какъ сахаръ татарочка изъ Казани, Зара Батманова, застѣнчиво улыбаясь становится на правую сторону окна.

— Молодецъ Зара! Ай да халатъ-халатъ! Молодецъ!—восторгается Мила.—А еще кто?

— Гапу Полипко не забудьте захватить, дивчины!—кричитъ, смѣясь, Гапа.

— Ладно. Возьмемъ и тебя, если не будешь пѣть.

— Ни-ни. Плясать буду,—остритъ Гарпина.

— Старовѣръ, дѣвицы, кажется раздумалъ, смотрите! Съ нами хочетъ! Нилочка, идешь?—лукаво прищуривается на Сомову Мила.

— А ну васъ, прилипли, какъ мухи! Никуда не пойду,—отмахнулась отъ нея та.

— И не надо, Нилочка, кислоту ты только разводишь. Взглянешь на молоко, а оно глядь и скисло! — смѣется Пѣгина, показывая бѣлые зубы.

— Я пойду! Маня Таганцева выступаетъ впередъ.

— Гольдъ, а ты, булочка сдобная?

— Ахъ, нѣтъ, что вы, дѣвицы... Я боюсь!—искренно признается та.

— Я иду! И больше не надо никого. Шестеро насъ и довольно.

Стройная фигура Лары отдѣляется отъ окна.—Мила,— обращается она къ Ласточкѣ, сбираться всѣмъ на сборномъ пунктѣ въ „нашемъ клубѣ“. Да? Въ девять вечера.

— Ну, конечно!

— А на кровати вмѣсто себя чучела положимъ, Качалова, такъ устаетъ за день, что только, только до постели, и не разглядитъ.

— Понятно!

— Если не выдастъ кто-нибудь. — Русалочьи глаза Лары обводятъ дѣвичьи лица и останавливаются на изящномъ личикѣ Виконтессы, отраженномъ стекломъ:—Де-Ленъ, я говорила это, имѣя въ виду тебя, — добавляетъ она вѣско.

— Но ты съ ума сошла, Безсонова! Развѣ я выдавала!—вспыхиваетъ та.

— Пока нѣтъ. Но, что можешь выдать, спасая свою шкуру, это вѣрно,—отвѣчаетъ Лара, спокойно выдерживая ея негодующій взглядъ.

— Ты... Ты!..—и Виконтесса, захлебнувшись собственнымъ волненіемъ смолкаетъ.

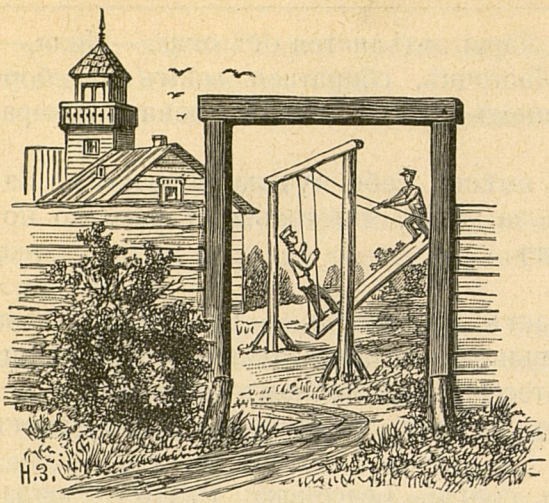
Отвѣтить ей нечего. Это высокая дѣвочка со свѣтлыми смѣющимися глазами видитъ ее насквозь. Да, она можетъ выдать Виконтесса, больше того., недѣлю тому назадъ она хотѣла выйдти къ геру Мецу во время его „разноски“, и сказать, что она не виновата, что она шла противъ класса, отговаривала ихъ всѣхъ, но ничто не помогло...

И только страхъ передъ товарищескимъ судомъ одноклассницъ помѣшалъ ей сдѣлать это. Но почему же Ларѣ извѣстно все?

На ея нѣмой вопросъ не находится отвѣта.

Вѣра Степановна, ходившая съ утреннимъ раппортомъ къ геру Мецу, возвращается въ дортуаръ.

— Въ столовую, дѣвицы!—своимъ равнодушнымъ усталымъ голосомъ говоритъ она,—и всѣ нестройной гурьбой направляются туда за нею.



XI.

ПОСЛѢДНІЙ день въ пансіонѣ даетъ себя знать. Учитель естественной исторіи, молодой, добродушный, веселый малый Владиміръ Петровичъ Мартовъ выбивается изъ силъ, объясняя о строеніи лягушки. Но его голосъ нынче голосъ вопіющаго въ пустынѣ. Дѣвицы разсѣянны, какъ никогда и заняты посторонними дѣлами. Полипко, вынувъ книгу изъ учебнаго столика, погрузилась въ нее носомъ, ни мало не безпокоясь о томъ, что говоритъ классу съ каѳедры маленькій рыжій человѣчекъ съ добрыми глазами и веселымъ лицомъ.

Виконтесса подъ своей партой старательно оттачиваетъ ногти пилочкой, и оттираетъ ихъ тутъ же замшевой лапкой съ розовымъ порошкомъ. Ласточка со своей сосѣдкой Анютой Пѣгиной играютъ въ домино, разложивъ его на скамейкѣ.

Лара мечтаетъ, подперѣвъ ладонью красивую головку...

Кончается урокъ. За нимъ въ пѣвчей комнатѣ тянется другой. Старикъ Львовъ, по просту «Левушка», какъ его за глаза называютъ пансіонерки, выходитъ изъ себя, при каждомъ издаваемомъ фальшиво звукѣ.

— Грудью, грудью надо брать, а не горломъ. Ангелы святые. Гдѣ же уши у этихъ дѣвицъ!—надрывается онъ.

— Давно разъѣхались по домамъ, Павелъ Семеновичъ! остритъ шопотомъ Ласточка, дѣлая невинное лицо.

— Что же касается Гапы Полипко, то на ея ухо медвѣдь давно лапой наступилъ,—сдержанно смѣется Пѣгина.

Классъ фыркаетъ потихоньку. Что у Гапы Полипко не намека на слухъ, это знаютъ всѣ и, что не смотря на его отсутствіе, Гапа любитъ пѣть свои хохлацкія пѣсни, повергая въ ужасъ слушателей, это знаетъ точно также весь пансіонъ. Гапа—больное мѣсто «Левушки».

— Вотъ подите-же,—не то удивляется, не то возмущается онъ,—а говорятъ хохлушки музыкальны.

— А отъ Гапинаго пѣнія мухи мерзнутъ на лету! хохочетъ Милочка.

Когда поетъ она и Лара, пріятное настроеніе замѣняетъ въ душѣ учителя недавнее раздраженіе и гнѣвъ.

Обѣ дѣвушки заливаются какъ малиновки на розовомъ кусту. Мила тонкимъ сопрано, Лара нѣжнымъ бархатнымъ альтомъ.

— О, госпожа Безсонова, если-бы вы пожелали учиться, и поступить въ консерваторію, изъ васъ вышла-бы хорошая пѣвица!—часто говоритъ старикъ.

— Никогда! Оставить Зеленый Крутъ? Никогда! обыкновенно отвѣчаетъ на такіи рѣчи Лара.

Но сегодня и та противъ ожиданія фальшивитъ къ ужасу Львова. Старикъ морщится, негодуя, возмущенный до глубины души.

Сегодня «паломничество» ночью. Завтра отвѣтъ въ редакціи. И Зеленый Крутъ. Зеленый Крутъ и мщеніе врагамъ! До пѣнія-ли, ей-Ларѣ!

Есть отчего фальшивить!

Оконченъ наконецъ, и этотъ урокъ. Прошелъ и послѣдній.

Прошелъ обѣдъ, натянутый, скучный... Во время третьяго блюда, молочной каши съ корицей вошелъ геръ Мецъ въ столовую въ дорожномъ пальто съ сумкой черезъ плечо.

— Дѣвицы! Завтра вы разъѣзжаетесь!—сказалъ онъ, отвѣчая на ихъ поклонъ поклономъ,—уѣзжаете на три мѣсяца лѣтнихъ вакацій, и надѣюсь вынесенное вами наказаніе, сослужитъ вамъ службу, принесетъ пользу.—Онъ повелъ на опустѣвшія мѣста отсутствующихъ пансіоне-

рокъ другихъ классовъ плавнымъ движеніемъ руки, и продолжалъ снова.—Вотъ видите: ваши однокашницы давно пользуются домашней пріятной жизнью въ семьѣ, вы же здѣсь.

— О, Господи! И когда-то отчитывать кончитъ килька ревельская!—шепчетъ тихонько Ласточка и глубоко вздыхаетъ.

— Мамоньки мои! О щобъ его, совсимъ зашелся поробокъ,—вторитъ такимъ же шопотомъ Гапа.

— Тсссъ! молчите, не то не кончитъ до утра и пропало паломничество наше! шипитъ Анюта Пѣгина, дѣлая страшные глаза.

...Вы же все еще здѣсь и притомъ въ наказаніе... Взрослыя большія дѣвицы!—подхватываетъ снова, но уже съ нѣкоторымъ, совсѣмъ не присущимъ ему оживленіемъ, геръ Мецъ...—Дайте же мнѣ слово, что на будущій годъ—когда вы, уже будучи взрослыми выпускными, вспомните эту недѣлю наказаній и подобныхъ шалостей не повторится никогда. Дайте мнѣ уѣхать со спокойной совѣстью къ моей больной матери... Неправда-ли барышни? Такъ? Даете слово?

— Даемъ слово, геръ Мецъ, даемъ!—отвѣчаетъ дружный хоръ пансіонерокъ.

Въ немъ не было слышно, однако, звонкаго вибрирующаго альта Лары... Она стоитъ ближе всѣхъ къ директору и ему видно ея нахмуренныя брови, сжатыя губы и порозовѣвшее лицо.

— А вы, Лариса Безсонова,—взглядывая на это розовое лицо своимъ пристальнымъ взоромъ,—говоритъ онъ,—а вы этого слова не хотите мнѣ дать?

Глаза Лары поднимаются нехотя... Въ нихъ загорается знакомый огонекъ. Она медленно отрицательнымъ жестомъ покачиваетъ головою.

— Нѣтъ,—говоритъ она вѣско и громко на всю столовую,—нѣтъ, я не могу дать слова, не зная заранѣе, сдержу-ли его,—и низко опускаетъ голову.

— Русалка! Что ты! Вѣдь догадается!—испуганно шепчетъ ей въ ухо Мила,—о нашемъ ночномъ паломничествѣ догадается, что ты!

— Оставь, молчи! Развѣ я могу играть словами какъ костями домино, какъ вы всѣ дѣлаете это! —повелительно шепчетъ Лара,—и пожалуйста оставь меня въ покоѣ!

Геръ Мецъ смотритъ пристально на дѣвушку. Потомъ подходитъ къ ней ближе и снова смотритъ уже близко, совсѣмъ близко въ ея глаза.

— А уѣхать, скажите, сегодняшній вечеръ я могу спокойно въ дальнюю дорогу?—говоритъ онъ, рѣзко отчеканивая каждое слово,—могу я уѣхать къ моей больной матери, зная что въ эти послѣднія сутки вашего пребыванія въ пансіонѣ вы не сдѣлаете ничего... предосудительнаго, запрещеннаго... Даете мнѣ слово? Да?

— Даемъ! Даемъ!—звучатъ снова вокругъ увѣренные голоса. Особенно громко безпечный Милочкинъ и Гапинъ голосъ, Анюты Пѣгиной и Маруси Таганцевой слѣдомъ за другими, покрывая ихъ.

— Даемъ! Даемъ!

— А вы, Безсонова? А вы? Я спрашиваю васъ?

Его глаза впиваются въ Лару, въ тонкое загорѣлое личико, съ опущенными темными завѣсами надъ глазами.

— А вы, даете мнѣ это слово? Да?

Долгое, ахъ, какое долгое, ничѣмъ не прикрытое, ни однимъ звукомъ не нарушаемое молчаніе наступаетъ слѣдомъ за этимъ. И вдругъ оно разрывается внезапно...

— Нѣтъ!—громко и рѣзко звучитъ по всей столовой Ларинъ голосъ.—Нѣтъ! И этого слова, геръ Мецъ, я вамъ дать не могу.

— Ахъ!—дружнымъ хоромъ вздыхаютъ пансіонерки.

— Ага, одна противъ класса, а на меня еще смѣла говорить!— шипитъ Виконтесса, дѣлая язвительное лицо.

И опять тишина. Снова пауза... унылая пауза молчанія, за которою притаился директорскій гнѣвъ.

*

И снова рѣзкіе, сухіе звуки голоса Карла Францевича наполняютъ столовую.

— Мнѣ очень жаль!—гоаоритъ онъ,—я предчувствую, что не слѣдуетъ ѣхать, но моя больная мать... Вы понимаете, я не могу... Но уѣзжаю съ неспокойной душою... У васъ нѣтъ сердца, Безсонова, и да будетъ вамъ судьею Господь!

Геръ Мецъ дѣлаетъ общій поклонъ и выходитъ. За нимъ спѣшитъ Вѣра Степановна, принять послѣднія инструкціи на время его отъѣзда.

Лара блѣдная, спокойная стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Голова ея поднята гордо. Глаза горятъ.

Де-Ленъ подбѣгаетъ къ ней съ искривленными негодованіемъ губами.

— Ага! Ага! Хваленая заступница класса! Вѣрный товарищъ! Ага! Пошла же противъ всѣхъ! Подвела «своихъ!» А на меня какъ давеча окрысилась въ дортуарѣ! Кто же правъ—ты или я? Ты или я?

Когда Марго злится она забываетъ свое аристократическое происхожденіе и готова ругаться, какъ торговка на толкучкѣ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, Лара, дала бы ты слово! Ну его, а то теперь будутъ слѣдить и не удрать намъ будетъ!—робко замѣчаетъ Полипко.

— Не по товарищески, Лариса!—стонетъ Мила и ея чирикающій голосокъ дрожитъ.

— Что?—лицо Лары вспыхиваетъ гнѣвомъ.—Кто посмѣлъ сказать это? Рудинская, ты? Де-Ленъ? Всѣ вы? Такъ слушайте-же меня, глупыя вы дѣти. Что-бы ни было серьезно—лгать я не могу! Ложного слова дать, серьезно дать, не могу тоже... Это не то что шутя заявить о пропавшей рукодѣльной корзинѣ. То была шутка. Здѣсь другое: затронутъ вопросъ чести. И не могу я идти на компромиссъ. Поймите. Вотъ, де-Ленъ говоритъ, что я предаю васъ своимъ поступкомъ. Ложь. Она лжетъ — де-Ленъ. Вѣдь выходъ есть. Не идите «туда» сегодня ночью.

Кто боится шпіонства со стороны Меца, Качаловой пусть не идетъ! А я иду! Иду, во что-бы то ни стало. Пусть у меня нѣтъ сердца, но честь моя при мнѣ. И что я не сдержала слова моего — никто, никто не посмѣетъ мнѣ сказать этого.

Она замолкла. Ея лицо раскраснѣлось снова. Глаза загорѣлись какъ двѣ голубыя звѣзды.

— Я иду «туда»,—зазвенѣлъ еще разъ ея гибкій голосъ,—я иду и кто хочетъ со мной?

— Я хочу съ тобой, Лара! Я съ тобою!—послышался гортанный голосокъ, и Зара Батманова, взволнованная, поблѣднѣвшая кинулась къ Безсоновой.

— Я... я тоже, когда онѣ давали слово, я молчала,— лепетала татарочка, сверкая черными глазами,— и я молилась на тебя въ это время, Лара, Аллахъ мой! *). Какъ ты была хороша въ ту минуту!—восторженно добавила она, вперивъ въ лицо дѣвушки преданный взоръ.

Та молча кивнула головой. Она не терпѣла никакихъ изліяній. Онѣ смущали ея душу, не умѣвшую ласкаться и ласкать.

— Тогда и я... Лариса!.. Если ты пойдешь... — И Ласточка со сконфуженнымъ видомъ выглянула изъ-за спинъ подругъ,—хотя я-то давала слово,—добавила она совсѣмъ тихо, опуская глаза.

— И я...

— И я...

Лара усмѣхнулась... Прикрытые темной завѣсой рѣсницъ, блеснули глаза.

— Ладно, идемъ! — произнесли снисходительно улыбающіяся губы.—И помните «въ нашемъ клубѣ» сборный пунктъ.

И она первая вышла изъ столовой.

— У нея нѣтъ сердца! — метнулась за нею фраза де-Ленъ...

---

*) Богъ по татарски.

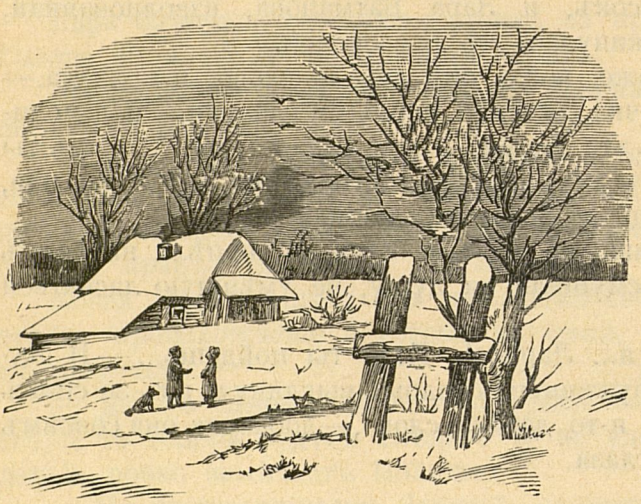
— О, что ты понимаешь! — накинулись на нее подруги.—У нея сложная душа.

— Воображаю!

— Молчи! Молчи! Не смѣй говорить о ней худо,— угрожающе выкрикнула молоденькая татарка и высунула языкъ по адресу Марго.

Эта наивная дѣтская выходка разсмѣшила всѣхъ, вернувъ пансіонеркамъ ихъ исчезнувшую было веселость.

Рѣка, вышедшая изъ русла, снова входила въ берега...



XII.

У-съ, всѣ въ сборѣ?

Маленькій огарокъ свѣчи вставленъ въ небольшой фонарикъ. Фонарикъ стоитъ на ящикѣ со старыми книгами. Ящикъ занимаетъ весь уголъ чердака. Это и есть «клубъ» воспитанницъ учебнаго заведенія господина Меца, мѣсто пристанища въ тяжелыя-грустныя и свѣтлыя-радостныя минуты молоденькихъ пансіонерокъ.

Воспитанницы частенько приходятъ сюда поплакать, получивъ плохую отмѣтку или дурное извѣстіе изъ дому; сюда же приносятъ тайны дѣтской юной жизни и повѣряются подругою подругѣ, и радости, и невзгоды школьныхъ лѣтъ. Здѣсь же рѣшаются несложныя классныя дѣла и пансіонныя предпріятія.

Иногда сюда приносятся свертки съ колбасой и поклеванные хлѣбцы, мѣшки съ орѣхами и пастилою и здѣсь же на старомъ ящикѣ устраиваются поистинѣ Лукуловскіе пиры. Входъ на чердакъ рядомъ съ дортуаромъ и ничего нѣтъ легче сюда пробраться.

И шесть дѣвочекъ проникли на чердакъ сегодня, предварительно положивъ на свои кровати незатѣйливо сдѣланныя чучела изъ разнаго тряпья.

Мила, Лара, Зара Батманова, восторженная татарочка, Гарпина Полипка, Пѣгина, Таганцева и задорный мальчуганъ Мила Рудинская—всѣ онѣ проникли сюда. Поставленный на книжномъ ящикѣ фонарикъ освѣщаетъ ихъ лица. У Милы Рудинской оно лукаво-задорное, у Лары спокойное, у татарочки ея черные глаза сверкаютъ горячими огоньками... Гапа нѣсколько встревожена необычайностью экскурсіи, а хохотушка Анюта Пѣгина притихла, молчитъ... Шаловливая, живая, рѣзвая какъ молодой котенокъ Маня Таганцева безпокойно обѣгаетъ чердакъ смятенными глазами и то и дѣло прислушивается къ отдаленному шуму.

— Ахъ, только-бы не хватилась Качалова! Вотъ-то поднимется суета!—пугливо шепчетъ она.

— А что, милочки, вдругъ Мецъ не уѣхалъ... и какъ мы только выйдемъ, онъ изъ-за угла—шасть!—выкладываетъ вслухъ Гапа, не дающую ей покоя за послѣдніе полчаса, мысль.

— Господа, кто боится, можетъ остаться, время еще есть!—предлагаетъ Лара.

— Ну, что ты! Что ты! Мы не трусихи!—обижается Ласточка.

Горячіе глаза татарки впиваются въ Лару...

— Аллахъ мой!—шепчетъ она.—Мнѣ пятнадцать лѣтъ и отецъ мой торгуетъ шелкомъ въ Казани. Онъ богатый человѣкъ. Но я, хочешь, брошу все, нашъ домъ, и пойду служить къ тебѣ, какъ простая рабыня. Унесла ты мое сердце сегодня, когда отвѣчала Мецу! Люблю я тебя!

— Спасибо, Зара, — говоритъ спокойно Безсонова, но

не дѣлаются теплѣе отъ ласки милой дѣвочки ея русалочьи глаза.

— Господа! время идти! — добавляетъ она дѣловымъ тономъ. — Къ слуховому окну приставлена лѣстница, по которой скатываютъ съ сушильни корзины съ бѣльемъ. Забыли отнять сегодня. Намъ оно и на руку. Идемъ!

Проговоривъ это, Лара встаетъ и тушитъ фонарикъ, нащупавъ предварительно рукою спички въ карманѣ...— Такъ. Потомъ первая идетъ къ слуховому окну, въ которое смѣло заглядываетъ бѣлая майская ночь.

Какъ жаль, что ноги ея не босы! Она такъ привыкла ходить босою. Эти каблуки такъ противно скрипятъ!

За нею кошкой крадется Зара, Мила, другія...

Лѣстница! Вотъ она.

Первой спускается Лара. Ея тонкій стройный силуэтъ кажется темнымъ, гибкимъ деревцомъ на фонѣ бѣлой майской ночи... Быстро-быстро спускается она внизъ, перебирая ступени. Еще, еще одну, и еще... и... она на землѣ...

— Скорѣе, — командуетъ она снизу своимъ спутницамъ,—чего застряли?

Толстенькая Гарпина кубаремъ скатывается на землю, не расчитавъ перекладинъ примитивнаго спуска. Анюта Пѣгина фыркаетъ въ кулакъ.

— Ничего, до свадьбы заживетъ! — утѣшаетъ потерпѣвшую Ласточка.—Ты мягкая, пухлая!

— Якъ перина!—соглашается съ нею рыженькая Гапа.

— Тише! — цыкаетъ на всѣхъ Лара и тѣнью скользитъ впередъ.

Старый садъ принимаетъ дѣвушекъ въ свои объятія...

— Тише! Тише!

— Совсѣмъ какъ въ сказкѣ!—лепечетъ татарочка Зара, и протягиваетъ руки къ деревьямъ и кустамъ.

— Ты тише, халатъ-халатъ! Будетъ намъ сказка, если Качалиха выскочитъ. А какая ночь, милочки, какая ночь!

Дѣвушки скользятъ подъ липовымъ шатромъ длинной аллеи... Вотъ завернули вправо... Вотъ еще поворотъ... Въ

(Къ стр. 92).

дальнемъ углу сада—пустырь, окруженный высокой стѣною... Посерединѣ пустыря стоитъ покосившійся отъ времени колодезь, давно высохшій и глухой. Нѣсколько скользкихъ ступеней ведутъ внизъ... Въ лѣвой стѣнѣ колодца чуть примѣтная дверца... Завѣтный входъ въ подземелье.

— Милочки,—говоритъ, чуть блѣднѣя, Маня Таганцева и зрачки ея разливаются отъ страха,— а вѣдь это правда, что здѣсь изъ колодца голова ночью высовывается и дразнится огромнымъ языкомъ. Я слышала, какъ старшія выпускныя наши говорили.

— Чепуха!—безпечно роняетъ Лара.—И любятъ же люди выдумывать всякую чепуху!

Она первая заноситъ ногу черезъ бортъ колодца и осторожно ступаетъ по скользкимъ ступенямъ. За нею Зара, не отводящая отъ дѣвушки любящаго, преданнаго взгляда, словно загипнотизированная ею...

Потомъ остальныя...

Въ глубокой затхлой ямѣ сыро, скользко и темно. Поросшія мхомъ стѣны всѣ обметены плѣсенью... Тяжелый воздухъ гноенія непріятно ударяетъ въ носъ...

Дрожь пронизываетъ дѣвушекъ... Но онѣ, не глядя ни на что, храбро спускаются внизъ...

Вотъ онѣ, одна за другою, сползаютъ на дно колодца. Дверь теперь, какъ разъ передъ ними, небольшая, желѣзная, покрытая ржавчиною дверь. Она не закрыта. Огромная щель даетъ возможность протиснуться въ нее тонкой фигурѣ.

— А Полипко не влѣзетъ, — остритъ Анюта. — Какъ жаль, милая хохлушка, что ты не ариѳметическая дробь и тебя нельзя сократить!

Шутка вспугиваетъ нѣсколько гнетущее настроеніе, охватившее всѣхъ въ этой сырой, черной, глубокой ямѣ.

— Ну, господа, я зажигаю мой фонарикъ и вхожу. Кому не жутко, за мной!

И Лара протискивается въ дверь, входя бокомъ.

Желтый огонекъ при почти бѣломъ мерцаніи майской

ночи, дѣлается краснымъ, настоящимъ цвѣтомъ огня, когда фонарикъ вмѣстѣ съ Ларой попадаетъ въ подземелье.

Длинный, безконечно длинный корридоръ... Узкій, невысокій... Если протянуть руку, можно достать до потолка.

Лара идетъ, поднявъ надъ головою фонарикъ, за нею остальныя пять дѣвочекъ, вереницей, одна за другой... Какъ темно и жутко! Какъ черно и неприглядно все здѣсь! Спираетъ дыханіе въ груди сырой промозглый воздухъ. Колючій холодокъ заползаетъ подъ одежды, вызывая непріятную дрожь...

Бѣлое личико нѣжной и хрупкой какъ тепличное растеніе Зары, потеряло давно свое восторженное выраженіе. Въ немъ видѣнъ страхъ. На добродушномъ, полномъ лицѣ Полипко страхъ тоже. Давно лязгаетъ зубами Мила Рудинская. Мерещится дѣвушкамъ мягкая, теплая уютная постель въ дортуарѣ. Вздрагиваетъ минутами Маня Таганцева... Затихла давно хохотушка Анюта.

— Что если повернуть?

— Кто сказалъ это? Спокойное личико Лары съ негодованіемъ обращается къ ея спутницамъ.

— Не надо было идти! Возвращайтесь всѣ, берите фонарь съ собою. Я же ни за что не вернусь пока не дойду до часовни,—твердо звучитъ ея голосокъ.

— Я пойду за тобою... если даже... если даже придется умереть! — лязгая зубами отъ страха и холода, говоритъ татарка.

— А если духъ подземелья откуситъ тебѣ носъ! — усмѣхается Лара, не оборачиваясь къ Батмановой.

— У нея нѣтъ сердца!—вспоминаетъ Мила Рудинская слова директора, сказанныя сегодня про Лару, — но почему-же мы всѣ такъ любимъ ее?

А безконечный подземный корридоръ тянется все дальше и дальше... И нѣтъ ему, кажется, края и границъ...

— Такъ и до самой Волги дойдемъ, пожалуй, — слышится плачущій голосъ Гапы.

И вдругъ страшный стонъ, не то вопль, наполнилъ подземелье таинственно-жуткимъ звукомъ.

— А-а-а-а-а! мчится ужасный стонъ и раскатывается гдѣ-то вдали дрогнувшимъ эхо.

Отвѣтный вопль, вырывается изъ грудей пяти дѣвочекъ и бѣжитъ рѣжущей волною въ догонку первому звуку, уже умирающему вдали. Фонарь выскользнулъ изъ дрогнувшихъ рукъ Лары и разбившись, потухъ.

— Ай-ай-ай-ай!—пронзительно взвизгнула Гапа Полипко, замыкавшая шествіе и первая, на угадъ, бросилась съ растопыренными руками впередъ. За нею внѣ себя. испуская вопли, натыкаясь на стѣны въ кромѣшной темнотѣ понеслась Мила...

Рыдая бѣжала Анюта... Маня... Позади всѣхъ съ безумно выкатившимися отъ ужаса глазами неслась Зара.

— Духъ подземный! Шайтанъ! Демонъ это! — вопила она, коснѣющимъ языкомъ.

— Остановитесь! Да остановитесь-же! Безумныя вы дѣти!—звала надрываясь Лара, — возьмите хоть фонарь! Возьмите фонарь! Я его зажгу!

Но никто не слышалъ ее...

Паника обуяла пансіонерокъ... Дѣвушки, обезумѣли отъ страха, неслись какъ шальныя по узкому переходу, забывъ весь міръ... Видя, что ихъ неудержать и не успокоить никакими силами, Лара постоявъ минуту, рѣшила продолжать путь одна. Страха она не чувствовала вовсе. Было жгучее любопытство узнать о происхожденіи жуткаго стона. И еще было желаніе дойти до цѣли и повидать часовню, во чтобы то ни стало взглянуть на нее.

Она нащупала спички... Чиркнула одну, другую... Подняла фонарь, установила сломанную свѣчу. Зажгла ее...

И не оглядываясь, быстрыми шагами зашагала по длинному, узкому подземному корридору.

Чѣмъ дальше шла она, тѣмъ все шире, все пространнѣе становились стѣны пещеры...

Еще нѣсколько шаговъ и она увидѣла нишу, вдѣланную въ стѣнѣ.

Небольшая старинная икона, почернѣвшая отъ времени была вдавлена въ стѣну... Передъ иконой стояла грубо сколоченная изъ трехъ поленницъ тоже почернѣвшая, осклизлая отъ времени скамья.

На скамьѣ лежало что-то темное, мохнатое, издававшее стоны.

Когда Лара приблизилась, стонъ прекратился сразу. Черная фигура зашевелилась, вскочила со скамьи и очутилась въ двухъ шагахъ разстоянія передъ удивленной дѣвушкой.

XIII.

ЕРЕДЪ ней стоялъ человѣкъ въ мохнатой сибирской дохѣ, въ помятой шляпѣ и въ высокихъ сапогахъ.

Изъ-подъ козырька фуражки выглядывало блѣдное худое лицо съ остроконечной темной бородкой. Большіе черные глаза, обведенные синевою, смотрѣли подозрительно и недружелюбно въ лицо дѣвушки.

Худые тонкіе пальцы вцѣпились въ края дохи. Незнакомецъ былъ еще молодъ повидимому, но печать ни то страданія, ни то усталости или болѣзни лежала на всей его фигурѣ.

— Послушайте, — проговорилъ онъ глухо и сердито обращаясь къ оторопѣвшей отъ неожиданности Ларѣ. —Зачѣмъ вы сюда пришли? Не мѣсто здѣсь для прогулокъ благовоспитанной дѣвицѣ.—И глаза его гнѣвно поблескивая остановились на ея лицѣ злобнымъ взглядомъ затравленнаго звѣря.

— А это вы стонали сейчасъ?—вмѣсто отвѣта поставила въ свою очередь она вопросъ.

— Не ваше дѣло,—проворчалъ онъ сердито,—покричишь еще не такъ, когда три дня не ѣлъ.

— Какъ?

Что-то прильнуло къ горлу Лары внутри и сжало его. Защекотало въ горлѣ. Засосало сердце. Острая жалость хлынула въ него растопленной теплой рудой.

— Три дня не ѣлъ. Но не безпокойтесь. Я не волкъ и вылъ не отъ голода,—болѣзненно усмѣхнулся незнакомецъ.—Кричалъ, чтобы припугнуть хорошенько трусливый народъ. Чтобы не лѣзли въ мою пещеру. Пусть не отнимаютъ у бѣднаго загнаннаго человѣка его послѣдняго логовища.

— Я... я... не понимаю васъ, — теряясь проговорила Лара.

— Не вашего ума это дѣло. Вы барышня, кисейное существо и не суйте, куда не надо, вашъ носикъ,—грубовато бросалъ незнакомецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—спокойно перебила она его,—я вамъ не буду докучать. Мнѣ только жаль безконечно, что вы голодны... А съ собою у меня ничего нѣтъ... Вотъ есть денегъ немного. Мнѣ далъ капитанъ, то-есть мой отчимъ на расходы... Но завтра я уѣзжаю изъ пансіона, все равно мнѣ не надо. Вотъ возьмите.—Она быстро вынула кошелекъ изъ кармана и передала ему.

— Какъ, мнѣ?—удивился онъ.

— Конечно. Тамъ не много, но, къ сожалѣнію, все, что у меня есть! Возьмите-же, пожалуйста возьмите.

— Нѣтъ, денегъ мнѣ не надо... Если-бы онѣ обратились въ кусокъ хлѣба, я былъ-бы счастливѣе,—произнесъ съ горькой усмѣшкой незнакомецъ, отдавая ей кошелекъ.

— Боже! Но вы-же можете купить на нихъ съѣстное.

— Нѣтъ, милая барышня, купить я не могу, ибо не могу показывать до поры до времени лица своего людямъ. И въ лавки мнѣ, стало быть, входъ строго воспрещенъ со

стороны госпожи судьбы пока... пока... Ну, да вамъ не слѣдуетъ знать почему пока, а то много знать будете, состаритесь скоро,—заключилъ онъ съ прежней своей странной усмѣшкой.

— Знаете что... — внезапно оживляясь, проговорила Лара.—Я сейчасъ вернусь въ домъ и принесу вамъ оттуда поѣсть. Отъ обѣда осталось вѣроятно немного мясо и хлѣба. Подождите! А деньги возьмите все-же. Я искренно хочу вамъ добра.

— Спасибо, не надо! — глаза молодого человѣка пристальнымъ взоромъ впились въ дѣвушку.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— О, у меня много именъ. Русалка, фея Лара, мельничиха-царевна, а Лариса Безсонова мое настоящее имя, — тихо смѣясь проговорила она.

— Кто-бы вы ни были, благословенъ будь вашъ приходъ. Безъ васъ-бы я умеръ съ голоду, — произнесъ уже совсѣмъ по другому, добрѣе и мягче незнакомецъ.—Вы пансіонерка, судя по костюму. Такъ какъ-же вы очутились здѣсь?—обратился онъ къ ней съ вопросомъ.

Тогда Лара быстро и коротко разсказала въ чемъ дѣло. Какъ она со своими подругами рѣшила идти осматривать подземелье, какъ тѣ испугались страшнаго стона и бросились бѣжать, оставивъ ее одну.

— А вы давно здѣсь?—закончила она вопросомъ свою рѣчь.

— Три дня! И три дня голодаю смертельно. Былъ крошечный запасецъ провизіи, я его съѣлъ.

— Ужасно!—блѣднѣя шепнула Лара и, подумавъ немного, проговорила опять.—Идемъ же со мною до подъема въ колодецъ, я принесу вамъ туда поѣсть.

— Мнѣ нельзя натыкаться на людей! — еще разъ произнесъ онъ вѣско, ударяя на каждомъ словѣ.

— Бѣглый преступникъ!—вихремъ пронеслась мысль въ головѣ Лары, но она тутъ-же отбросила ее отъ себя.

— Идемъ-же! Никто, я ручаюсь, не увидитъ васъ!

Она высоко подняла фонарь надъ головою и шагнула впередъ. Ослабѣвшей походкой онъ двинулся за нею. По дорогѣ онъ тихо говорилъ глухимъ, слабымъ голосомъ:

— Черезъ два дня за мною придутъ сюда друзья и увезутъ въ безопасное для меня мѣсто. Вы знаете куда ведетъ этотъ ходъ? Къ рѣкѣ. Онъ прокопанъ почти вплоть до нея. Оттуда я и попалъ сюда... Оттуда же они и подъѣдутъ. Но мнѣ необходимо подкрѣпиться. Иначе я ослабну и не доживу до...

— Мы пришли. Теперь я оставлю васъ здѣсь, а черезъ четверть часа вернусь снова,—произнесла Лара, подходя къ дверцѣ.—Ждите меня... Я оставляю вамъ свой фонарь.

Она быстро поднялась по скользкимъ ступенямъ на верхъ колодца. Тамъ уже не было никого. Отъ пяти ея спутницъ не осталось и слѣда.

— Убѣжали... какъ зайцы!—усмѣхнулась Лара,—тѣмъ лучше, однако, для меня: никакой помѣхи проникнуть въ кухню и достать ѣду.—И она спѣшно двинулась къ дому.

Внезапно тихое всхлипыванье остановило ее на полъ-дорогѣ. Кто-то плакалъ въ кустахъ...

— Кто здѣсь?—окрикнула дѣвушка, зоркими глазами вглядываясь въ чащу.

— Это я! Это я Лара! О какое счастье! А, я думала, что не увижу тебя въ живыхъ!

Что-то метнулось изъ кустовъ и повисло у нея на шеѣ...

— Зара! Это ты?

— Да, мой Аллахъ, да моя радость—плача и смѣясь лепетала татарочка, — онѣ убѣжали, а я осталась ждать тебя. Мнѣ было такъ больно, такъ мучительно больно и стыдно, что я оставила тебя одну. Я боялась, что подземный духъ убьетъ, задушитъ тебя. Ты его видѣла, Лара?

— Полно, татарочка, не глупи. Ни злыхъ духовъ, ни добрыхъ духовъ нѣтъ на свѣтѣ... А лучше скажи мнѣ

вотъ что: достаточно-ли ты любишь меня, чтобы принести мнѣ жертву, оказать большую помощь, не спрашивая ни о чемъ?

— О, Лара, ты еще спрашиваешь,—глаза Батмановой блеснули преданностью,—мнѣ такъ, стыдно за свою трусость, клянусь тебѣ, Лара, клянусь.

— Тогда идемъ за мною! и, взявъ за руку подругу, дѣвушка зашагала къ дому, увлекая ее за собой.

Въ кухнѣ пансіона куда онѣ пробрались обѣ черезъ ту же приставную лѣстницу и чердакъ, такъ какъ всѣ двери были давнымъ давно закрыты и все спало въ домѣ крѣпкимъ сномъ, въ пансіонской кухнѣ было свѣтло какъ днемъ въ эту бѣлую ночь ранняго мая. Безшумно двигались по ней двѣ тонкія дѣвичьи фигурки, отыскивая съѣдобное на полкахъ и столахъ.

— Наконецъ-то!—торжествующе произнесла Лара, наткнувшись на большой горшокъ съ варенымъ суповымъ мясомъ и на огромный непочатый каравай хлѣба въ шкапу.— Бери хлѣбъ Зара, я возьму остальное и идемъ.

У самаго колодца она остановилась.

— Ступай назадъ, и молчи обо всемъ, что видѣла сейчасъ,—властнымъ голосомъ наказала она татаркѣ.

— Клянусь тебѣ моей преданностью! — Зара Батманова подняла кверху смуглую тоненькую руку,—я буду молчать.

— Хорошо. Спасибо. Ступай теперь! Мнѣ больше ничего не надо отъ тебя.

Лара постояла на мѣстѣ, прислушиваясь съ минуту къ удаляющимся шагамъ маленькой дѣвушки, потомъ осторожно стала спускаться на дно колодца.

— Вотъ вамъ—кушайте на здоровье,—все, что могла достать!— протягивая съѣстное молодому человѣку, сказала она тихо.

При свѣтѣ фонаря Лара видѣла, какъ жадно заблестѣли его глаза, при видѣ пищи, какъ тонкіе пальцы схватили каравай хлѣба.

— Нѣтъ словъ благодарить васъ...—произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, принимаясь за ѣду.

Она отвернулась. Въ русалочьихъ глазахъ стояли слезы.

Пока онъ ѣлъ, она молчала... Когда же насытившись, незнакомецъ облегченно вздохнулъ, она тихо проговорила, глядя въ его изможденное лицо:

— Я не знаю кто вы и почему должны скрываться... Но, но мнѣ сердечно васъ жаль и... и... я-бы хотѣла облегчить вашу долю. Слушайте! Если придетъ надобность въ помощи друга, запомните: Зеленый Крутъ, въ двадцати верстахъ отсюда, въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, въ глуши. Тамъ на мельницѣ живетъ Лара Безсонова. Она всей душой готова помочь каждому, кто нуждается въ помощи ея. Запомните? Да?

— Вы славная дѣвушка! Я хочу пожать вашу руку!—произнесъ незнакомецъ,—или вы боитесь,—добавилъ онъ, горько усмѣхнувшись,—что моя рука запятнана преступленіемъ? О, нѣтъ, даю вамъ слово, что нѣтъ!

— О!—я не сомнѣваюсь ни минуты въ этомъ!—горячо вырвалось изъ груди дѣвушки и она дружески сжала его исхудалые пальцы.

Въ окна дортуара уже глядѣло раннее майское солнце, когда Лара прокравшись къ своей постели, сбросивъ съ нея чучелу изъ трепья, опустилась на жесткую перину.

— Кто тамъ кричалъ въ подземельи? Какъ ты могла тамъ остаться одна? Отчего ты не убѣжала вмѣстѣ съ нами?—произнесла шопотомъ ея сосѣдка по кроватямъ, Мила Рудинская.

Лара повела плечами и, притворно зѣвнувъ, сказала:

— Какой вздоръ. Пугаться было нечего. Тамъ была голодная дворняжка. Я накормила ее, взявъ изъ кухни мяса и хлѣба. Передай это всѣмъ нашимъ. А теперь прощай. Не мѣшай пожалуйста. Я хочу спать.

И Лара повернувшись спиною къ сосѣдкѣ, вздохнула протяжнымъ вздохомъ засыпающаго человѣка.

Но сонъ бѣжалъ отъ нея...

XIII.

— Стой, Гаврила, стой-же... Вотъ здѣсь!

— Тпрууу! Гнѣдко! Тпрууу!..

Черный Гаврила натягиваетъ возжи... Старый Гнѣдко останавливается у завѣтнаго подъѣзда.

На желтой доскѣ темными буквами значится на дверяхъ: Контора редакціи журнала «Золотое Руно». Съ легкостью птички выпрыгиваетъ изъ брички Лара. Не слыша ногъ подъ собою, вбѣгаетъ она на крыльцо. Тотъ же лакей... Та же свѣтлая передняя... Та же огромная комната за нею, съ кипами журналовъ, съ пишущими за столиками людьми. Та же бѣлокурая барышня съ пышно взбитой прической, поднимается при ея входѣ.

— Вамъ господина редактора?.. Назначено прійти? Сейчасъ онъ выйдетъ, сейчасъ!

— «Сейчасъ, сейчасъ»,—вздрагиваетъ и томится сердце Лары, «сейчасъ, сейчасъ»...

Широко отворяется дверь.

— Пожалуйте!

Все точно также, какъ и тогда, въ прошлый разъ, только сердце у нея бьется сильнѣе, чѣмъ тогда... Много сильнѣе... Она протягиваетъ тоненькую руку Широкову. Рука дрожитъ...

— Вы такъ волнуетесь,—отечески ласково улыбается тотъ,—что можно подумать вы—авторъ.

— Ахъ нѣтъ, авторъ Борька, то есть, Борисъ Горскій!—спохватившись поправляется она и жестоко краснѣетъ. Ея глаза скрываются за темными рѣсницами и голосъ звучитъ не смѣло, когда она говоритъ.

— Вы... Вы... нашли повѣсть подходящей, или?..— Вспыхиваютъ потемнѣвшіе глаза...

Старикъ редакторъ смотритъ съ тою же доброй улыбкой.

— Повѣсть,—прекрасна,—говоритъ онъ, отчеканивая каждое слово — и мы охотно напечатаемъ ее у насъ. Авторъ обладаетъ несомнѣннымъ крупнымъ талантомъ. И что онъ молодъ въ этомъ его огромная сила. «Подъ колесомъ старой мельницы» имѣетъ свои недостатки, конечно, ошибки техническаго свойства. Если-бы юный авторъ, могъ много и усидчиво заниматься, послушать хорошія лекціи профессоровъ по литературѣ, искусству, получить широкое образованіе о, тогда, я ручаюсь изъ него выйдетъ большой крупный писатель!

— Ахъ!

Это «ахъ» вырывается невольно. Въ этомъ «ахъ» цѣлый гимнъ молодой ликующей души... Рдѣетъ румянцемъ загорѣлое личико Лары... Пылаютъ глаза. Небесной музыкой звучатъ въ ушахъ отрывки фразъ, такихъ желанныхъ, такихъ завѣтныхъ!

— «Повѣсть — прекрасна»... «Обладаетъ большимъ крупнымъ талантомъ». «Въ его молодости сила»...

— Ахъ, Боже! Вѣдь все это про него, про Борьку, онъ талантъ!

Лара дрожитъ... Дрожитъ всѣмъ тѣломъ, какъ тоненькій молодой тополь передъ бурей.

— Это правда? Правда?—срывается совсѣмъ уже по дѣтски съ ея трепещущихъ губъ.

Улыбается старикъ. Его несказанно трогаетъ эта молоденькая дѣвочка, такъ бурно ликующая за успѣхъ другого.

— Вы очень любите вашего друга?—спрашиваетъ онъ съ доброй улыбкой.

— Автора-то? Борьку? Ужасно! Вѣдь мы вмѣстѣ росли. Онъ мой единственный товарищъ и другъ. И какой онъ хорошій, если-бы вы знали!

И тутъ же, вскочивъ со стула, Лара начинаетъ бѣгать по кабинету и говорить безъ умолку. Она говоритъ о томъ, какъ поступился своей карьерой ради матери Борисъ, какъ отложилъ мечту объ университетѣ, какъ ради удобства

старушки принялъ на себя скромную роль сельскаго учителя.

— Но ему необходимо учиться,—прерываетъ ее пылкую рѣчь старикъ, для такого свѣжаго молодого дарованія должна быть оправа,—оправа знаній, образованія болѣе широкаго и смѣлаго, нежели восемь классовъ гимназіи, да!

— Ахъ, Боже мой, но вѣдь невозможно это!

— Это надо,—уже строго произнесъ старикъ.

Какъ сквозь сонъ слушала его Лара... Потомъ онъ вручилъ ей деньги, плату за повѣсть...

— За восемь печатныхъ листовъ... У насъ выдача гонорара производится впередъ... И скажите господину Горскому, что мы ждемъ отъ него еще много хорошихъ вещей и стиховъ... и стиховъ тоже.

А теперь роспишитесь въ полученіи денегъ...

Сквозь тотъ же сонъ, заоблачный и прекрасный Лара беретъ перо, подписываетъ свое имя на листѣ бумаги.

— Онъ не уполномочилъ васъ? Не давалъ довѣренности на полученіе гонорара? Освѣдомляется старикъ-редакторъ.

— Ахъ, нѣтъ! Вѣдь онъ же ничего не знаетъ!—просто отвѣчаетъ дѣвушка.

Лицо стараго человѣка принимаетъ официальное выраженіе.

— У насъ нѣтъ обычая выдавать деньги безъ довѣренности и принимать вещи не отъ автора, а черезъ второе лицо. Но...—онъ улыбается снова,—я большой идеалистъ и вѣрю людямъ... Старый ребенокъ, котораго обманывали не разъ... Еще шире при этихъ словахъ дѣлается его улыбка.—А вы такое славное, чистое и честное дитя! И вамъ я исключительно вѣрю.

И онъ протягиваетъ Ларѣ пачку ассигнацій.

— Что это?

— Гонораръ за повѣсть. Отвезите вашему другу. Здѣсь триста рублей. Начинающему я не могу заплатить больше.

— Боже мой! Столько денегъ!—Лара краснѣетъ густымъ

румянцемъ счастья и, забывшись, отвѣшиваетъ низкій, совсѣмъ дѣтскій, реверансъ.

— Вотъ Борька-то будетъ радъ!—неожиданно прибавляетъ она и кидается къ двери.

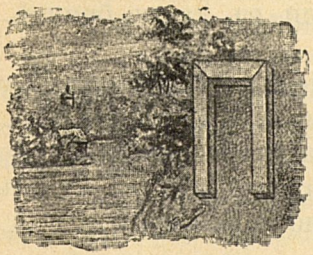
— Скорѣе! Скорѣе! Гаврила! Домой! Домой! Нѣтъ, вру, въ школу къ Борису Николаевичу заѣхать надо,—срывающимся голосомъ говоритъ она, вскакивая въ бричку.

— Что такъ больно прытко? Небось скорѣе коня не добѣжимъ,—ворчливо остритъ Гаврило и дергаетъ возжами.

Бричка катится по улицамъ города... Въ ней сидитъ сіяющая счастьемъ дѣвушка... Прохожіе невольно улыбаются видя это, точно внутреннимъ солнцемъ, озаренное личико, эти ликующіе молодые глаза...

Улыбается и Лара, свѣтло широко...

Она везетъ съ собой счастье! Большое счастье везетъ она съ собой.



XIV.

ОЛЯ... Поля... Поля... Бричка прыгаетъ и скачетъ по неравной дорогѣ. По краямъ ея зеленѣютъ нивы... Молодые хлѣба тянутся стройными колосьями кверху... Надъ головою опрокинутъ голубой куполъ. Кружевные облака плывутъ куда-то далеко по синему океану. Куда плывутъ? Неизвѣстно куда.

Лара вскользь думаетъ о бѣгѣ облаковъ, о зеленѣющей молодыми колосьями нивѣ и возвращается снова къ мысли о повѣсти Бориса и къ диковинной встрѣчѣ въ подземной часовнѣ.

Но о странномъ незнакомцѣ она думаетъ меньше. Въ немъ теперь она уже не видитъ ничего загадочнаго, таинственнаго: просто очевидно скрывающійся отъ властей, въ силу необходимости несчатный человѣкъ...

Но эта повѣсть... Если-бы она могла ему помочь чѣмъ-либо!

Ея другъ—талантливый писатель. У него крупное свѣжее дарованіе. Борька! Борька! Борька! Возможно-ли это?

Она припоминаетъ, какъ онъ писалъ еще, будучи въ гимназіи эту повѣсть, навѣянную смертью отца. Тогда еще, когда онъ прочелъ ее ей въ чащѣ Крутовскаго сада, она поняла инстинктомъ чуткой къ красотамъ искусства молодой души, что вещь эта прекрасна и талантлива и тогда робко заикнулась отдать ее въ печать.

— Никогда, — вспыхнувъ, протестовалъ Борисъ,—никогда! Вѣдь это ужасъ, понимаешь-ли, ужасъ пережить униженіе, получить свою повѣсть обратно, за неимѣніемъ таланта у автора. О, какой это ужасъ, Лара!—содрогаясь говорилъ онъ.

И тогда же въ головѣ ея мелькнула счастливая мысль. Урывками она переписала тайно отъ него эту рукопись... Тихонько отвезла въ «Золотое Руно». И вотъ —результатъ...

Сердце Лары прыгаетъ въ груди въ тактъ бричкѣ... Скорѣе-бы, скорѣй!..

Вотъ замелькала вдали высокая церковь Зеленыхъ Крутокъ своимъ облупившимся куполомъ... Кресты погоста... Домъ священника и школа .. Окна раскрыты настежь, раскрыта широко дверь... Слышатся веселые бодрые отвѣты дѣтей и покрывающій ихъ мягкій голосъ Бориса.

— Скорѣй! Скорѣй!

Бричка съ грохотомъ останавливается у крыльца. Соскакиваетъ Лара. Птицей взлетаетъ на ветхое крылечко, минуетъ сѣни. Вотъ она на порогѣ...

— На два слова, Борисъ!

Учитель вздрагиваетъ при звукахъ знакомаго голоса. Оглядывается.

— Лара! Здравствуй! Наконецъ-то. Но что это? Какое у тебя торжественное лицо?

Ея глаза встрѣчаются съ глазами юноши. И говорятъ ему о большой радостной тайнѣ.

— Лара, что съ тобою?

— Прекрати урокъ на двѣ минуты. Выйди къ себѣ хоть на минутку, выйди Боря... Я и твоя мама будемъ тебя ждать.

И она проносится ураганомъ на половину учительскаго жилья, забывъ поздороваться съ дѣтьми, не слыша ихъ привѣтствій...

— Ларинося, крошка моя! Что-жъ ты это на цѣлую недѣлю запоздала? А? Неужто опять проштрафилась, голубка?

Двѣ худыя старческія руки обвиваютъ шею Лары... Старческія губы приникаютъ къ ея лицу. Ольга Федоровна Горская любуется оживленнымъ личикомъ своей любимицы.

— Тетечка... (Лара всегда называетъ такъ мать своего друга)—я вамъ радость привезла, большую радость!

— О, Господи! Какую? Ларушка?

— Сейчасъ! Сейчасъ! Вотъ только придетъ Борисъ. И когда стройная фигура учителя появляется на порогѣ, дѣвушка быстро отрывается отъ старушки, кидается къ Борису и схвативъ его за руку, подводитъ къ Ольгѣ Федоровнѣ.

— Вотъ. Честь имѣю представить будущую знаменитость. Красу и гордость русской беллетристики. Ура, Борису Горскому. Ура!

— Что съ тобой Лара? Ничего не понимаю!

Лицо Бориса блѣднѣетъ... Въ глазахъ смутная догадка... Неужели?

— Ура!—еще громче и неистовѣе кричитъ Лара,—ура! Твоя повѣсть будетъ напечатана... Слышишь? И стихи тоже? «Подъ колесомъ старой мельницы»... Принята въ печать! понимаешь? Я отвезла ее, и ее приняли... Дали денегъ, вотъ! получай! И талантъ у тебя! Талантъ, понимаешь! Только широкое образованіе надо. Самъ старикъ редакторъ сказалъ это... Самъ редакторъ... Пойми, пойми!

— Лара!

— Вотъ тебѣ и Лара! Триста рублей отвалила шутка-ли тоже!

Лара дрожащею рукою втискиваетъ въ руку Бориса деньги.

— Да бери-же, глупый, бери... Твои собственныя это, заработанныя твоими нервами, кровью!

О! Теперь я понялъ... Ты взала вещь и отдала помимо меня? Лицо Бориса дѣлается еще блѣднѣе.

— Ну, да!—киваетъ утвердительно темная головка.

— И приняли?

— Ну, да!

Глаза русалки смѣются счастливымъ смѣхомъ.

— Мама!—Борисъ оборачивается къ своей старушкѣ. По лицу Ольги Федоровны бѣгутъ слезы.

Она раньше сына инстинктомъ любящей матери поняла все.

— Ларушка, золотое сердечко, подойди ко мнѣ, и прежде нежели обнять обезумѣвшаго отъ счастья Бориса, она раскрываетъ объятія тоненькой дѣвочкѣ смущенно лепечущей ей:

— Не меня... Не меня... Его цѣлуйте! Онъ талантъ... Онъ писатель... А не я... не я...

— Лара! — говоритъ Борисъ и его красивый теноръ звенитъ и рвется—Лара! Чѣмъ отплатить тебѣ за все это?

— Ладно, потомъ сочтемся!..—безпечно встряхиваетъ она головою, — лучше слушай, какъ все это произошло.

И тутъ-же, присѣвъ на кончикъ стула разсказываетъ все по порядку матери и сыну, о ея поѣздкахъ въ редакцію, о приговорѣ Широкова, о его словахъ.

— Боже Великій! Батюшка мой! Писатель! Талантливый писатель! О, Господи!—шепчетъ старушка Горская и льются частыя слезы по ея лицу.

— Тетечка, успокойтесь, радоваться надо, а не плакать! смѣется Лара, хотя голосокъ ея подозрительно дрожитъ.

— Ларушка! Храни тебя Господь, золотое сердце! Опомниться не могу ..

— Лара,—начинаетъ Борисъ дрогнувшимъ голосомъ, то, что сдѣлала ты...

Онъ не договариваетъ... Его взоръ поднятый въ смятеніи въ окно, останавливается на одной точкѣ.

— Къ намъ идутъ гости, кажется, въ школу!—роняютъ растерянно губы учителя и порывистымъ движеніемъ онъ поправляетъ свой кожанный поясъ.

Лара вздрагиваетъ невольно. Что-то ударяетъ ее по сердцу... Ея глаза переходятъ взглядомъ за глазами Бориса и вдругъ блѣднѣетъ за минуту до этого розовое, счастливое, возбужденное лицо...

— Они! Это—они ненавистные! Они! Они!

И она опрометью выскакиваетъ изъ скромной комнатки Горскихъ и несется въ отдѣленіе школы.

XV.

— Эй вы, команда полупочтенная! Друзья вы мнѣ или нѣтъ?

Лара сверкающимъ взглядомъ обводитъ наполняющихъ классную школьную комнату ребятишекъ. Всѣ они знакомы ей, эти Ромки, Устьки, Ильюшки, Ванюшки, Машки, Таньки и Кузьки. Съ ними бѣгала она взапуски подъ горою, съ ними ловила раковъ въ озерѣ, съ ними ходила за грибами въ лѣсъ. Ее они любятъ ихъ мельничиху-царевну, любятъ крѣпко и за отчаянную смѣлость, и за веселость и за тѣ пряники, рубахи и пояски, которыми она щедро одѣляетъ ихъ, изъ своихъ карманныхъ денегъ.

Устька Пономарева за нее въ огонь и въ воду хоть сейчасъ прыгнетъ. Не разъ спасала ее мельничиха отъ побоевъ отца. Не разъ ночевала въ такихъ случаяхъ прови-

нившаяся Устя въ уютной комнаткѣ на мельницѣ у барышни Лары.

И Ромка и Ильюшка и другіе цѣнятъ и любятъ ее.

— Ну, чего молчите? Спрашиваю васъ толкомъ, хотите мнѣ послужить?

Голосъ Лары сейчасъ суровъ и стоекъ. Недобрые огоньки зажглись въ глазахъ.

— Отвѣчайте, говорите! Нѣтъ времени расторабаривать тутъ съ вами! — тѣмъ-же властнымъ тономъ приказываетъ она.

— Извѣстное дѣло... Послужимъ, — первый находится Ромка, и коситъ на Лару свои толковые плутовскіе глаза.

— И я то-жъ,—на меня надѣйся,—пищитъ за нимъ черненькая Устя.

— Ладно. А ты Илья?

Высокій тонкій какъ жердочка мальчикъ поднимается съ мѣста. Умное личико повернулъ къ Ларѣ... Глаза горятъ готовностью послужить общей любимицѣ во всю.

Словъ не надо. И безъ словъ ясно.

— Ну такъ слушай, всѣ, — торопливо присаживаясь на краешкѣ учительскаго стола бочкомъ подхватываетъ дѣвушка съ новымъ воодушевленіемъ:—господа сюда идутъ крутовскіе сверху... Такъ вотъ... не дѣло имъ сюда приходить. Что они—экзаменаторы, что-ли! Такъ вы того; на всѣ вопросы, какіе задавать они ежели будутъ, отвѣчай то, что я говорить вамъ стану, а я, тутъ-же, съ вами останусь. Вотъ здѣсь!.. Близехонько! Слышите?

И прежде нежели успѣваютъ отвѣтить ребятишки, Лара быстро открываетъ стоящій въ углу классной комнаты платяной шкафъ.

Здѣсь вѣшаютъ фуражки, платки и незатѣйливые свои полушубки ребята, въ зимнее время, такъ какъ въ сѣняхъ холодно, какъ въ ледникѣ, зимой. Лѣтомъ-же онъ почти пустой. Лара прикрывается дверцей, потомъ снова пріоткрываетъ ее и просовываетъ голову въ щель:

— Крутовскіе баре мнѣ первые враги, слышите? —

шепчетъ она оттуда,—и надо ихъ такъ отпотчивать, чтобы не являлись больше сюда!..

— А Борисъ-то Миколаевичъ? Небось заругается?— робко протестуетъ Манютка Тузова.

— Ладно. Дѣлай что велю. Весь грѣхъ возьму на себя,—снова слышится усиленный шопотъ въ щелку.

И замолкаетъ тутъ-же. Быстро прикрывается дверь...

Входитъ Борисъ, нѣсколько растерянный и смущенный. За нимъ Римма Зарницына въ бѣломъ платьѣ, стянутая, тоненькая какъ оса. Толстая, неподвижная какъ тумбочка идетъ за нею Соня.

Марія Александровна, Всеволодъ въ форменной рубахѣ съ красными корпусными погонами и поясомъ, monsieur Жюль и Мишель...

При видѣ его птичьей фигуры, съ длинными затянутыми узкими брюками ногами, франтоватый штатскій костюмъ и лакированныя съ длинными носками ботинки, школьные дѣти не выдерживаютъ и прыскаютъ со смѣха.

Прыскаетъ со смѣха и кто-то находящійся въ шкафу.

Въ дверяхъ его есть благодѣтельное отверстіе величиною въ сливу и въ это отверстіе, не отрываясь теперь, смотритъ аквамариновый глазъ.

— Вы простите насъ monsieur... monsieur Горскій...— говоритъ нѣсколько смущенно Римма Зарницына, — что мы, незванные гости, рѣшились посѣтить васъ. Но папа давно желалъ узнать о нуждахъ школы и послалъ насъ сюда вмѣсто себя. Вы знаете онъ... больной и самъ рѣдко выходитъ изъ дома.

— Благодарю васъ... — отвѣчаетъ Борисъ съ легкимъ полупоклономъ, въ то время, какъ въ головѣ его скользитъ тревожная мысль:

— Ну, куда я ихъ разсажу всѣхъ... Въ комнатѣ, у мамы всего три стула. Здѣсь же одинъ только мой?

И онъ тревожно вертитъ этотъ единственный стулъ, не зная, что съ нимъ дѣлать, какъ наконецъ Всеволодъ

Зарницынъ не выручаетъ его и не подаетъ Маріи Александровнѣ злополучный стулъ.

— А мы съ сестрами и Мишелемъ постоимъ, — ноги у насъ молодые! — замѣчаетъ онъ, и улыбается Борису ободряющей доброй улыбкой.

— Какіе милые дѣти,—говоритъ Римма и подойдя къ близь сидящей Устѣ, гладитъ ея по головѣ.

— Сколько вамъ лѣтъ, дѣвочка?—обращается она къ ней возможно ласковымъ тономъ:

Устя, не привыкшая чтобы ей говорили „вы“, смотритъ, розиня ротъ, на бѣленькую барышню, въ перчаткахъ и съ великолѣпно завитой головой.

— Ишь ты, ровно овца въ кудряшкахъ,— удивляется Устя.

— Сколько-же вамъ лѣтъ?

— Половина двѣнадцатаго!—несется смутнымъ звукомъ изъ шкафа.

— Хи, хи... Га-га! Половина двѣнадцатаго!—помня наставленія Лары, отвѣчаетъ Устя, которой въ сущности одиннадцать съ половиной лѣтъ, давясь отъ смѣха и прикрывая ротъ рукою.

— Очень мило, — улыбается Римма, — а зовутъ васъ какъ?

— Хевронья! Хевронья! — доносится сквозь шкафное отверстіе тѣмъ-же заглушеннымъ звукомъ.

— Га-га... Зовутъ—Хавроньей!—рявкаетъ Устя и, не вытерпѣвъ, прыскаетъ во всю.

— Не Хавронья, а Хевронья, поправляетъ Римма...

— Какая милая остроумная дѣвочка!—смущенно добавляетъ она краснѣя,—у васъ всѣ такіе веселые ученики, monsieur Горскій? Да?

Борисъ хмурится и отводитъ глаза. Онъ сразу понялъ въ чемъ дѣло. Новая шалость Лары...

Она гдѣ-то здѣсь и „мутитъ“ ему дѣтей.

Но онъ безсиленъ сдѣлать что-либо сейчасъ, безсиленъ предотвратить бѣду, если бѣдѣ суждено случиться.

Всеволодъ смѣется. Мишель вскинулъ на насъ пенснэ и разглядываетъ оригинальную дѣвочку, такъ демонстративно заявившую, что ее зовутъ именемъ не совсѣмъ чистаго животнаго, чрезвычайно любящаго навозъ.

У толстой Сони Зарницыной, ея широкій ротъ раскрытъ до ушей, отъ удовольствія и любопытства.

Одна Марія Александровна серіезна.

— Monsieur Горскій,—говоритъ она обращаясь къ Борису,—адмиралъ Зарницынъ поручилъ спросить васъ не надо-ли какихъ-нибудь книгъ, учебныхъ пособій для вашей школы?..

— Благодарю васъ, пока надобности нѣтъ,—съ поклономъ отвѣчаетъ Борисъ,—можетъ быть, пожелаете прослушать отвѣты учениковъ? — помолчавъ, предлагаетъ онъ съ робкой надеждой, что изъ преданности ему, Лара не испортитъ дѣла.

— О, пожалуйста!.. Это такъ интересно!—откликаются хоромъ его гости.

Мишель облокачивается о классную доску и, заложивъ нога на ногу, рисуясь, изображаетъ изъ себя живую картину.

— Вотъ такъ журавль!—слышится изъ шкафа,—клѣтчатая минога!

— Клѣтчатый журавль, минога, — повторяютъ робкіе голоса.

О, это ужъ черезъ-чуръ!

Гости смущаются... Самъ Мишель багрово краснѣетъ.

— Молчать!—внушительнымъ шопотомъ приказываетъ Борисъ сидящимъ на ближайшихъ скамейкахъ.

— Рома Ивановъ,—обращается онъ затѣмъ къ мальчику,—отвѣчай братъ, хорошенько, толкомъ, тебя барышни спрашивать будутъ сейчасъ,—неугодно-ли спросить его,—предлагаетъ онъ Маріи Александровнѣ и Риммѣ.

— О, очень охотно!

Бѣленькая дѣвушка задумывается на минуту и поднимаетъ на потолокъ школы свои свѣтлые глаза. Потомъ опускаетъ ихъ на бѣлобрысое лицо мальчугана.

— Скажите, мой милый, кто былъ Иванъ Калита, вы вѣдь проходили исторію, неправда-ли?

— Проходили, какъ же.—И Борисъ утвердительно киваетъ головою.—Ну-же, Рома?

— Иванъ Калита-то?

Ромѣ извѣстно доподлинно, что Иванъ Калита былъ великій собиратель московскаго княжества и первый его основатель.

Объ этомъ еще, такъ недавно толковалъ на урокѣ Борисъ.

Но, совсѣмъ иное назначеніе русскому князю собирателю даетъ гудящій шопотъ изъ шкафа.

— Угодникъ Божій! Угодникъ Божій! Несется оттуда.

— Угодникъ Божій!—смѣло повторяетъ Рома къ величайшему смущенію Бориса и гостей.

— Гм! Гм! Съ точки зрѣнія своего угожденія Богу тѣмъ, что онъ пекся о землѣ родной, можетъ быть, его и можно гм. гм...—посмѣевается Сева, у котораго веселыми огоньками разгораются его „разбойничьи“, какъ ихъ называютъ домашніе, глаза.

— Какой угодникъ! Что-ты тамъ врешь, Ивановъ?

А Борисъ хмуритъ свои темныя брови и сердито ворчитъ.

— Ужасно ты глупъ, Романъ, сегодня, ужасно глупъ!

— Я ихъ лучше по ариѳметикѣ спрошу, вы разрѣшаете?—И Римма, перегнувъ свою осиную талію, наклоняется къ дѣвочкѣ Машутѣ.

— Шестью девять сколько будетъ?—нѣжно-нѣжно протягиваетъ она.

— Двадцать!—гудитъ сквозь отверстіе шкафа.

— Двадцать!—не сморгнувъ повторяетъ Машута дѣлая испуганно-глупое лицо.

— Глупая! — не спрашивайте ее... Илью Сидоркина спросите.—Ильюша: отвѣчай!—уже замѣтно волнуясь, говоритъ Борисъ.

— Двадцать!—невозмутимымъ эхо повторяетъ Илья.—Потому что въ шкафу гудитъ какъ шмель одно только слово:

— Двадцать! Двадцать!

— Богъ знаетъ что!—совсѣмъ уже растерявшись лепечетъ Горскій.—И это Илья—лучшій ученикъ!

— О, не безпокойтесь!—спѣшитъ загладить невыгодное впечатлѣніе своимъ любезнымъ тономъ Марья Александровна,—нѣтъ ничего удивительнаго. Мы нашимъ появленіемъ смутили дѣтей! Они не ожидали!

— Но, помилуйте, Сидоркинъ—первый ученикъ и онъ долженъ былъ бы...—Борисъ смущенно смолкаетъ.

— Мы не будемъ мѣшать вамъ,—говоритъ Римма и протягиваетъ руку молодому человѣку.—Такъ, пожалуйста, если что понадобится для школы, безъ церемоніи скажите отцу... Вѣдь мы такіе близкіе сосѣди... Заглядывайте къ намъ, мы будемъ такъ рады. Зайдете, да?

— Благо...—начинаетъ Борисъ.

— Нѣтъ!—слышится тотъ же гудящій голосъ изъ угла классной, какъ разъ оттуда, гдѣ стоитъ продырявленный шкафъ.

Всѣ лица съ удивленіемъ обращаются въ ту сторону.

— Она тамъ! Это внѣ всякаго сомнѣнія! — внезапно проносится въ головѣ Бориса и, чтобы какъ-нибудь сгладить, замять дѣло, онъ говоритъ смущенно:

— Да... Да... Благодарю васъ! Я зайду.

— Нѣтъ! Нѣтъ! И нѣтъ!—уже совсѣмъ явственно отвѣчаетъ человѣческимъ голосомъ волшебный шкафъ.

Полное изумленіе отражается на лицахъ присутствующихъ.

— Что это тамъ такое?..—И Мишель вскинувъ снова пенснэ на носъ, жестомъ руки указываетъ на шкафъ.

— Тамъ... Тамъ... говорящій дроздъ, — неожиданно подъ тонъ суфлерства изъ шкафа докладываетъ чей-то голосъ.

— Га-га-га-га!—закрывшись руками фыркаютъ дѣти.

— Вотъ какъ! Ученый дроздъ! Это интересно. Можно взглянуть? — веселый взоръ Всеволода пронизываетъ насквозь дверцы шкафа.

— Нѣтъ, нѣтъ... Нельзя... Простите... Пока еще нельзя,— растерянно лепечетъ Борисъ.

И онъ радъ радехонекъ, видя, что гости собираются уходить изъ школы. Юноша провожаетъ ихъ до дверей. Потомъ стремительно идетъ, почти бѣжитъ назадъ.

— Лариса! Что ты опять натворила!—полнымъ отчаянія голосомъ говоритъ онъ, хватаясь за голову. — Совсѣмъ зарѣзала меня!

Она стоитъ теперь на серединѣ класса. Ея лицо сіяетъ. Глаза тоже.

— Только ребятъ не брани,—лепечетъ она быстро.— Не сердись, Боря! Это я ихъ подучила... Я... Прости, пожалуйста. А тѣ Крутовскіе ужъ не покажутъ сюда носа больше, ни за что не покажутъ теперь. Ха-ха-ха-ха! — и она хохочетъ какъ безумная, едва не валится съ ногъ.

Ея веселое настроеніе передается и дѣтямъ. Сначала фыркаетъ Устька... потомъ другіе.

— Га-га-а... Ученый дроздъ! Га-а-а!

Борисъ улыбается невольно. Но стараясь сохранить серьезность, всячески подавляетъ улыбку и говоритъ:

— Ну, счастье ваше, что не сегодня завтра роспускъ школы, а не то-бы вотъ какъ влетѣло вамъ всѣмъ!

— Не влетѣло-бы... Ты добрый Борисъ Миколаевичъ!— звенитъ чей-то расхрабрившійся голосокъ съ дальней скамьи.

— Спасибо вамъ! Послужили ребятки, два фунта пряниковъ за мной,—тихо, чтобы не слышалъ учитель, шепчетъ Лара.—А теперь, покуда что прощайте, — и тоненькая фигурка ея исчезаетъ за дверьми.

XVI.

ИММОЧКА Зарницына скучаетъ въ деревнѣ. Вотъ уже мѣсяцъ, какъ ее «замуравили» въ этой глухой норѣ, какъ она называетъ заглохшую усадьбу Зеленаго Крута, ее, привыкшую къ веселой петербургской жизни, къ выѣздамъ, къ баламъ, театрамъ, къ жизни полной блеска и свѣта. И вотъ она изнываетъ, однообразно проводя день за днемъ, безъ гостей и веселой толпы молодежи, въ запустѣвшемъ дикомъ саду, гдѣ даже нѣтъ порядочно устроенныхъ дорожекъ, гдѣ нѣтъ ни лаунтениса, гдѣ негдѣ устроить крокетъ. Все заросло дикой чащей деревьевъ и кустовъ.

Всеволоду и Мишелю живется куда лучше. Тѣ проводятъ все время съ monsieur Жюлемъ въ лодкѣ на озерѣ, или ловятъ рыбу, или гуляютъ. Всеволодъ тотъ даже счастливъ. Онъ коситъ сѣно съ косарями на лугу за садомъ и оттуда доносится то и дѣло его веселый смѣхъ.

Соня счастлива по своему. Неподвижная толстушка цѣлые дни лежитъ въ гамакѣ и сосетъ леденцы, за которыми посылаетъ то и дѣло горничную въ сельскую лавченку. Марія Александровна ведетъ хозяйство и вполнѣ довольна старой библіотекой, которую она приводитъ въ порядокъ, перечитывая попутно своихъ любимыхъ авторовъ. Отецъ занятъ своими газетами или игрою въ шахматы съ капитаномъ. Говорятъ, у капитана есть падчерица. Но ее еще никто не видѣлъ, она большая дикарка и скрывается отъ людей. И притомъ какая-то блажная, если вѣрить слухамъ. Ходитъ босая, проводитъ все время въ лѣсу. Значитъ, она тоже не подруга ей, Риммѣ, благовоспитанной дѣвицѣ, окончившей институтъ.

Конечно, она, Римма, могла бы отъ скуки заняться младшимъ братишкой. Но... развѣ это весело — возиться съ больнымъ мальчикомъ и слушать все однѣ и тѣ же жалобныя просьбы разсказывать ему сказки о добрыхъ феяхъ и злыхъ колдуньяхъ. И потомъ, у мальчика такое пылкое, больное воображеніе. Всѣми слышанными сказками онъ грезитъ на яву... Бредитъ феями, русалками и волшебницами. Цѣлыми днями просиживаетъ въ саду въ сиреневой бесѣдкѣ и точно ждетъ кого-то.

Ахъ, какъ это скучно!

Одна только радость могла-бы быть у Риммы, это— цвѣты. Дѣвушка обожаетъ цвѣты. Эта любовь у нея съ первыхъ дней дѣтства. Но и цвѣтника здѣсь развести нельзя. Огромный дикій садъ не пропускаетъ лучей солнца, а безъ солнца какая-же жизнь цвѣтамъ?

А между тѣмъ, еслибы вырубить садъ до обрыва, до того самаго страшнаго обрыва, гдѣ бродитъ тѣнь самоубійцы, какъ говоритъ старикъ Терентьичъ, по ночамъ, можно было развести роскошный цвѣтникъ... Мѣсто прекрасное, только бы удалить эти жуткіе, никому ненужные деревья...

И Римма, осѣненная этою новою мыслью идетъ съ просьбой сдѣлать порубку сада къ отцу...

Чудный, благоухающій день... День веселаго пестраго іюня близится къ концу... Солнце прощальными улыбками золотитъ верхушки деревьевъ... Улыбается шелестя зеленою листвою, въ предвечерней прохладѣ лѣсъ... Поютъ неумолкая звонкіе кузнечики, въ пушистой муравѣ... Чирикаютъ птицы въ задумчивыхъ зарослях лѣса... Чуть шурша своимъ тонкимъ тѣльцемъ о траву, пробирается быстрая ящерица, ища пріюта.

Тишина, гармонія, мелодичная безшумная пѣсня природы, задумчивая іюньская сказка вѣетъ надъ зеленымъ міромъ лѣсного царства.

И вдругъ, точно по знаку добраго волшебника, оживаетъ лѣсная чаща. Скрипятъ колеса по лѣсной дорогѣ, фыркаютъ лошади, звенятъ молодые свѣжіе голоса.

Точно дѣдушка лѣсовикъ выпустилъ изъ изумруднаго дворца, веселую стаю молодыхъ своихъ внуковъ лѣшихъ и зеленоокихъ сестрицъ ихъ—русалокъ, для веселыхъ плясокъ и игръ при вечерней зарѣ.

На лѣсной полянкѣ разостланы скатерти, пледы, положены мягкія диванныя подушки и одѣяла.

Двѣ проворныя горничныя разставляютъ посуду и закуску, закипаетъ самоваръ въ сторонѣ, подъ липой.

Это молодежь Зарницыныхъ устроила пикникъ въ чащѣ лѣса. Самъ адмиралъ отсутствуетъ. Подагра запрещаетъ ему оставаться на воздухѣ подъ вечеръ... За то остальные члены семьи, всѣ здѣсь на лицо...

Даже Толю послѣ нѣкотораго колебанія рѣшились взять съ собою. Удовольствіе пробыть въ чудесной лѣсной обстановкѣ, въ теплый іюньскій вечеръ не можетъ принести ему вреда...

Приглашены на пикникъ и двѣ молоденькія поповны—дочери отца Ѳедора, зелено-крутовскаго священника. Онѣ обѣ епархіалки изъ губернскаго города, совсѣмъ свѣтскія барышни, любящія повеселиться и поплясать. Одну зовутъ Шурочкой, другую Дашенькой, обѣ онѣ розовыя, поминутно краснѣющія и смѣшливыя, очень похожія другъ на друга.

Ихъ братъ студентъ духовной академіи, тоже тутъ же. Это высокій нескладный малый, очень бѣлокурый и обладающій удивительнымъ басомъ, которому могъ бы позавидовать любой соборный дьяконъ.

Была послана пригласительная записка и Борису Горскому, но юноша не присоединился къ устроившей пикникъ молодежи.

Сейчасъ всѣ онѣ развели огромный костеръ на лѣсной полянкѣ...

— Давайте картошку печь! Картошку! — предлагала

*

одна изъ сестрицъ-поповенъ, сіяя на всѣхъ веселыми дѣтскими глазками.

— Картошку такъ картошку! — согласился басомъ студентъ.

— Ну, это скучно! Давайте пѣть хоромъ!—перебивая ихъ кричала другая сестрица.

— Я не въ голосѣ!—протестовалъ Мишель, вскидывая на носъ пенснэ.

— У нашего Мишеля хроническій катарръ горла и кармана!—разсмѣялся Сева,—все карманное благополучіе на галстухи уходитъ.

— Пожалуйста, не сочиняй!—вспыхнулъ франтоватый лицеистикъ—просто, необходимо хорошо одѣваться. Порядочнаго человѣка узнаютъ по костюму.

— Ба! А я думалъ по уму!—снова вставилъ свое слово Сева.

— Ну, mon chèr, пока доберешься до ума...

— Господа! Давайте въ горѣлки играть!

— Въ горѣлки! Mais oui*)... Очень прекрасно, я горю!— и monsieur Жюль быстро вскочилъ съ травы.

Monsieur Жюль, не смотря на свои тридцать два года, любитъ повозиться съ дѣтьми, любитъ подурачиться побороться съ Севой и Мишелемъ. Ему некуда дѣвать своего черезъ край брызжущаго здоровья, своей воловьей силы и веселья, чистокровнаго швейцарца,—бьющее изъ него ключемъ. Свое дѣтство monsieur Жюль, провелъ въ горахъ, пася козъ своего отца—фермера въ Швейцарскихъ Альпахъ, юность въ коллегіумѣ въ Женевѣ, зрѣлые годы проводитъ здѣсь въ Россіи, куда пріѣхалъ «попытать судьбу», счастья на чужбинѣ. Этотъ большой широкоплечій коренастый человѣкъ, добродушенъ и простъ, какъ ребенокъ. Съ Севой и Соней они друзья. Съ Маріей Александровной чуть-чуть «считаются» за то, что monsieur Жюль, по мнѣнію гувернантки, слишкомъ распустилъ дѣтей. Надъ франтовитостью и любовью къ щегольству Мишеля, mon-

*) Ну да...

sieur Жюль, трунитъ постоянно со свойственнымъ ему одному добродушіемъ.

— Et bien, я горю...—monsieur Жюль, прекрасно выучился произносить фразы по русски, но только онъ частенько вставляетъ совсѣмъ не тѣ, которыя нужно слова и забавно путаетъ обороты рѣчи.

— S'il vous plait *), вставайте въ пары и будемъ на побѣгушки!—кричитъ онъ, весело хлопая въ ладоши.

— И будемъ бѣгать! Ха ха ха, «на побѣгушки»! Такъ не говорятъ!—хохочетъ Мишель.

— Смотрите не смѣйтесь такъ громогласно. У васъ слишкомъ узкая жилетка, предостерегаетъ monsieur Жюль—и она будетъ лопонуть, какъ воздушный balon...

Всѣ смѣются. Мишель конфузится и краснѣетъ, неистово краснѣютъ и розовыя поповны. Смѣется ихъ братъ.

— Въ пары, въ пары! Сева, я съ тобою!—суетится Римма, вскакивая съ пледа и поправляя платье и прическу.

— Monsieur Мишель! Я съ вами,—кричитъ Шурочка.

— А я съ Маріей Александровной!—заявляетъ Дашенька.

— Богъ съ вами! Оставьте меня въ покоѣ старуху, и потомъ у меня Толя подъ крылышкомъ! Играйте одни,—отмахивается та.

— Ахъ, душечка, милочка,—нѣтъ вы не старуха, вы молоденькая! Пожалуйста играйте съ нами! Ахъ! И розовыя поповны, умѣющія неистово восторгаться всѣмъ на свѣтѣ, бросаются взапуски цѣловать Марію Александровну.

Въ результатѣ ее уговорили. Она встаетъ съ Дашенькой въ пару... Въ послѣдней парѣ становится толстушка Соня и басящій студентъ.

— Вы ужъ извините,—говоритъ онъ дѣвочкѣ—ежели я да носомъ рѣдьку того... закопаю. Чертовски жметъ ногу подлый сапогъ!

— Ничего! Ничего! Наша Сонька и сама бѣгаетъ какъ утка,—вставляетъ услыша его слова, Сева.

*) Пожалуйста.

— Всеволодъ!—ужасается Марія Александровна,—не конфузьте же вашу сестру!

— Ничего Маріечка Александрочка, не безпокойтесь,—хохочетъ тотъ, я ей за это леденецъ приготовлю!—и живо наклонившись, Сева поднимаетъ съ земли еловую шишку съ галантнымъ поклономъ подаетъ сестрѣ.

— Прошу вниманія!—кричитъ monsieur Жюль, становясь впереди,—я начинаю мое гореніе.

— S'il vous plait,

Горю горю на—ясно
Чтобы не прокисло
Птички завываютъ...

— Ха, ха, ха, не такъ!—Ну, все равно!—Сева и Римма бѣгутъ первые.

Широко ростопыривъ руки несется за ними monsieur Жюль.

Онъ хочетъ схватить Римму, но дѣвушка ловко увертывается и вмѣсто нея monsieur Жюль обхватываетъ молодое деревцо.

— Ха, ха, ха! хохочетъ молодежь.—Огонь, огонь!

— Вотъ такъ номеръ! покрываетъ всѣхъ веселый голосъ Севы.

— Monsieur Мишель! Наша очередь! напоминаетъ Шурочка.

— Къ вашимъ услугамъ!

«Клѣтчатый» Мишель для чего-то подбираетъ фалдочки своего пестраго сюртука и бѣжитъ, смѣшно загребая ногами.

Monsieur Жюль неумолимо преслѣдуетъ его.

— О-о! испускаетъ испуганно Мишель и, тутъ-же запнувшись за корень дерева, перерѣзавшій тропинку, спотыкается и растягивается во всю длину.

— Приказалъ долго жить, скончался!—остритъ Сева и ржетъ, какъ молодая лошадь.

— Вы не стукнулись? заботливо освѣдомляются у Мишеля Римма, Марія Александровна и розовенькія поповны, въ то время, какъ Соня съ широко-раскрытымъ ртомъ

замираетъ въ позѣ олицетвореннаго унынія надъ своимъ неловкимъ кавалеромъ.

Грязный перепачканный, съ вымазанной зеленью жилеткой, Мишель поднимается съ травы.

— Ну, ужъ и игра!—ворчливо замѣчаетъ онъ.

— А ты бы еще во фракѣ на пикникъ пріѣхалъ—хохочетъ Сева,—развѣ это для деревни костюмъ?

— Толя, котикъ мой,—подсаживается къ тихо сидящему на пнѣ брату Римма,—тебѣ скучно, миленькій? Господа! Давайте играть во что-нибудь, во что Толѣ можно. Въ прятки что-ли!—заявляетъ она.

— Ладно. Я искать буду,—баситъ студентъ.

— Хочешь, маленькій? Римма заглядываетъ въ глаза младшаго брата и умильно улыбается ему.

Риммѣ очень хочется показаться передъ всѣми доброй, заботливой сестрою. Она любитъ, когда про нея говорятъ, что у нея много «чуткости» и «души»...

— Хочешь, маленькій?

Толѣ все равно играть или нѣтъ. Онъ не любитъ игръ не любитъ шума. Отъ веселыхъ щебечущихъ неумолчно голосовъ поповенъ у него разболѣлась голова... Студентъ съ его страшнымъ басомъ наводитъ на него тоску и уныніе. А monsieur Жюль и Сева такъ всегда возятся и шалятъ, что вотъ вотъ, кажется, они сдѣлаютъ больно другъ другу... А Толя такъ страдаетъ когда бываетъ больно кому-бы то ни было. Сейчасъ ему безконечно жаль упавшаго Мишеля, но онъ стѣсняется подойти и спросить не ушибся-ли онъ.

— Ну, Тольчикъ, ну, цыпинька, ну, хочешь играть въ прятки?—пристаетъ къ нему Римма.

Чтобы не причинять никому безпокойства Толя согласенъ на все, и утвердительно киваетъ темнокудрой головкой.

— Въ прятки! Въ прятки!—весело щебечутъ розовыя поповны.

— Я искать буду!—еще разъ заявляетъ басомъ студентъ. И вмигъ пустѣетъ лѣсная полянка.

Все исчезло съ нея... И свѣтлые костюмы барышень и клѣтчатая пара Мишеля и чечунчовое пальто mousieur Жюля и бѣлая кадетская рубашка Севы. Только Марія Александровна и двѣ горничныя возятся у импровизированнаго стола на пледахъ и разставляютъ послѣднюю закуску, да студентъ стоитъ, уткнувшись носомъ въ стволъ дерева, и считаетъ митодично.

— Разъ... Два, три... четыре...

Толя оглядываетъ быстрымъ взглядомъ чащу и скрывается въ кусты.

— Ахъ, какъ здѣсь хорошо!

Пестрыми звѣздочками мелькаютъ головки цвѣтовъ въ травѣ... Стрекочатъ, радуясь предвечерней прохладѣ кузнечики, и кажется, что поетъ вся, зеленая трава кругомъ... Вонъ бабочка снялась и полетѣла отъ лиловаго колокольчика... Вонъ синій-синій киваетъ Толѣ хорошенькій цвѣтокъ.

Все глубже и глубже пробирается въ чащу мальчикъ...

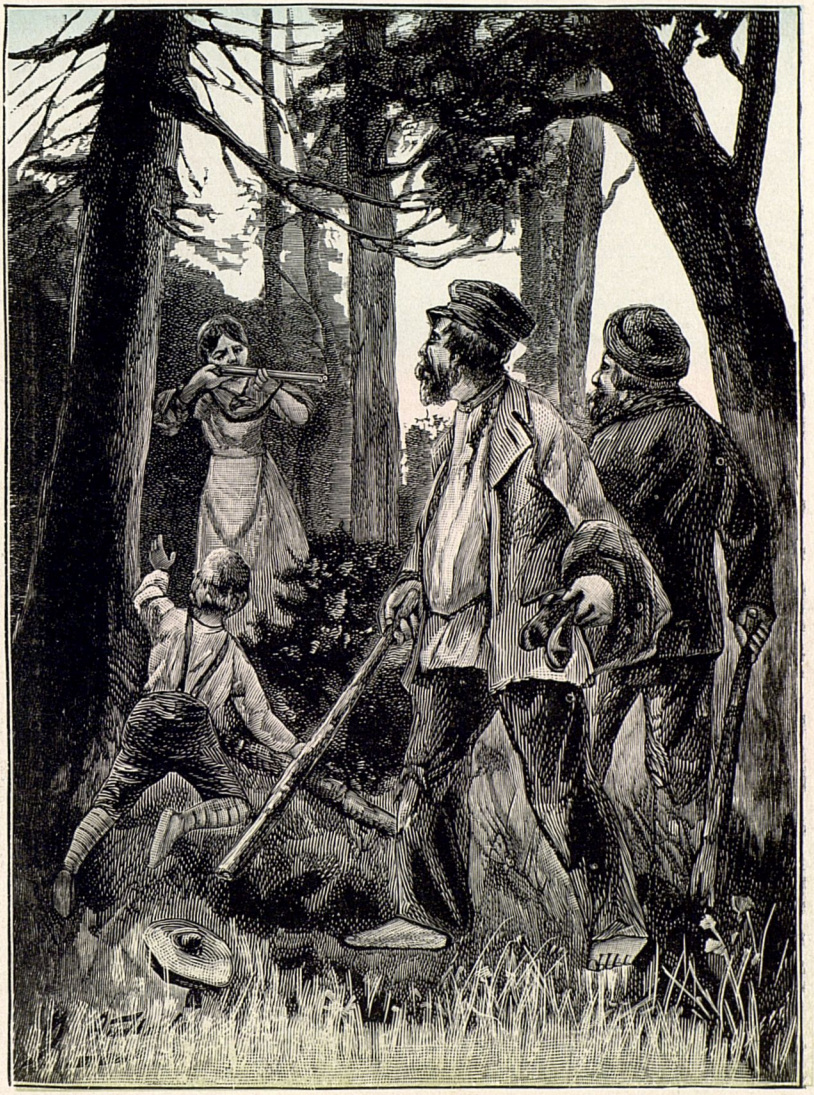
— О, здѣсь уже навѣрное не найдетъ его басистый студентъ! Не найдетъ, конечно!

А тамъ, за этимъ молоденькимъ тополемъ еще лучше... Тамъ нѣжно льнутъ другъ къ другу бѣлыя березки, точно сестры, точно подруги. Ахъ, какъ хорошо!

— Толя! Толя! Ау! Ау! доносятся до него знакомые голоса, уже заглушенные значительнымъ разстояніемъ.

Мальчикъ чувствуетъ, что надо идти обратно, повернуть... Но, что-то притягиваетъ его въ эту изумрудную чащу въ глубинѣ лѣса, что-то манитъ туда... Вотъ глуше и глуше становятся призывные голоса... Должно быть, онъ отошелъ отъ нихъ очень далеко... Самъ не понимая зачѣмъ, онъ идетъ, идетъ не останавливаясь ни на минуту. Тишина убаюкиваетъ его... Въ шопотѣ деревьевъ чудится сказка... Легче здѣсь вдали отъ шумныхъ веселыхъ человѣческихъ голосовъ его больной головѣ. Гораздо легче.

Онъ бросается на траву и съ наслажденіемъ вытягивается на ней своимъ худенькимъ тѣльцемъ.



(Къ стр. 123).

Вокругъ него — зеленое море. Надъ нимъ голубой океанъ. Бѣлые кораблики плывутъ по этому океану... Плывутъ, нагоняютъ, перегоняютъ другъ друга...

Толя смотритъ до напряженія, до боли въ глазахъ въ голубой куполъ. Потомъ взглядъ его туманится... вѣки тяжелѣютъ. Слипаются темные глазки и онъ засыпаетъ, самъ не замѣчая какъ...

XVII.

ОЛЯ спитъ долго и сладко... Старый лѣсъ баюкаетъ его. Легкій вѣтерокъ освѣжаетъ лицо и треплетъ кудри...

Неожиданно, чье-то грубое прикосновеніе къ ногамъ и плечамъ будитъ мальчика.

Онъ широко раскрываетъ испуганные глаза. Въ лѣсу теперь совсѣмъ уже стемнѣло... Незамѣтно успѣла подкрасться ночь...

На дальнемъ небѣ зажглись рѣдкія іюньскія звѣзды... Синій сумракъ таинственный и жуткій обнялъ чащу.

Толя вскочилъ на ноги... Дико вскрикнулъ и снова упалъ въ траву, отброшенный чьей-то сильной рукою...

Второй крикъ, полный невыразимаго ужаса, замеръ на губахъ ребенка.

Грязная, потная огромная рука прикрыла ему лицо. А грубый голосъ прозвучалъ надъ его ухомъ:

— Крикни-ка только, посмѣй. Такъ отпотчую, что и своихъ не узнаешь.

Испуганные глазенки мальчика встрѣтились съ парою недоброжелательныхъ глазъ, пронырливыхъ и острыхъ. Потомъ, еще съ другимъ взглядомъ, съ тѣмъ же явнымъ недоброжелательствомъ поглядывающимъ изподлобья на него.

Два оборванца въ лохмотьяхъ, вооруженные огромными дубинами хозяйничали подлѣ мальчика. Одинъ изъ нихъ уже успѣлъ стащить съ него желтые щегольскіе сапожки, другой добирался до бархатной курточки, трещавшей по всѣмъ швамъ подъ неумѣлыми руками бродяги.

— Они убьютъ меня! убьютъ!—съ ужасомъ подумалъ мальчикъ и холодная дрожь острыми мурашками пробѣжала у него по спинѣ.

— Ну ты, померъ што-ли, пошевеливайся, барченокъ!

Одинъ изъ бродягъ схватилъ за плечи Толю и поставилъ грубо на землю передъ собою. Другой протянулъ руки къ его бархатнымъ нарядным штанишкамъ.

— Кусокъ ничего себѣ, не вредный! Въ трактирѣ небось за него не мало дадутъ,—захохоталъ другой бродяга, грубымъ пріемомъ помогая товарищу раздѣвать ребенка.

Не помня себя, Толя крикнулъ отчаяннымъ голосомъ.

— Помогите! Помогите! Ко мнѣ! Сюда!

— Ага, ты такъ-то!—Одинъ изъ бродягъ поднялъ дубину, взмахнулъ ею и замеръ на мѣстѣ съ поднятой вверхъ рукой.

— Посмѣй только, негодяй! Или я... стрѣлять буду!

Прямо изъ куста на него было направлено дуло двухстволки... И два ярко горящіе глаза засверкали на одной высотѣ съ ружьемъ.

— Посмѣй только!

Зашелестѣли вѣтви кустарника и выпрыгнула изъ нихъ тоненькая фигурка.

— Эй вы, бездѣльники, оставьте лучше, ребенка, кому дорога жизнь!

— Фея Лара! — вырвалось восторженно радостнымъ

крикомъ изъ груди Толи и онъ рванулся изъ державшихъ его рукъ.

— Мельничиха, капитанова падчерица! — произнесъ одинъ изъ парней.—Изъ Зеленыхъ Крутокъ! А штобъ ее, нелегкая принесла!

— Митюха Коротковъ. Я тебя сразу узнала! — зазвучалъ звонкій отвѣтъ.—Съ какихъ это поръ ты разбоемъ промышлять сталъ, парень? Изъ Липокъ, ты, знаю, не скроешься теперь. Неужто-же водка тебя довела до того, что ты на невинныхъ дѣтей въ лѣсу нападаешь, беззащитныхъ и грабишь ихъ, какъ разбойникъ? А? Стыдись!— Лара говоритъ это гнѣвно, быстро... Одной рукой она прижала къ себѣ Толю, другою держитъ на вѣсу ружье.

Одинъ изъ оборванцевъ метнулся въ кусты... Другой норовилъ поступить также. Въ его рукахъ все еще были бархатная куртка и Толины сапоги.

— Куда!—замѣтя этотъ маневръ, закричала снова дѣвушка.—Куда? Стопъ! Ни съ мѣста! Сейчасъ же отдавай все обратно... Не то...

— Стрѣлять, что-ли станешь, Бога побойся Лариса Сергѣевна?

— Буду стрѣлять! Лучше отдавай!

Что-то твердое, безжалостное слышится въ голосѣ Лары... Что-то безпощадное, и жесткое, не свойственное ей...

Митюха вздрагиваетъ и невольно подается назадъ. У него съ товарищемъ кромѣ этихъ дубинокъ нѣтъ другого оружія, а мельничиха, капитанова падчерица, слыхалъ онъ, безъ промаха бьетъ птицу на лету...

А тутъ еще изъ кустовъ вылѣзаетъ товарищъ, съ виноватымъ видомъ и поникшей головой.

— Хорошее дѣло! Ребенка обокрасть хотѣли, раздѣть до нага... Чуть не избили... И все изъ за водки проклятой. Помяни меня, Митюха, въ конецъ загубитъ она тебя!..

И, говоря это Лара опускаетъ ружье и укоризненно покачиваетъ головою.

— Слушай Дмитрій,—говоритъ она черезъ минуту,—

былъ ты еще недавно хорошимъ парнемъ, отцу работать помогалъ, а сейчасъ вонъ до чего допился. Отецъ тебя изъ дому прогналъ, за художества твои, за водку. Бродягою ты сдѣлался. По ночамъ въ лѣсу грабишь. Стыдно, Дмитрій!.. Ты мою мать покойную помнишь? Помнишь, какъ она ребенкомъ тебя ласкала бывало, какъ ты на мельницу забѣгалъ? Помнишь? Мнѣ старый Гаврило и нянька Агафья сказывали про это... И, какъ не разъ за больнымъ тобою она ухаживала, я тоже знаю и, какъ отъ смерти тебя спасла, отъ тифа своимъ уходомъ... Эхъ лучше-бы ты Дмитрій, не доживалъ до такого позора... На ребенка беззащитнаго кинулся въ лѣсу...

— Пьяны мы нынче, вотъ что! — послышался голосъ второго бродяги, не то оправдывающійся, не то дерзкій.

— А ты кто?—гнѣвными нотками зазвучалъ по его адресу Ларинъ голосъ.—Можетъ, ты и сбилъ его съ толку, а? Тебя я не знаю... Не отъ насъ, не изъ Липокъ, не изъ Ириновки... Откуда?

— А тебѣ, что за дѣло?—дерзко выступая и подбочениваясь, произнесъ тотъ.—Что ты за указчица явилась сюда? Эй Митька, чего скисъ, розиня... Забирай барченково добро и ай-да! Пущай для своей радости съ лѣсомъ поговорятъ! Ха, ха, ха,—грубо загоготалъ парень.

Минутное молчаніе воцарилось въ лѣсной чащѣ. И вдругъ робкій голосъ Дмитрія зашепталъ:

— Не, Степа, не дѣло это! Барышня правду сказала. Ейная мать покойница меня выходила однажды, отъ смерти спасла мальченкой, да и всей нашей семьѣ помогала много разъ... Такъ неужто-жъ я дочери ея какъ-бы со зла дѣлать стану. Эхъ, да нѣшто я звѣрь? Водка подлая, это точно, меня съ толку сбила, а разбоемъ я ни въ жизть не промышлялъ. И, стало-быть, и впредь не стану... Вотъ получай барченково добро!..

И, бросивъ присвоенныя имъ было вещи, къ ногамъ Лары, Дмитрій метнулся въ чащу, тяжело пыхтя.

Съ бранью и угрозами его спутникъ поспѣшилъ за

нимъ, всячески ругая «бѣсову мельничиху», помѣшавшую ихъ дѣлу.

— Ну, вотъ, и ушли они. Одѣвайся скорѣе, мальчикъ! Твое счастье, что я была случайно здѣсь въ лѣсу—бросала на скоро Лара, подавая Толѣ возвращенную бродягами одежду.

— Съ твоими эльфами?—съ восторгомъ глядя въ лицо дѣвушкѣ, произнесъ тотъ, забывъ казалось при видѣ ея все происшедшее съ нимъ за эти минуты.

— А! ты все про старое, все еще считаешь меня за фею?—усмѣхнулась она, гладя его по чернокудрой головкѣ.

Развѣ ты не слышалъ, что говорили со мною эти люди?

— Нѣтъ! Я, такъ боялся, что они убьютъ тебя, фея Лара. Убьютъ изъ-за меня! Ты такая храбрая, ты не побоялась спасти меня! О, благодарю тебя добрая, прекрасная фея!

— Глупенькій. Они не злодѣи, а только бѣдные потерянные люди... У нихъ большой недостатокъ—пьянство... И вотъ, видишь, до чего онъ ихъ довелъ—поясняла она ребенку.

— Гдѣ твои, эльфы, фея Лара?—не слушая ее, лепеталъ мальчикъ. Глаза его, все еще съ тѣмъ же любопытствомъ и восторгомъ, впились въ ея лицо.

— Мои эльфы? Они остались тамъ въ чащѣ сада надъ обрывомъ въ ихъ зеленыхъ дворцахъ изъ древесныхъ вѣтвей!—произнесла она, улыбаясь и обнимая мальчика, который умѣлъ уже накинуть курточку и застегнуть сапожки.

— Ахъ, Боже мой, фея Лара! — дрожащими звуками вырвалось испуганно изъ груди Толи.—Развѣ ты ничего не знаешь? Бѣги къ твоимъ эльфамъ скорѣе и скажи, чтобы они спасались оттуда сейчасъ... Да... Да... сейчасъ же спасались потому, что скоро, скоро, тамъ будутъ рубить деревья по приказанію папы, чтобы разводить цвѣтникъ для Риммы моей сестры,—закончилъ онъ, взволнованнымъ голосомъ.

— Рубить деревья?—Рѣзко произнесъ голосъ Лары,— это новость!—и мгновенно сбѣжала краска съ ея лица. Испуганно блеснули, спокойные за минуту до этого, глаза русалки.

— Рубить деревья? Мою чащу? Такъ ты сказалъ? Слушай, мальчикъ!—она близко наклонилась къ его лицу и, впиваясь въ него загорѣвшимися глазами, пытливо спрашивала, съ дрожью роняя слова:

— Ты это знаешь навѣрно? Да? Навѣрно? Когда ты узналъ?

— Папа сегодня говорилъ еще объ этомъ капитану, и черезъ нѣсколько дней приказано придти работать мужикамъ!—отвѣчалъ тотъ.

— О-о!

Нѣчто похожее на стонъ срывается съ губъ Ларисы. Въ этомъ стонѣ такая боль, что Толя невольно хватаетъ за руку дѣвушку и шепчетъ:

— Ты страдаешь, фея Лара? Да? Скажи? Ты страдаешь оттого, что разгонятъ твоихъ маленькихъ эльфовъ и лишатъ убѣжища тебя самое. Твоего зеленаго дворца? Вѣдь да? Да? Да?

Она смотритъ на него съ минуту, точно не понимая вопроса, смотритъ, но глаза ея не видятъ ничего.

И вдругъ топаетъ босою ногою, о мягкій мохъ, о корни дерева и росистую, сочную лѣсную мураву.

— Не будетъ этого, нѣтъ... Не посмѣютъ... О я не позволю, не позволю имъ никогда!

Гнѣвомъ теперь горятъ ея глаза... Дрожатъ побѣлѣвшія губы... Она взволнована... потрясена. Толя нѣжно и довѣрчиво прижимается къ ней, какъ ласковый котенокъ.

— Хочешь я попрошу папу оставить твою чащу, въ покоѣ, фея Лара?—шепчетъ онъ робко,—я разскажу ему все, что произошло со мною сегодня, какъ ты явилась и спасла меня... И... и... онъ въ награду за все не позволитъ разорять твоихъ владѣній.

— Въ награду? О, нѣтъ! Я сама не позволю ихъ раз-

зорять! Я сама помѣшаю этому, слышишь, мальчикъ! Помѣшаю, чего бы мнѣ это не стоило потомъ!—говоритъ она взволнованно и гнѣвно.

— А теперь, ступай за мною, я провожу тебя къ твоимъ до опушки и помни: если ты хоть однимъ словомъ заикнешься о томъ, что произошло сейчасъ здѣсь съ тобою въ лѣсу, ты никогда не увидишь, меня больше—прибавляетъ уже спокойнымъ голосомъ Лара. Потомъ, вскинувъ ружье за плечи, беретъ за руку Толю и пускается съ нимъ въ путь по лѣсной тропинкѣ.

До мѣста пикника довольно далеко, но дорога объ руку съ феей кажется Толѣ полной сказочныхъ грезъ... Ея присутствіе заставляетъ его позабыть о только-что пережитыхъ волненіяхъ и онъ счастливъ снова.

Лара молчитъ, погруженная въ свои мысли новой непріятной для нея вѣсти, которую сообщилъ ей этотъ темнокудрый мальчикъ. Эта вѣсть довершила все.

Мало того, что «они»—ея враги ворвались въ ея алтарь и однимъ уже своимъ присутствіемъ въ старомъ домѣ совершили святотатство, имъ еще мало этого, они идутъ дальше... На старый садъ, на ея завѣтную чащу простираютъ они хозяйскую руку! О! Ей хочется упасть на траву и грызть и царапать землю зубами и ногтями... Ей хочется дико проявить бушующій въ ней гнѣвъ... Она не умѣетъ страдать и покоряться она не будетъ, и не хочетъ!

Да, она покажетъ имъ всѣмъ!

Чтобы ни было, а не дастъ погубить старую завѣтную чащу!

— Ау! Ау!—пронеслось по лѣсу въ этотъ мигъ.—Мы здѣсь! Ау! Ау!

— Это зовутъ тебя, ступай,—говоритъ Лара, обращаясь къ своему маленькому спутнику,—и помни же: никому обо мнѣ ни слова.—Вотъ здѣсь, по этой тропинкѣ, иди прямо. Ее хорошо видно, еще не такъ темно. Прощай! Слышишь? Все прямо, прямо...

— Слышу,—говоритъ онъ покорно, и вдругъ съ не-

дѣтскимъ порывомъ тоски прибавляетъ, схватывая ее за руку:

— Но, тебя-то... я увижу еще разъ, добрая фея?

— Увидишь! Увидишь!—говоритъ она разсѣянно, думая о другомъ.—Прощай, мальчикъ!

И исчезаетъ въ кустахъ, легкая какъ видѣнье. . .

. . . . . .

— Толя! Котикъ! Дѣточка родная! Можно-ли такъ пугать!

Всѣ бросаются на встрѣчу Толѣ: Римма, monsieur Жюль, Сева, Марія Александровна, Мишель... У Сони заплаканные глаза и слезливо оттопырены губы. Она уже всплакнула тишкомъ. Ей почему-то казалось, что не увидитъ она больше младшаго братишку...

Они всѣ, часа три, по крайней мѣрѣ, искали его по всему лѣсу, аукали, кликали... Но онъ ничего не слышалъ.

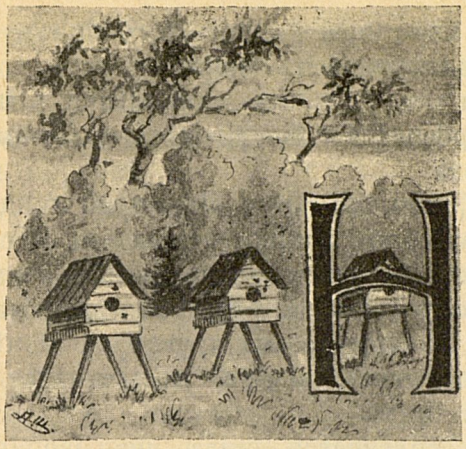
— Дѣточка, родненькій! Какъ мы всѣ за тебя боялись.

Его цѣлуютъ, тискаютъ въ объятіяхъ и опять цѣлуютъ.

— Ты заблудился? Здоровъ? Что съ тобою? Отчего у тебя такое лицо? Что-нибудь случилось, да? — пристаютъ къ нему съ допросомъ со всѣхъ сторонъ.

Толя хочетъ отвѣтить на всѣ эти тревожные добрые разспросы, что онъ только заблудился и потомъ уснулъ въ лѣсу немного, но противъ ожиданія голосъ не повинуется ему; что-то бьется въ груди сильно и тревожно и, внезапно покачнувшись, онъ падаетъ какъ подкошенный безъ чувствъ на траву...

Пережитыя волненія отразились на его хрупкомъ организмѣ.



XVIII.

НЕ пойду! Убей меня Богъ, не пойду дальше!

— Глупая! Чего ты боишься... Вѣдь вранье все это, бабьи враки про самоубійцу-то! Устя, а Устя! Иди, говорю. Ну, еще немного подальше! Еще!

— Не пойду. Вотъ те святая пятница, не пойду.

— А ты, Илья?

— Боязно!

— А ты, Ромка?

— Гос...

— О, глупые дѣти! Да говорятъ вамъ, никакого самоубійцы здѣсь никогда и не было. Кузнецъ Никита на кладбищѣ лежитъ, зарытый. Хотите, и могилу покажу?

— Ври болѣ. Нѣтъ такой могилки!

— И тебѣ не стыдно, Илья? Врала я тебѣ когда-нибудь?

Глаза Лары блестятъ въ полумракѣ...

Лицо смутно бѣлѣетъ въ сгустившихся сумеркахъ іюньскаго вечера. Она хватаетъ за руку Илью Сидоркина и ставитъ его насильно передъ собой.

— Чего глаза ворочаешь? Врала я или нѣтъ, отвѣчай?

Мальчикъ отводитъ смущенно свой взоръ отъ этихъ всевидящихъ и всезнающихъ глазъ бѣдовой мельничихи.

— Нѣ,—говоритъ онъ смущенно,—это точно никогда не врала, а все же на самое днище яра, вотъ-те Христосъ, не пойду! Потому тѣнь его тамо бродитъ. Наши старухи видали.

— Все врутъ старухи. Врутъ нарочно, чтобы вы бар-

скую малину не таскали изъ оврага, оттого и говорятъ,— увѣреннымъ голосомъ подтверждаетъ Лара.

— Во... малину!.. Да кто на нее польстится. Она изъ Никитовой крови выросла. Ей Богу!—авторитетнымъ тономъ прибавляетъ Ромка.

— Экіе глупыши! Ну, не надо васъ. Я и одна пойду.

И Лара, безнадежно махнувъ рукою, спускается на самое дно обрыва. Здѣсь на этомъ днѣ жуткая тишина. Сверху съ горы свѣсились куполомъ деревья и шатромъ накрыли узкую щель обрыва. По ту сторону его другой, не менѣе крутой подъемъ и яръ чернѣетъ темной пастью между ними, глубокій и полный тайны.

Лара уже третій день спускается сюда, подговоривъ своихъ соучастниковъ изъ болѣе шустрыхъ и развитыхъ школьныхъ ребятишекъ. Ея цѣль проста и несложна. Какъ только начинаютъ стучать топоры подъ-вечеръ на вершинѣ яра (днемъ нельзя производить работъ, мужики заняты въ полѣ) и валятся деревья тамъ, въ дикой чащѣ господскаго сада, тутъ на днѣ яра поднимается тихій, протяжный стонъ.

Стонетъ Лара. Ей помогаютъ стонать Устя, Ромка и Ильюшка... Надо этимъ заунывнымъ стономъ дать понять всѣмъ «верхнимъ», что тѣнь самоубійцы Никиты, взбудораженная ими, тревожится и негодуетъ за нарушенный покой. Лара знаетъ, что простые люди суевѣрны. И на это суевѣріе работающихъ мужичковъ изъ Зеленыхъ Крутокъ крѣпко надѣется она. Три вечера подъ-рядъ она уже продѣлываетъ свою шутку, постепенно углубляясь все дальше и дальше въ самое «черное» мѣсто яра, гдѣ подъ большимъ мшистымъ камнемъ, лежитъ зарытый самоубійца, какъ говоритъ преданье.

Ея спутники по затѣѣ, однако, что-то сплоховали нынче. Вначалѣ пряники, росписные пояски да ленты въ косу Устѣ, возъимѣли должное дѣйствіе и ребятишки очень охотно подтягивали стону Лары, старательно выводя его на «страшные» голоса. Но нынче, на четвертый вечеръ,

когда дѣвушка велѣла имъ идти за нею къ «черному камню», они спасовали. И никакія просьбы, никакія улещиванія и обѣщанія подарковъ не могли ихъ заставить подвинуться впередъ къ мѣсту, ближе всего находящемуся къ порубкѣ.

— Ну, ладно, ступайте домой! И безъ васъ обойдусь!

И сказавъ это, Лара, не оглядываясь, направилась къ роковому камню. Устя, Ромка и Ильюшка остановились на приличномъ разстояніи отъ него.

Съ минуту длилось молчаніе. Ребята были смущены.

Потомъ, поскребывая бѣлобрысую маковку, Ромка заговорилъ первый:

— Гораздъ неладно энто. Мельничиху отпустили одну.

— А то ладно? — и черненькая Устя энергично дернула носомъ. — Небось она-то для насъ и то, и это... А мы-то свиньи, пра, свиньи, нечего и говорить.

— А Никиту хоцется увидѣть?—и благоразумный Ильюша для большей убѣдительности расширилъ и безъ того огромные глаза.

— Ой, парни, не охота! — подергиваясь отъ непріятнаго ощущенія страха, прошептала Устька.

— То-то и оно то! А онъ, гляди, караулитъ на камнѣ-то...—запугивалъ Ромка.

— Братцы, а какъ-же мельничиха-то туды, одна-то...— протянулъ Илья.

— Не ладно... Ежели онъ караулитъ... — согласился Ромка...

— Ой-ой! Вцѣпится, поди въ ее!—прошептала Устька.

— Зачѣмъ вцѣпиться? Мы не дадимъ!

— Да какъ-же, чудной человѣкъ, коли она одна-то!— остановилъ Ромка Ильюшку.

— Зачѣмъ одна! А мы съ нею! Нѣшто бросимъ ее одну-то! Мы зачураемся и пойдемъ!

И опять вся грязноватая пятерня усиленно заскребла бѣлобрысую маковку.

— А какъ хватитъ?—испуганно прошептала Устя.

*

— Нѣ. Всѣхъ четверыхъ не хватитъ. Чего пужаться зря. Идемъ-ка всей артелью, ребята.—И Ромка первый зашагалъ впередъ!

— Мельничиха! Барышня Лара! Эй, слухай! вотъ и мы... — Не испужались-таки пришли, — произнесъ онъ шепотомъ нагоняя тонкую фигурку Лары на днѣ обрыва.

— Трахъ!

— Трахъ!

— Трахтарарахтахтахъ!

Топоръ безостановочно ударяетъ по твердымъ стволамъ старыхъ липъ, березъ, осинъ и кленовъ?

Съ гулкимъ уханьемъ валятся великаны, и, шурша густою листвою, склоняются въ покорномъ безсиліи, побѣжденные къ землѣ.

Мужички изъ Зеленыхъ Крутокъ третій день трудятся, производя порубку.

Адмиралъ велѣлъ, какъ можно скорѣе расчистить чащу и тутъ же на мѣстѣ напилить дровъ. Господская семья и на зиму остается въ Зеленомъ Крутѣ. Такъ заранѣе желательно запастись топливомъ. А тутъ еще старшая барышня о цвѣтникѣ мечтаетъ. Садовника вонъ выписать ладятъ изъ губерніи, закупаютъ у сосѣдей сѣмена. Такъ надо постараться съ работой пораньше управиться. И порубить можно только въ вечернее время; днемъ своя уборка на нивѣ идетъ.

И снова гуляетъ лезвіе топора по стволамъ деревьевъ и рушитъ одинъ за другимъ, повергаетъ на землю покорныхъ, смирившихся великановъ.

— Дядя Иванъ, а дядя Иванъ? Слышь, никакъ опять „онъ“ стонетъ?

Молодой краснолицый парень роняетъ изъ рукъ топоръ. Блѣднѣетъ его лицо подъ густымъ налетомъ загара.

— И то стонетъ, Господи Іисусе Христе!—соглашается его сосѣдъ и тоже опускаетъ, вооруженную топоромъ руку.

— Не ладно, братцы... — подходя къ нимъ говоритъ третій мужикъ, — Никитина душа это... Извѣстное дѣло, безпокоитъ ее близость крещеныхъ... Небось хозяинъ-то, не къ ночи сказано будь, имъ давно завладѣлъ!

— И то не въ моготу ему! Чуетъ подбирается порубка къ его могилкѣ,—замѣчаетъ четвертый мужичекъ, присоединяясь къ товарищамъ.

У-у-у-у!—какъ разъ проносится въ эту минуту заунывный по дну обрыва печальный стонъ, и повторяетъ эхомъ за озеромъ, подъ горою.

— О Господи Твоя воля! И кажиный разъ къ вечеру это онъ такъ-то начинаетъ! Охъ! И молодой парень, осѣняетъ себя крестомъ.

— Воля ваша! Не въ моготу и мнѣ больше!—говоритъ другой мужикъ постарше,—пойду къ барину — къ адмиралу и скажу:—такъ вотъ и такъ, четвертый вечеръ онъ стонетъ, нельзя порубку производить.

— Вѣстимо невозможно. Енъ, Никита-то того и гляди...

— У-у-у-у! — несется снова глухимъ звукомъ по дну обрыва, заставляя вздрогнуть всѣхъ четверыхъ работниковъ.

— Идемъ, что-ли? — послѣ минутнаго размышленія совѣщаются они.

— И то идемъ, братцы! Три вечера подъ-рядъ натерпѣлись. Буде. Нѣтъ возможности слушать болѣ какъ мается душенька его тамъ.

— Извѣстное дѣло, томится! Ну, съ Богомъ, братцы...

— Идемъ!

Всѣ четверо направляются къ дому.

Тамъ все тихо. На балконѣ играетъ съ капитаномъ въ шахматы самъ Зарницынъ. Вокругъ дома противъ обыкновенія не слышно сегодня звонкихъ, молодыхъ голосовъ.

Въ отдаленной комнатѣ уже недѣлю лежитъ Толя и то мучается сильными припадками сердцебіенія, то впадаетъ въ полную апатію и обезсиленный болями, молчитъ цѣлые дни, вперивъ въ одну точку глаза.

Около него чередуются Римма, Марья Александровна и monsieur Жюль. Мишель и Соня на озерѣ удятъ рыбу. Они своими веселыми шумными голосами только могутъ помѣшатъ больному.

Адмиралъ только что сдѣлалъ удачный ходъ.

— Шахъ королевѣ, — объявилъ онъ довольнымъ голосомъ и вдругъ нахмурился, замѣтя нерѣшительно мявшихся у дверей мужиковъ.

— Что вамъ, братцы? — морщась обратился онъ къ крестьянамъ.

Іакимъ Леонтьевичъ не умѣлъ разговаривать съ ними. Съ солдатами было другое дѣло. Матросы съ перваго слова понимали своего командира и ктому-же морская дисциплина умѣла воспитывать людей. А съ мужичками онъ поручалъ всѣ переговоры капитану.

— Да, што ужъ, ваше превосходительство, вотъ дѣла какія,—выступая впередъ, произнесъ дядя Иванъ, — Никита не даетъ работать... стонетъ Никита... Мочи нѣтъ рубить садъ.

— Какой Никита?

Наскоро капитанъ Корнинъ объясняетъ старику Зарницыну всю суть дѣла. Такъ молъ и такъ: четвертый вечеръ стонетъ кто-то на днѣ обрыва, жалуются мужики, думаютъ, что это Никитина душа.

— А вы тамъ обыскивали?—сдвигая брови, спрашиваетъ адмиралъ.

— Вотъ то-то и дѣло, что нѣтъ. Боязно!—слышатся нерѣшительные отвѣты.

— Ну, вотъ завтра я вамъ дамъ на подмогу моихъ молодцовъ. Лакея, повара, да молодыхъ господъ пошлю съ ними. Они вамъ этого Никиту живо усмирятъ!—произнесъ Зарницынъ раздраженно.—Я увѣренъ, что это чья-нибудь глупая шутка... А теперь ступайте, братцы, до завтрашняго дня.

И кивнувъ нерѣшительно топтавшимся мужичкамъ, адмиралъ снова принялся за прерванную партію.

XIX.

А? Никакъ, началось?

Іюньскій вечеръ вьется легкой синекрылой птицей по чащѣ сада...

Въ этой чащѣ звенитъ топоръ и тихо переговариваясь, звучатъ человѣческіе голоса.

Вчерашнія слова Зарницына не остались только словами. Пока четыре работающіе крестьянина ударяютъ по стволамъ деревьевъ, тутъ же на скатѣ обрыва сидятъ двое пришедшихъ изъ дому слугъ: силачъ лакей Михайла да поваръ Корнилій, и еще Сева, monsieur Жюль и Мишель.

А со дна обрыва несется знакомое завываніе, ни то стонъ, ни то вопль, ни то мольба о пощадѣ, заглушенное разстояніемъ и глубиной.

На балконѣ настежъ нынче открыты выходящія въ садъ двери и Римма съ Соней, съ замираніемъ сердца ждутъ исхода всей этой таинственной исторіи.

Ждетъ его и адмиралъ, хотя всячески скрываетъ свое нетерпѣніе, дѣлая одинъ неудачный ходъ за другимъ на шахматной доскѣ.

Въ отдаленной комнатѣ дома лежитъ больной мальчикъ и слушаетъ въ десятый разъ исторію Маленькаго Оборвыша, методичнымъ голосомъ перезсказываемую ему гувернанткой.

Сева, усмѣхаясь, спрашиваетъ monsieur Жюля:

— Вы не боитесь?

— Et bien, qu'en direz vous? mon garçon, *) — и швей-

*) А что вы скажете на это, мой мальчикъ?

царецъ, засучивъ добросовѣстно рукава, показываетъ свои мускулы, словно отлитые изъ желѣза.

— А ты, Мишель?

Мишель труситъ, но не хочетъ сознаться въ этомъ. Онъ принимаетъ небрежный видъ, и, ударяя хлыстикомъ по травѣ, восклицаетъ:

— О, что касается до меня, то я съ каждымъ привидѣніемъ съумѣю расправиться во всякое время. И потомъ у меня есть револьверъ.

Всѣ отлично знаютъ, что никакого револьвера у Мишеля нѣтъ, и что онъ порядочный трусъ и хвастунишка.

Сева смѣется...

— Ну, знаешь-ли, Мишенька, тутъ, братецъ, револьверомъ простымъ не возьмешь, тутъ заговоренный надо.

— Что ты говоришь?—испуганно шепчетъ Мишель и, спохватившись, добавляетъ безпечно:

— Я не вѣрю, въ сущности, въ приви...

— У-у-у-у!—доносится совсѣмъ явственно до слуха собесѣдниковъ и на смерть испуганный Мишель ничкомъ валится на траву.

— Ай-ай-ай! Что это?—роняетъ онъ, щелкая зубами, со страху. Но ему никто не отвѣчаетъ.

Мужики выронили изъ рукъ топоры и съ блѣдными лицами заглядываютъ въ глубину яра.

Сева, monsieur Жюль, поваръ и лакей, цѣпляясь за росшіе по откосу кустарники, метнулись подъ гору внизъ.

— Эхъ жаль Марса нельзя было захватить съ собою. Онъ своимъ лаемъ безпокоитъ Толю! А то бы помогъ—замѣчаетъ Сева.

— Стой! Держи! Стой!—слышатся громкіе голоса Корнелія и Михайлы.

За ними, зараженные ихъ примѣромъ бросились и четыре работника-мужика... Впереди всѣхъ круглолицый парень, наскоро осѣнившій себя крестомъ, за нимъ остальные...

Одинъ Мишель забился въ чащу колючихъ кустарни-

ковъ, росшихъ у края обрыва и, дрожа всѣмъ тѣломъ, внѣ себя отъ страха, ловилъ доносившіеся до него снизу голоса...

— Никакъ сюды идутъ? — первая услыхавъ погоню, прошептала Устя.

— И то, сюды!—подтвердилъ Ромка.

— Какъ же быть таперича? а? проронилъ Ильюша и глаза его пугливо метнулись по сторонамъ.

— Узнаетъ мой тятька, што мы тутъ орудовали, по головкѣ не погладитъ, прошепталъ Ромка.

— Извѣстное дѣло за вихры!

— Мельничиха? А? Какъ быть-то?

— Какъ быть?.. Глаза Лары разсѣянно поднимаются на спускъ...—Бѣгите!

— А ты-то?—нерѣшительно заявляетъ Илья.

— Бѣгите! Меня не прибьютъ!—усмѣхается та.

— Бѣги съ нами! Ларинька, барышня, бѣги, смотри худо бы чего не вышло! — тянетъ Устька и глаза ея дѣлаются влажными, точно черныя смородинки послѣ дождя.

— Ладно ужъ! Мое дѣло. А вы, брысь... По ремню соскучились, что-ли! Бѣгите живо! командуетъ шопотомъ Лара, — по лѣвой тропкѣ бѣгите... Тамъ колючникъ... черезъ колючникъ не проберутся они.

— А ты-то!—жалобно протянулъ снова Ильюшка. Но такъ какъ Устя и Ромка уже побѣжали сверкая грязными пятками, побѣжалъ и онъ.

Лара осталась невозмутимой. Она усѣлась на черномъ камнѣ, скрестила руки и ждала. Не бѣжать же ей было какъ деревенскимъ ребятишкамъ!

Въ душѣ росла смутная надежда, что не придутъ сюда сверху. Не рискнутъ явиться сюда...

Легкій шорохъ за густой зарослью, привлекъ ея вниманіе.

Послышались близко, совсѣмъ близко голоса.

— Никого нѣтъ... И слышите, уже не стонетъ больше.

— Не стонетъ и то... затихъ...

Шаловливая улыбка пробѣжала по губамъ Лары.

— Не стонетъ? Ну, ладно, соскучились? Такъ задамъ же я вамъ сейчасъ звона.

И, накрывъ ротъ рукою, она испустила протяжный жалобный звукъ...

Вздохнуло словно живое дно обрыва...

— О-о-о-о!..

И опять еще жалобнѣе... Еще протяжнѣе...

— О-о-о-о!..

— Ага! Вотъ это откуда!

Зашелестѣли, зашуршали колючіе кусты шиповника... Между нихъ просунулась бѣлая рубашка, красные погоны и фуражка кадетика.

— Ага!

Сева остановился какъ вкопанный въ двухъ шагахъ отъ чернаго камня. То, что онъ увидѣлъ здѣсь, являлось совсѣмъ неожиданнымъ для мальчика.

Черноволосая, босая дѣвушка, смуглая, загорѣлая, съ свѣтлымъ русалочьимъ взглядомъ, скрестивъ на груди руки, спокойно сидѣла на камнѣ и смотрѣла ему прямо въ лицо.

Ея ситцевый не первой свѣжести капотикъ, ея босыя ноги и кое-какъ заплетенные волосы обличали крестьянку. Но лицо ея не было лицомъ крестьяночки, совсѣмъ особенное лицо.

— Это ты стонала?—обратился къ ней, останавливаясь Сева, и для чего-то сдвинулъ на затылокъ фуражку.

— А тебѣ како-тако дѣло? Ишь староста какой выискался?—поддѣлываясь подъ простонародную рѣчь, вопросомъ на вопросъ, отвѣчала Лара.

— Ахъ, ты такъ то! Людей пугать вздумала да еще грубить! Пойдемъ когда такъ къ допросу.

И онъ быстро подскочилъ къ дѣвушкѣ и схватилъ ее за руку.

— Чаво это?—дѣлая глупое лицо, проронила она.

— Идемъ къ моему отцу... Къ барину! — произнесъ, хмуря брови Сева и тутъ же прибавилъ, не то шутливо, не то сердито.—Онъ тебѣ перцу задастъ.

— А я не пойду. Боюся!—И еще безсмысленнѣе и глупѣе сдѣлались свѣтлые большіе глаза. Въ умышленно жалкую усмѣшку вытянулись губы...

— Такъ я тебя насильно потащу! — хмурясь произнесъ Сева и еще крѣпче сжалъ смуглую тоненькую руку мнимой крестьянки.

Но она оказалась не менѣе сильной нежели онъ. Худенькая и тонкая, она обладала такими мускулами, какимъ могъ бы съ успѣхомъ позавидовать любой мальчишка... Они сцѣпились... Тонкія руки дѣвушки впивались въ плечи мальчика. Сильные пальцы Севы, охватившіе Ларины кисти до боли сжимали ихъ теперь.

— Пойдемъ! Пойдемъ! За мною люди идутъ... Много!— все равно не уйти тебѣ отъ насъ, тяжело отдуваясь, говорилъ онъ.

— А я кричать стану... Такъ завизжу тебѣ, что вся деревня сбѣжится!—пригрозила Лара, съ тѣмъ же глупымъ видомъ, раздражающимъ кадетика больше всего.

— Ахъ, нѣтъ! Не смѣй кричать! Слышишь не смѣй,— у меня маленькій братъ боленъ вторую недѣлю...

— Что? Въ одинъ мигъ, глупый видъ и идіотское лицо куда-то исчезли. Въ свѣтлыхъ глазахъ зажглась испуганная мысль.

— Маленькій братъ боленъ? О, тогда ведите же меня... ведите меня туда... къ нему, скорѣе... Вторую недѣлю, говорите?.. Съ тѣхъ поръ, значитъ съ тѣхъ поръ!..

Съ губъ Лары срываются теперь слова безсвязные, какъ лепетъ. Тревога зажигается въ ея, сразу измѣнившемся, лицѣ.

Но Сева не замѣчаетъ ни этой тревоги, ни сразу измѣнившагося тона «крестьянской дѣвченки».. Онъ такъ упоенъ своей побѣдой.

Его рука съ силой тянетъ ее съ камня, тащитъ за собою...

Сквозь кусты мелькаютъ рубахи крестьянъ, костюмъ monsieur Жюля, черный фракъ лакея и бѣлый поварской колпакъ.

— Поймалъ! Веду! кричитъ Сева ликующимъ голосомъ.

— Батюшки-свѣты, мельничиха наша! И парень Иванъ съ открытымъ ртомъ и выпученными глазами останавливается передъ ними...

— Что такое?—изумляется Сева.—Ты... вы... вы... капитанская падчерица?—бросаетъ онъ смущенно, выронивъ изъ своей руки руку своей подневольной спутницы.

— Mais taisez vous done, monsieur! A menez moi chez votre petit frère! *) на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, слышитъ онъ сказанную ею звонкимъ шопотомъ фразу. И уже полное смущеніе овладѣваетъ имъ...

— Вы хорошо знаете этотъ домъ? Знаете дорогу?

Всеволодъ едва успѣваетъ спѣшить за Ларой, которая стрѣлою несется теперь боковой аллеей къ черному ходу, на заднее крыльцо.

Ей не хочется встрѣчаться съ «ея врагами» которые расположились на террасѣ. А маленькаго больного она должна, во что-бы то ни стало, повидать.

— Вотъ комната брата,—говоритъ Сева,—у него сидитъ наша гувернантка и больше нѣтъ никого. Вы войдете?

— Конечно! Иначе зачѣмъ же я пришла!

Лара осторожно открываетъ дверь...

Какъ странно! И эта комната и предъидущая обставлены тою же потертою мебелью, уже двадцать лѣтъ наполняющею домъ.

Ни хорошихъ дорогихъ вещей, ничего новаго и на-

*) Но замолчите, сударь и ведите меня къ вашему маленькому брату.

ряднаго не привезли ея «враги» съ собою. Странно, очень странно, неужели же они бѣдны?

На старенькой кушеткѣ лежитъ Толя... Его глаза закрыты...

Пожилая дама въ скромномъ платьѣ сидитъ рядомъ. При появленіи странной босой фигурки она вскидываетъ на нее удивленные глаза.

— Что тебѣ... здѣсь надо?

И, замѣтя усиленные знаки со стороны Севы, задаетъ новый вопросъ.

— Кто вы?

Не отвѣчая Лара, присаживается на краю кушетки.

— Онъ спитъ?—указывая глазами на мальчика, спрашиваетъ она. Что-то странно притягательное во всемъ существѣ этой босой дѣвушки, отчего невольно тянетъ Марью Александровну отвѣчать ей чужой и незнакомой самымъ обстоятельнымъ образомъ.

— Да. Онъ затихъ. У него былъ сильный припадокъ нынче. Мы думали, что маленькое сердце не выдержитъ—шопотомъ говоритъ она.

— Но... Боже мой! Его надо лечить...—срывается съ губъ Лары, возгласомъ полномъ участія.

— О, доктора давно возложили все упованье на Бога въ дѣлѣ его болѣзни. Они не могли вылечить малютку. Единственное лекарство—это свѣжій деревенскій воздухъ, тихая жизнь на лонѣ природы, регулярная деревенская жизнь... Вотъ почему адмиралъ и поторопился пріѣхать сюда весною...—заключила свою рѣчь гувернантка.

— Такъ вы изъ-за него снова явились?—проронила Лара, лицо которой мигомъ стало задумчивымъ и серьезнымъ.

— Почти такъ,—тихо проговорилъ голосъ Всеволода за ея плечами... Видите-ли, я человѣкъ военный и люблю точность, — улыбаясь шепотомъ добавляетъ онъ.—У насъ по просту стало совсѣмъ мало денегъ...

— Сева! Что за интимное признаніе! остановила его гувернантка.

— Ахъ, Маріечка Александрочка, бросьте! Почему нельзя говорить то, что есть? Ну да, очаровательная знакомая незнакомка, у папы не стало больше денегъ, а онъ самъ больной и Толя больной, а на наемъ дачи и разныя поѣздки заграницы нужны средства, а у насъ ихъ больше нѣтъ. Оставаться-же въ душномъ городѣ больному отцу и брату нельзя. Взгляните на Толю. Онъ такой жиденькій, слабенькій, а тутъ уже было поправился немного до этой злосчастной болѣзни... Мы вѣримъ всѣ: Зеленый Крутъ спасетъ его. Онъ будетъ жить, поправится, посвѣжѣетъ. Да! А тамъ въ городѣ онъ бы не вынесъ и...

— Тише! Тише! Онъ просыпается, Сева, молчите...

Лара стоитъ теперь, какъ статуя безъ движенія, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ потухшими глазами... Ея сердце бьется шибко, неспокойно и сжимается болью чуткая душа.

— Такъ вотъ она истина во всемъ ея неприглядномъ видѣ!

Бѣдный, тихо угасающій въ городской жизни мальчикъ, измученный недугомъ старикъ-отецъ...

И оба они пріѣхали сюда испытать послѣднія средства спасти ребенка.

Пріѣхали укрыть его отъ неминуемой смерти...

Бѣжали, спастись отъ нея сюда... На просторъ зеленыхъ полей, на чистый деревенскій воздухъ, въ эту позабытую усадьбу!

Пріѣхали, ради жизни ребенка... Спасенія нѣжнаго цвѣтка изнывавшаго въ душной городской атмосферѣ, а она то! Она...

Она негодовала на нихъ... Она сочла за личное противъ себя преступленіе ихъ пріѣздъ. Точно она и въ самомъ дѣлѣ была хозяйкой этой старой усадьбы! Собиралась мстить... Надѣлала массу глупостей за это время.

За что мстить? За право жизни этого нѣжнаго, милаго мальчика!

О, какъ она была безсмысленно жестока—Лара...

Какъ безразсудно дѣйствовала ея мятежная душа!

Спасибо ей, этой худенькой женщинѣ, и Севѣ... Они открыли ей невольно глаза сегодня. Они пролили истинный свѣтъ.

Что-то рвалось, что-то исчезало изъ души Лары. Точно какія-то рѣзкія ненужныя струны лопались въ ней. Фальшивыя струны... Ихъ недобрые звуки замирали навсегда...

Недавніе «враги» вдругъ стали близкими и понятными сердцу дѣвушки... Они страдали... Они знали горе и этого было достаточно, чтобы къ нимъ потянулась ея встревоженная душа...

Ей хотѣлось броситься къ худенькой гувернанткѣ Зарницыныхъ, хотѣлось пожать руку веселому Севѣ, хотѣлось сказать имъ всѣмъ, какъ она была неправа.

— Фея Лара! Ты здѣсь?

Большіе черные глаза мальчика внезапно широко раскрылись. Рученки протянулись къ ней. Она схватила эти маленькія бѣдныя рученки и одну за другою прижала къ своему сердцу.

— Поправляйся, мой мальчикъ, поправляйся скорѣй, я буду приходить къ тебѣ и разсказывать тебѣ сказки и играть съ тобою.—И она крѣпко обняла худенькое тѣльце ребенка.

— Я Лариса Безсонова,—встрѣтивъ удивленный взглядъ Маріи Александровны проговорила она,—и давно уже знаю вашего Толю, встрѣчала его въ саду, встрѣтила и въ лѣсу недавно... Мы съ нимъ знакомы... И... и... вѣрьте мнѣ:—я его другъ, искренній, безкорыстный, и хочу ему и... и всѣмъ вамъ... всего добраго... Право же... Да...—вспыхнувъ договорила она съ милой улыбкой.

— А знаете-ли,—произнесъ веселымъ голосомъ Сева,—чертовски вы мнѣ симпатичны, право, ну, точно свой братъ кадетъ... И... и... пользуясь тѣмъ, что вы моя плѣнница, я васъ веду знакомиться къ папѣ. Вѣдь вы ничего не имѣете противъ?

— Конечно,—поспѣшила сказать она.

— И я! И я съ вами!—залепеталъ Толя, съ трудомъ поднимаясь съ кушетки.

— Нѣтъ, милый мальчикъ, ты пойдешь потомъ, отдохни,—шепнула ему Лара, цѣлуя его.—Ну, ведите меня... побѣдитель,—засмѣявшись обратилась она къ кадету.

И съ легкимъ сердцемъ поспѣшила къ еще такъ недавно ненавистнымъ ей людямъ, къ которымъ тянулась всею душою теперь.

. . . . . .

— Штормъ и буря! Ларька!

— Я за нее, капитанъ! Какъ видишь, собственной особой!—спокойно отвѣчаетъ звонкій, мелодичный голосъ съ порога.

Лицо капитана багрово краснѣетъ.

— Дождалась-таки!—шепчетъ онъ смущенно,—дождалась-таки, штормъ и буря, отчаянная ты дѣвчонка!

Сева стоитъ въ дверяхъ террасы, пропустивъ впередъ черноволосую, босую, ясноглазую фигурку въ затрапезномъ, ситцевомъ костюмѣ. Въ лицѣ Лары ни тѣни смущенія, какъ будто всю свою жизнь вращалась она въ обществѣ адмиральской семьи.

На террасѣ въ длинномъ шезъ-ложѣ полулежитъ старикъ Зарницынъ. Передъ нимъ шахматная доска съ разставленными на ней фигурами.

— Такъ вотъ онъ какой мой главный врагъ!—соображаетъ Лара, безъ церемоніи разглядывая суровое болѣзненное лицо съ нависшими на губы сивыми усами Мазепы. Потомъ перебѣгаетъ взглядомъ на остальныхъ. Сколько уставлено на нее любопытныхъ глазъ! Вотъ толстая дѣвочка съ любопытнымъ видомъ разсматриваетъ ее, какъ невиданнаго звѣрька. Вонъ юноша въ клѣтчатомъ костюмѣ презрительно щурится на ея болѣе, чѣмъ скромный нарядъ и высокая, тоненькая барышня съ безучастнымъ видомъ скользитъ по ней глазами.

— Это вы изволили изощряться на днѣ обрыва, изо-

бражая тѣнь самоубійцы?—спрашивалъ адмиралъ Зарницынъ, не безъ доли любопытства разсматривая странную эксцентричную босую фигурку.

Лара переводитъ на него глаза.

Рѣшительно нѣтъ ничего страшнаго или недоброжелательнаго въ его лицѣ, похожемъ на лицо Мазепы, какъ его изображаютъ на картинѣ.

И еще разъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ Лара изучаетъ адмирала. Даже голову склоняетъ на бокъ, даже прищурила одинъ глазъ. И вдругъ съ губъ ея срывается неожиданно, къ полному смущенію всѣхъ присутствующихъ и къ окончательному ужасу капитана:

— То-есть удивительно, почему васъ матросы боялись? Чѣмъ вы наводили трепетъ на нихъ? Лицо у васъ предоброе и характеръ...

— Штормъ и буря! Что она спятила, эта дѣвчонка, что-ли, что безъ ножа рѣжетъ его!

Изъ краснаго, лицо капитана дѣлается багровымъ...

Онъ что-то усиленно шепчетъ Ларѣ...

— Что ты тамъ лепечешь? а?—неожиданно обращается она къ отчиму, — отчего тотъ смолкаетъ мгновенно, совсѣмъ уже потерянный и смущенный.—Самъ же говорилъ мнѣ, что адмиралъ Зарницынъ былъ въ родѣ пугала для матросовъ, а между тѣмъ его любили и цѣнили, какъ никого? Ага, вѣдь говорилъ?

Боже великій, что сдѣлалось съ капитаномъ! Онъ даже пересталъ краснѣть... Онъ просто превратился въ камень отъ неожиданности и смущенья.

А Лара продолжала, какъ ни въ чемъ не бывало:

— А вотъ, что вы деревья вырубать стали, такъ это скверно... И я искренне раскаиваюсь, что не удалось мнѣ помѣшать вамъ... Садъ дивно-прекрасенъ въ ихъ зеленомъ уборѣ... А вы его оплѣшивѣть захотѣли во что-бы то ни стало! Къ чему? Цвѣтникъ можно было разбить и передъ самымъ домомъ... А дровъ сколько угодно изъ города привезти... Вашъ же маленькій сынъ такъ любитъ эту

чащу... Зачѣмъ же лишать его радости?.. А онъ еще къ тому же больной!

Голосъ Лары звучитъ обычными, присущими ему властными нотками... Адмиралъ во всѣ глаза смотритъ на странную тоненькую дѣвочку.

Никто еще ни разу въ жизни не разговаривалъ съ нимъ такъ... Его собственныя дѣти боятся его и никогда не высказываютъ такъ свободно передъ нимъ своихъ мнѣній, какъ эта дѣвочка — босоножка. И гдѣ она успѣла узнать маленькаго Толю?.. Откуда прослышала, что онъ любитъ старую чащу?.. Когда самъ онъ, адмиралъ Зарницынъ, этого и не зналъ.

Но непосредственность и беззастѣнчивость этой барышни-крестьяночки въ то же время дурной примѣръ для другихъ. А что-бы «поставить на мѣсто» непрошенную обличительницу, Іоакимъ Леонтьевичъ обращается къ ней сухимъ, оффиціальнымъ тономъ, хмуря свои сивыя брови:

— А все-же, вы довольно-таки примитивный изобрѣли способъ, барышня, мѣшать порубкѣ.

— Ахъ, да! Это правда! Ну, что-же дѣлать, когда другого способа не нашлось!—вырвалось искреннимъ, добродушнымъ и такимъ дѣтскимъ тономъ изъ груди Лары, и она улыбнулась такъ довѣрчиво и ясно, прямо въ хмурое лицо больного старика, что послѣдняя препона исчезла и на хмуромъ лицѣ заиграло что-то похожее на улыбку.

— Повинившійся преступникъ, наполовину преступникъ,—пробурчалъ адмиралъ.

— Ха, ха, ха!—весело и безпечно расхохоталась Лара къ новому ужасу капитана, сразу заполнивъ своимъ серебристымъ смѣхомъ всѣ закоулки стараго дома.—Ха, ха, ха, ха! А все же я проморочила васъ цѣлыхъ четыре дня. И не будь у васъ такого храбраго сына, адмиралъ,—тутъ она скосила лукавые глаза въ сторону Севы и мальчишескимъ жестомъ ударила его по плечу,—не видать-бы вамъ меня какъ своихъ ушей!

— Лара! Лара!—заволновался снова капитанъ.

Зарницынъ улыбнулся невольно. Эта необыкновенная дѣвочка все больше и больше завоевывала его симпатіи своей искренностью и простотой.

— Остается только радоваться, что счастливый случай далъ мнѣ и моей семьи возможность познакомиться съ дочерью моего друга!—произнесъ онъ своимъ суровымъ голосомъ, въ то время какъ хмурыя брови его расправились окончательно, а подъ сивыми усами заиграла улыбка.

— Хорошъ случай!—засмѣялась снова своимъ серебряннымъ колокольчикомъ смѣхомъ Лара,—меня точно баранину сюда тащили на убой!

— Ха, ха, ха, ха! — вторили ей не менѣе весело всѣ присутствующіе на балконѣ...

И вдругъ тоненькій голосокъ прорѣзалъ общее веселье.

— Фея Лара! А вотъ и я!

— Толя! Онъ всталъ! Ему лучше!—послышалось кругомъ.

— Папочка, видишь, она пришла и мнѣ стало лучше!—залепеталъ, обращаясь къ отцу, мальчикъ.—И сердце не бьется такъ больно какъ прежде... Фея Лара, ты не уйдешь больше отъ меня? Ты мнѣ вѣдь обѣщала это сейчасъ въ дѣтской!

— Откуда онъ васъ знаетъ? — удивленно приподнявъ брови, спросилъ Зарницынъ.

— О, это наша тайна,—тайна моя и маленькаго Толи,— съ лукавой улыбкой, произнесла Лара, и потомъ прибавила, обращаясь къ мальчику и кладя тонкую руку на его чернокудрую головку:

— Нѣтъ, дѣточка, фея Лара не уйдетъ больше, надолго не уйдетъ, по крайней мѣрѣ,—поправилась она.— Фея Лара поведетъ тебя въ зеленый дворецъ свой къ маленькимъ эльфамъ-плясуньямъ, въ самую чащу сада...

— Это еще что за бредни такія?— волновался капитанъ.

— Такъ значитъ, они еще тамъ, эльфы? Ихъ не прогнали оттуда? Нѣтъ? захлебываясь, спрашивалъ ребенокъ, не слушая его.

*

— О, нѣтъ, чаща останется... старый садъ будетъ еще долго служить имъ пріютомъ. Вѣдь Толя попроситъ своего добраго папу о томъ?

Лара наклонилась къ мальчику... Тотъ, едва дослушавъ ея слова, метнулся къ отцу.

— Папочка! Милый папочка! Ты позволишь оставить?.. Такъ, какъ есть? Не правда-ли? Вѣдь уже порублено нѣсколько десятковъ деревьевъ? Да?

И какъ ласковый котенокъ, прильнулъ къ плечу отца.

Старикъ Зарницынъ задумался. Съ одной стороны не хотѣлось обижать старшей дочери, такъ желавшей превратить въ огромный цвѣтникъ эту чащу, да и въ дровахъ была крупная необходимость,—не покупать же ихъ, когда есть свои. Притомъ же каждый рубль теперь на счету въ домѣ...

Съ другой стороны, Толя... Такъ мало радостей видитъ ребенокъ въ жизни. Экзальтированный мальчикъ, бредящій сказками и феями... Но что же дѣлать, если міръ фантазій помогаетъ ему забывать печальную дѣйствительность—болѣзнь.

Старый адмиралъ нервно пощипываетъ кончики усовъ... Хочется порадовать младшаго сынишку. Жаль обижать Римму.

Дѣвушка скучаетъ. Ее надо развлечь.

А Толя? Онъ больной и хрупкій... Ему тяжелѣе!

— Ну, Богъ съ вами, оставляйте вашу чащу... А тебя, Римма, я потѣшу чѣмъ-нибудь другимъ!—говоритъ Іакимъ Леонтьевичъ послѣ долгаго раздумья.

— Ура! Вотъ это справедливо! Вотъ это славно! Давайте-же вашу руку. Вы—хорошій человѣкъ!—неожиданно вскрикиваетъ Лара, тряся такъ сильно худые пальцы Зарницына своей энергичной маленькой рукою, что тотъ невольно морщится отъ боли.

Потомъ она хватаетъ на руки Толю и почти бѣгомъ выскакиваетъ съ нимъ на крыльцо.

Мальчикъ малъ худъ и легокъ, какъ шестилѣтній ре-

бенокъ... И она безъ всякихъ усилій на рукахъ съ нимъ бѣжитъ къ обрыву.

— Ахъ Боже мой, не надо тормошить Толю, онъ боленъ, ему нельзя такъ, нельзя? — посылаютъ въ догонку за ними Римма, Соня и остальные, но Лары и слѣдъ простылъ.

— Развѣ можетъ повредить, зеленая чаща и теплый вечеръ?—доносится до террасы ея звонкій голосокъ.

— А славная дѣвушка ваша падчерица, — говоритъ раздумчиво Зарницынъ, снова обращаясь къ шахматной доскѣ.

— Уфъ!—капитанъ облегченно вздыхаетъ, потъ градомъ катится по его красному лицу.

— Гм... гм... ваше превосходительство, — оно точно, оно конечно!..—говоритъ онъ,—выросла на волѣ... къ манерамъ, что-то не важно пріучилась въ пансіонѣ.—Штормъ и буря, а въ сущности...

— Хорошая добрая дѣвушка!—еще разъ тономъ не допускающимъ возраженій подтверждаетъ адмиралъ.

— За косу-бы, ее за все то это! Эхъ, распустилъ дѣвченку, теперь и плачься съ ней, — вихремъ проносится мысль въ головѣ капитана.

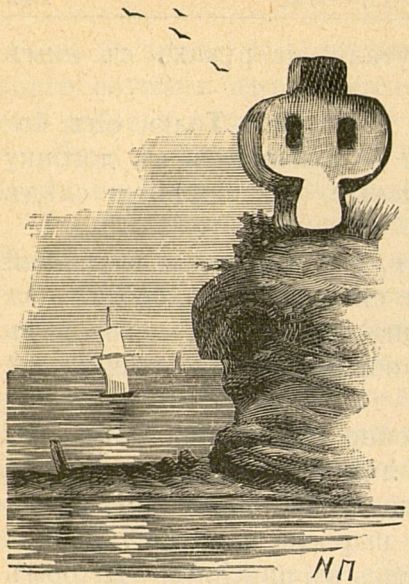
Молодежь сбилась въ кружокъ на ступеняхъ террасы и тоже высказываетъ свои мнѣнія по поводу Лары.

— Она очень мила!—тянетъ Мишель и прищурившись смотритъ въ чащу сада. — Очень мила и еслибы не эти босыя ноги, то и совсѣмъ была-бы comme il faut.

— Силища у нея,—съ восторгомъ заявляетъ Сева,—чуть не подралась со мною... Совсѣмъ свой-братъ кадетъ.

— Лишь-бы она Толѣ, какъ-нибудь не навредила,—говоритъ Римма и безпокойными глазами глядитъ въ зеленую чащу...

Странная босая дѣвушка покорила всѣхъ.



XX.

ЕЯ-Лара! Вы мнѣ простите конечно, что я называю васъ такъ, какъ называетъ Толя. Бѣдный мальчикъ только и бредитъ вами. Ждетъ васъ съ утра до ночи въ Зеленый Крутъ. Фея-Лара! Вы не захотите сдѣлать несчастнымъ больное маленькое сердце и заглянете къ намъ. Кстати присоединяю и просьбу моего отца. Папа хотѣлъ развлечь насъ немного. И въ день моего рожденія, перваго августа, пригласилъ нѣсколько сосѣднихъ помѣщичьихъ семействъ въ гости. А мы отъ себя уже придумали въ этотъ день, устроить костюмированный вечеръ, самый скромный, самый простой. Будутъ фейрверкъ и танцы. Не откажите-же заглянуть къ намъ, порадовать Толю и всѣхъ насъ. Вы—маленькая волшебница, Лара. Когда вы заглядываете къ намъ, Толя чувствуетъ себя совсѣмъ здоровымъ и разсказы объ эльфахъ зеленой чащи интересуютъ его гораздо больше, нежели мои сказки и чтеніе Маріи Александровны. Приходите-же часто, часто, ради Толи, который такъ любитъ васъ

Ваша Римма Зарницына.

PS. Повторяю, вечеръ будетъ самый скромный, сельскій вечеръ. И ради Бога не стѣсняйтесь выборомъ костюма. Что-нибудь самое простое изъ домашняго тряпья.

Римма".

Маленькій курносый внукъ глухого Терентьича, шагаетъ съ письмомъ въ рукахъ на мельницу къ капитану. Но тамъ нѣтъ Лары.

Баринъ-мельникъ встрѣчаетъ его у дверей.

— На работѣ, барышня, тащи, миляга, на жатву...

И маленькій Сенька тѣмъ же равномѣрнымъ шагомъ преисполненный важности возложеннаго на него порученія, тащитъ по новому указаннному адресу письмо.

Пестро, празднично во ржи, среди золотомъ налитыхъ колосьевъ... Красные, синіе, алые, розовые, голубые и желтые сарафаны бабъ и дѣвушекъ мелькаютъ, то здѣсь, то тамъ, какъ огромные пестрые цвѣты... Острымъ блескомъ играетъ на полушаріи кривыхъ серповъ, Іюльское жаркое солнце... Горятъ металлическимъ блескомъ сверкающіе серпы...

Потъ градомъ льетъ съ молодыхъ и старыхъ лицъ работницъ... Но неустанно рѣжутъ золотые снопы спѣлыхъ колосьевъ, раскаленный отъ солнца металлъ.

Мозолистыя привычныя къ труду руки, методичными движеніями выполняютъ нелегкій свой трудъ. Согнутые вдвое, подъ ослѣпительнымъ блескомъ солнца, работаютъ жницы. Тутъ же не подалеку, лежатъ въ сторонкѣ на ложѣ ихъ мягкихъ колосьевъ спеленутые грудные ребята.

Поработаетъ до двадцатаго пота, труженница мать, взглянетъ на ребенка, наскоро покормитъ его и снова берется за серпъ, сгибая спину подъ палящими лучами солнца. Тамъ, дальше, несется звенитъ, молодая пѣснь... Это неунывающія въ самомъ непосильномъ трудѣ крестьянскія дѣвушки затянули ее...

Изъ общаго хора выдѣляется звонкій голосъ... Заливчато несется онъ, покрывая всѣ остальные голоса.

— Ишь мельничиха-то наша голосистая птаха, что и говорить!—говоритъ кто-то изъ жницъ.

— Малиновка—одно тебѣ слово,—вторитъ ей другая. Дѣвушки поворачиваютъ головы и улыбаются сочувственно кому-то, кто заливается, какъ соловка въ лѣсу. Этотъ, кто-то въ затрапезномъ линючемъ сарафанѣ, съ перевитой алой лентой косой ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ крестьянокъ... Такъ же въ трипогибели согнулась стройная

спина, такъ же быстро движеніе руки со сверкающимъ полумѣсецемъ серпа въ сіяніи солнца.

Это — Лара. Она жнетъ на чужой полосѣ. Жнетъ за бобылку Марью Жгутову. Марья вторую недѣлю лежитъ больная въ своей избѣ... Ей не на что нанять за себя работницъ и Лара великодушно предлагаетъ свои услуги.

Потъ катится съ лица Лары, почернѣвшаго до неузнаваемости за послѣдніе дни отъ загара... Спину ломитъ съ непривычки... Но она не отстаетъ ни на каплю отъ заправскихъ жницъ.

Всѣ онѣ и Глафира Иванова, и Секлетея Паромонова, и Лушка-Чернявая и другія поглядываютъ одобрительно на «барышню» управляющуюся съ серпомъ не хуже ихъ сестры. Ихъ рѣдкія похвалы поддаютъ ей только жару... Воодушевляютъ ее.

Съ пылающими щеками и потнымъ лицомъ склонилась она надъ золотой постелью колосьевъ.

— Еще, еще маленько... А тамъ и отдохну. Вечеромъ обрадую Марью... Лекарства ей бѣднягѣ еще снести надо,— рвутся и снова сплетаются усталыя мысли въ Лариной головѣ.

— Что тебѣ Сенька?

Маленькій гонецъ изъ Зеленаго Крута протягиваетъ голубой раздушенный конвертикъ, который онъ успѣлъ однако порядкомъ-таки замусолить въ своихъ грязныхъ рученкахъ.

— Отъ барышни Риммы Якимовны,—преисполненный важности,—поясняетъ онъ.

— Ага, давай сюда!

Тутъ-же, присѣвъ на золотистомъ коврѣ поверженныхъ колосьевъ, Лара читаетъ:

— Вечеръ костюмированный, тоже... Выдумали! Ха-ха! Идея недурна только гдѣ-же костюмъ взять? Она задумывается на мгновеніе... По лицу ея бродитъ неопредѣленная усмѣшка... Потомъ лукавыми огоньками вспыхиваютъ глаза. Рветъ на мелкіе кусочки голубую душистую

(Къ стр. 153).

записку и говоритъ Сенькѣ, чистящему передъ ней съ равнодушнымъ видомъ носъ.

— Ладно приду... Скажи приду, барченка навѣстить вашего и рядиться буду... Слыхалъ? Такъ и скажи.

— Такъ и скажу!—подтверждаетъ маленькій человѣкъ и тѣмъ-же преисполненнымъ важности шагомъ идетъ обратно въ усадьбу.

„Не шей, ты, мнѣ мату-у-ш-ка-а,
„Кра-с-н-ый са-а-ра-фанъ...

Несется за нимъ веселый „мельничихи“ голосъ и снова надъ золотой сверкающей въ лучахъ солнца полосою играетъ блестящей серпъ.

Съ утра собирались тучи надъ Зеленымъ Крутомъ. Темнѣя хмурилось небо обѣщая грозу... Разъ десять поднимался бѣшеный вихрь. Онъ, то гулялъ по озеру, бороздя вспѣнившіяся воды, то врывался въ садъ, крутя первые опавшіе листья по дорожкамъ и лужайкамъ.

И опять стихали безпокойныя силы стихіи и прежняя духота знойно дышала въ лицо первому августовскому дню...

И страннымъ ненормально-душнымъ казался этотъ первый день кануна золотой осени...

Подъ вечеръ утихло снова... Только изрѣдка прокатывались громовые отголоски по все еще грозовому небу... Насыщенная электричествомъ, душно томилась природа. Лара съ семи часовъ забралась въ помѣщеніе мукомольни.

Съ таинственнымъ видомъ работникъ Гаврила протащилъ туда небольшой ларь со старымъ тряпьемъ... Зажегъ фонарь на стѣнѣ и скрылся. Лара долго рылась въ старыхъ тряпкахъ, извлекая то одну, то другую вещь... Все не годилось...

Платья покойной матери, ея дѣвичьи сарафаны все это было слишкомъ скромно для дѣвушки, собирающейся на балъ. Она задумалась на минуту, скользя глазами по стѣнамъ хорошо знакомой ей обстановки.

Милая обстановка!

Земляной полъ, чисто утоптанный, тщательно подметенный... Два огромныхъ жернова цилиндрической формы, по серединѣ знакомый ларь, кожухъ, корытце... Сколько разъ ясными осенними днями приходила сюда Лара въ часы работы смотрѣть какъ сыплется изъ корытца по желобу зерно, прямо въ открытое отверстіе верхняго жернова, оттуда разбѣгается размолотымъ зерномъ въ кожухъ... И сыплется въ мѣшки бѣлой пудрой, обильно устилающей полъ мукомольни.

Сколько разъ они еще дѣтьми съ Борисомъ прибѣгали сюда слѣдить за дѣйствіемъ огромнаго колеса... Прислушивались къ ворчанью воды, къ тонкому скрипѣнью зеренъ...

Теперь до осени затихла мельница...

— А Борисъ? — невольно толкнулась быстрая мысль въ голову Лары.

А Борисъ — весь ушелъ въ свои новыя творенія, въ свою головокружительную работу. Теперь, это лѣто, ему не до Лары, нѣтъ. Правда, онъ такъ-же добръ и ласковъ съ нею какъ и раньше... Нѣтъ, даже добрѣе... Значительно добрѣе. Онъ никогда не забываетъ, что ей первой обязанъ своимъ литературнымъ счастьемъ. Благодаря ей его первая повѣсть увидитъ свѣтъ Божій онъ-бы самъ никогда не рѣшился пойти на это. Никогда! Никогда.

Но Лара знаетъ отлично, что ея другъ заваленъ работой. Что ему некогда посвящать долгіе часы бесѣдѣ съ нею, какъ раньше.

И она сама слишкомъ чутка, чтобы не понять этого.

Сегодня, за то, она его увидитъ. Она знаетъ, что на Крутовскій вечеръ получилъ приглашеніе и Борисъ. И тамъ-то ужъ отольетъ душу,—какъ говорится, съ нимъ до сыта.

Эта мысль воодушевляетъ дѣвушку, что она еще энергичнѣе принимается за работу.

— Ба! Что это?

Простая сѣрая юбка, широкая кофта. Да это няньки Агафьи вещи. Какъ онѣ попали сюда?

Прекрасная идея... Если надѣть эту кофту и эту юбку. А голову обвязать платкомъ и выпустить изъ подъ него клочья кудели, да темной кисеей завязать лицо поверхъ бровей набѣленныхъ тою же мукою, да взять въ руки помело,—вотъ и готовъ костюмъ вѣдьмы. Ха-ха! Развѣ не занятно? Пусть они всѣ будутъ тамъ ангелами и пастушками, богинями и геніями весны и лѣта, она Лара Безсонова будетъ вѣдьмой съ метлой и клюкой!

— Ха, ха, ха!

Весело принимается она за дѣло... Кое гдѣ подколото, кое-гдѣ подшито... За работой проходитъ часа полтора. Готово. Конецъ. Нянька Агафья! Гдѣ ты?—кричитъ во весь голосъ Лара. Старуха заслыша его идетъ на зовъ.

— Господи Іисусе Христе! Пресвятая Владычица Богородица! Чудище какое! Неужто, Ларинька, ты.

Сгорбленная въ трипогибели фигура отдѣляется изъ темнаго угла мукомольни.

Шамкаетъ старческій голосъ:

— Шдравшствуй Божія штарушка, шдрашствуй!

— Лариса или не Лариса?

Сѣрая старая темная ситцевая юбка и широкая кофта совсѣмъ преображаютъ ея странную фигуру. Кудель, торчащая изъ подъ платка, сѣдыя брови и подчерненные углемъ глаза подъ густою сѣтью темного тюля, клюка въ рукахъ, и метла, болтающаяся за спиною на веревкѣ, дополняютъ иллюзію.

— Хороша я, нянька? Ха-ха!

— Батюшки, какъ есть вѣдьма, не будь къ ночи сказано, съ нами крестная сила!—восторгается стряпуха.

— Капитанъ! Приди на минутку, капитанъ! — снова кричитъ Лариса.

Капитану хочется уснуть немного, онъ радъ радешенекъ вечернему отдыху, но развѣ можно не исполнить желанія этой дѣвочки? И онъ спѣшитъ въ мукомольню...

— Штормъ и буря! Вотъ такъ костюмъ!

— Какъ ты думаешь, не узнаютъ?—обращается къ отчиму озабоченнымъ тономъ Лара.

— Ну, гдѣ ужъ!

Она бѣжитъ въ жилое помѣщеніе... Нѣсколько минутъ смотрится въ зеркало. Правдивое стекло отражаетъ страшную маленькую старушенцію съ сѣдыми космами и неопредѣленными чертами темнаго лица.

Лара довольна.

— А ты не придешь туда развѣ?—освѣдомляется она у отчима.

— Нѣтъ, нѣтъ. Не охотникъ я до сборищъ. Тебя домой проводитъ Борисъ.

— Знаменитый писатель Горскій!—поправляетъ она его и разражается смѣхомъ.

— Веселись же хорошенько!—напутствуетъ падчерицу Корнинъ.

— Ну понятно! Она еще разъ пожимаетъ его руку и идетъ.

На поворотѣ дороги ее настигаетъ его голосъ.

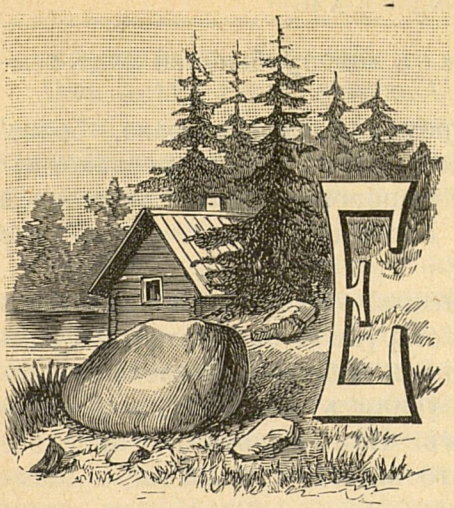
— А зонтикъ-бы взяла все-же. Гляди, гроза разразится!

— Не надо. Что вѣдьмѣ гроза, я на помелѣ прилечу и ногъ не замочу!—смѣется она и тонетъ въ вечернихъ сумеркахъ ея умышленно по старушечьи горбившаяся фигура.

— Лишь-бы деревенскимъ нашимъ на встрѣчу не попалась,—говоритъ Агафья, глядя въ слѣдъ давно пропавшей фигуркѣ.—До полусмерти испужаетъ еще!

— Съ каждымъ днемъ она растетъ и на Сусанночку становится все больше похожей,—тихо точно про себя замѣчаетъ капитанъ и что-то тѣснитъ ему сердце, ни то предчувствіе ни то тоска.

— Къ грозѣ это! Ночью большая гроза соберется! Ну пойдемъ, старуха... разогрѣй-ка мнѣ самоварчикъ да приготовь пуншъ,—и онъ проходитъ тихимъ шагомъ на жилую половину.



XXI.

ЩЕ издали, поднимаясь на гору по липовой аллеѣ слышитъ Лара веселые звуки музыки и молодые голоса.

— Новый рояль изъ города привезли, капитанъ сказывалъ на дешевкѣ купили, размышляетъ она по дорогѣ. У дома нѣсколько экипажей, колясокъ, шарабановъ и дрожекъ пріѣхавшихъ гостей...

Тутъ стоитъ и большой допотопный рыдванъ сосѣдей Бравиныхъ...

Кучера издали замѣтя пробирающуюся по аллеѣ старушечью согнутую фигурку, привѣтствуютъ ее шутками и смѣхомъ.

У самыхъ дверей къ Ларѣ бросается огромный Марсъ во главѣ всей собачьей своры съ громкимъ лаемъ. Но узнавъ ее умолкаютъ... Изъ подъ безобразнаго костюма выглядываетъ маленькая ручка съ кусками сахара и булокъ.

Безъ этихъ аттрибутовъ Лара не ходитъ сюда теперь. Она за нѣсколько посѣщеній Зеленаго Крута успѣла пріучить къ себѣ всю эту свору.

На террасѣ свѣтло. Тамъ разставлены карточные столы. Пожилые гости „винтятъ“ за ними.

Самъ старый хозяинъ бродитъ между столами, опираясь на костыль.

— Миръ дому сему! — подражая беззубому старческому шамканью, говоритъ ему Лара.

— Ага! Еще одна гостья... Откуда бредешь, старушка-колдунья? — обращается къ ней Зарницынъ, тщательно

стараясь угадать черты лица въ новоприбывшей подъ темной сѣтью вуали.

— Да это вѣдьма! Остроумная затѣя, браво, браво! Зачѣмъ ты вырядилась вѣдьмой, таинственная незнакомка? Ха, ха, ха!—и выскочившій на порогъ террасы вертлявый арлекинъ съ лицомъ Севы Зарницына хватаетъ за руку Лару.

— Потише, потише касатикъ!—грозитъ она ему клюкою,—не сбей меня съ ногъ старушку. А вѣдьмой нарядилась я съ тою цѣлью, что люди добрыхъ ангеловъ-то стали меньше цѣнить. Какъ увидятъ меня, касатикъ, да тѣхъ-то глядишь и оцѣнятъ. При худомъ-то ярче все доброе и выступаетъ. Такъ-то касатикъ, такъ-то! — шамкала она.

— Ой-ой, какая мудрая старушка. Пойдемъ со мною въ залу, я представлю тебя нашимъ гостямъ, — ты мнѣ нравишься, госпожа вѣдьма, больше всѣхъ нашихъ добрыхъ фей, пастушекъ и цвѣточницъ.—И Сева подставилъ калачикомъ руку своей дамѣ.

— Кто это? Обратились гости съ вопросами къ хозяину дома, провожая взоромъ оригинальную гостью.

— Если не ошибаюсь, падчерица моего арендатора и стараго товарища капитана Корнина. Прелестный своеобразный цвѣтокъ, выросшій на свободѣ! — отвѣчалъ тотъ, слѣдя глазами за удалявшейся молодежью.

Звуки вальса, выливавшіеся изъ подъ руки губернскаго тапера, пестрота костюмовъ, веселье, оживленныя лица безъ масокъ, все это сразу ошеломило Лару, не привыкшую къ такой обстановкѣ.

— Послушай, касатикъ,—зашамкала она на ухо своему кавалеру-арлекину.—Отведи-ка меня въ уголокъ,.. Вѣдьмы ты знаешь не любятъ свѣта.

— За то онѣ сами проливаютъ свѣтъ, когда снова превращаются въ добрыхъ волшебницъ!—услышала Лара знакомый голосъ у своего уха.

— Борисъ, ты?—шепнула она.

Ну, конечно, Борисъ!

Онъ одѣтъ странникомъ. Съ котомкой за плечами, въ лапти и высокую остроконечную шапку. У него сдѣлана длинная льняная борода и такіе-же волосы и усы. А изъ подъ наклеенныхъ какъ и у нея льняныхъ бровей горятъ его глаза добрые, молодые...

— Вотъ что касатикъ,—живо зашамкала Лара своему кавалеру,—дай мнѣ заворожить злыми чарами вонъ этого старикашку. Слыхала я, бродитъ онъ по святымъ мѣстамъ, странничаетъ, а это намъ не съ руки, вѣдьмамъ, когда люди больно по христіански живутъ.

— Ага, отвязаться хочешь отъ меня, бабушка. Инъ ладно, будь по твоему, только не радуйся больно... Приду опять, мы должны отплясать съ тобою танецъ темной силы...

И вертлявый арлекинъ, смѣясь оставилъ Лару и въ припрыжку помчался догонять Римму, одѣтую въ темное платье съ разсыпанными по немъ золотыми звѣздами съ маленькимъ полумѣсяцемъ въ распущенныхъ волосахъ.

— Ночь! Ночь! На туръ вальса со мною! — кричалъ весело Сева, обхватывая рукой талію сестры.

Толстенькая Соня, наряженная, пастушкой, кружилась съ братомъ розовыхъ поповенъ наряженнымъ въ бѣлый поварской костюмъ.

Его сестры Весна и Зима, Шурочка и Дашенька, одна осыпанная бумажными цвѣтами, другая шариками изъ ваты поверхъ бѣлаго платья и такой же шляпки, веселились отъ души.

Monsieur Жюль въ русской кучерской поддевкѣ, поверхъ красной рубахи, въ круглой кучерской шляпѣ, въ широкихъ штанахъ и смазныхъ сапогахъ съ возжами черезъ плечо ходилъ по залу, и обращаясь ко всѣмъ, спрашивалъ, умышленно уморительно картавя, копируя знаменитаго клоуна, котораго онъ видѣлъ въ петербургскомъ циркѣ.

— Гдѣ моя лёшадь? У меня сбѣжала моя лёшадь!—

и, накидывая возжи на перваго встрѣчнаго, кружился съ нимъ по залу.

Было много и другихъ гостей. Нарядно одѣтыя сосѣднія барышни, дочери земскаго начальника и окрестныхъ помѣщиковъ, съ любопытствомъ разглядывали старинный домъ Зеленаго Крута.

Ихъ предупредили всѣхъ, приглашая, что вечеръ будетъ самый скромный, но тѣмъ не менѣе онѣ вырядились какъ на большой парадный балъ.

— Кто эта старушонка?— наводя лорнетъ на Лару, спрашивала одна изъ многочисленныхъ дочекъ мирового судьи, пріѣхавшихъ изъ города.

— Не знаю,—отвѣчалъ танцовавшій съ нею Сева,—но эта вѣдьма очень и очень интересная старушка. Не правда-ли?

— У нея грязный костюмъ,—сморщила губы въ презрительную гримасу барышня.

— Такъ что-жъ? Тѣмъ больше иллюзіи!

Monsieur Жюль подлетѣлъ къ Ларѣ.

— Et bien, злая маленькая колдунья, un tour de valse.

— Танцуемъ, ладно! — быстро отбросивъ клюку и не разгибая стана, Лара закружилась по залу, одною рукою вцѣпившись въ рукавъ бархатной поддевки Жюля, другою какъ бы заметая метлою свои слѣды.

— У-у-у-у! Налечу—закручу,
Закручу—превращу
Въ звѣря лютаго,
Въ волка сѣраго.

Зазвенѣлъ по залѣ въ тактъ музыкѣ серебристый альтъ дѣвушки.

— Какая эксцентричная особа!—произнесла молоденькая дочь воинскаго начальника.—Кто она?

Но никто здѣсь, кромѣ Севы Зарницына, не зналъ, кто была сѣрая вѣдьма съ куделевыми прядями, выбившагося изъ-подъ платка парика.

Мишель, одѣтый въ красный костюмъ мефистофеля, привезенный имъ съ собою для «случая» изъ Петербурга, подошелъ къ Ларѣ:

— Послушай, адская старушенка, — произнесъ онъ, ломаясь и рисуясь передъ окружавшими его барышнями.— Мнѣ кажется, у тебя неподходящій для бала костюмъ!— и онъ презрительно разглядывалъ сквозь пенснэ сгорбленную фигурку.

— Очень охотно передала бы тебѣ его, — засмѣялась старушечьимъ шамкающимъ смѣхомъ вѣдьма,—тѣмъ болѣе, что и твой собственный тебѣ вовсе не идетъ!

— Но почему же? — вспыхнулъ Мишель.

— Мефистофель былъ умный парень. Развѣ ты не помнишь Фауста? Ха, ха, ха!

— Ловко срѣзала! Вотъ такъ вѣдьма! — расхохотался подоспѣвшій арлекинъ Сева, не очень-то долюбливавшій своего двоюроднаго братца.

— Дерзкая старушенція, — обиженно фыркнувъ, отошелъ Мишель.

— А мнѣ что ты скажешь, милая вѣдьма!—усмѣхаясь произнесъ Сева, заглядывая подъ темную вуаль.

— Тебѣ?—зашамкалъ дѣланно старушечій голосъ,— вотъ что скажу тебѣ, веселый арлекинъ: пляши и прыгай-жизнь и молодость кратки и скоропроходящи. Но берегись пропрыгать свое добродушіе, и свою прямоту.

— Ты мнѣ дѣлаешь комплиментъ, о, премудрая вѣдьма, позволь поблагодарить тебя!

И пестрый арлекинъ комически расшаркался передъ мнимой старушкой.

— Что тутъ происходитъ? Ага, предсказываетъ что-то сѣдая колдунья. Любопытно! Идемте послушать! Идемте къ ней!

И веселыя пары со всѣхъ сторонъ бросились къ Ларѣ, окружая ее.

Monsieur Жюль подскочилъ къ ней тоже:

— Allons, что вы скажете мнѣ?

Вѣдьма, окинувъ взглядомъ его богатырскую фигуру, проговорила:

— Я очень рада, если силы твоего здоровья соотвѣт-

ствуютъ силѣ сердечной доброты. Мнѣ кажется, что это такъ.

— Dieu! Но она прелюбезная, эта старенькая дама!— засмѣялся веселый швейцарецъ.

— Ага! Здравствуй и ты, прелестная Ночь!—и Лара склонила кудлатую голову передъ подошедшей Риммой Зарницыной.

— Ты мнѣ хочешь тоже что-нибудь сказать, мудрая старушка?

— О, немногое. Хочу утѣшить тебя. Знай, что самые роскошные цвѣтники въ мірѣ, разведенные руками людей, уступятъ по красотѣ дикой запущенной природѣ, порученной заботамъ ея Создателя.

— Фея Лара! По вашей фразѣ я узнала васъ!—и Римма со смѣхомъ схватила за руку дѣвушку.

— Мельничиха. Падчерица капитана! — послышались голоса веселыхъ поповенъ.

— Она очень остроумна, эта дѣвушка! N'est ce pas?— процѣдила сквозь зубы снова дочь земскаго начальника, разглядывая въ лорнетъ Лару.

— Фея-Лара! Фея-Лара! Я хочу танцовать съ вами!— кричалъ Сева.—Нѣтъ, нѣтъ, никому не уступлю васъ сегодня! Никому.

— Нѣтъ я! Нѣтъ я!—слышались веселые голоса.

— Стойте, господа!—зазвенѣлъ высоко голосокъ Лары,—вы видите, кто идетъ сюда?

Она высоко подняла свою клюку и указывала ею на подходящаго странника—Бориса.

— Кто? Гдѣ? О комъ ты говоришь, мудрая старушка?— послышались вокругъ нея распросы хозяевъ и гостей.

— Слушайте господа! Тотъ кто подходитъ къ намъ,— печальный, одинокій бѣдный странникъ. Передъ нимъ путь жизни, полный треволненій и преградъ. Но подъ бѣдной одеждой таится горячее вдохновенное сердце поэта... Онъ скроменъ и бѣденъ только по виду. На самомъ же дѣлѣ, онъ богаче всѣхъ насъ. У него—талантъ.

Талантъ, который дороже золота, знатности, дороже богатства... Онъ будетъ великъ. Онъ прославится! Онъ будетъ могучимъ, сильнымъ и всѣ вы придете когда-нибудь къ нему и поклонитесь ему какъ я!

И низко, низко склонилась передъ стоящимъ передъ нею Борисомъ, голова Лары.

— Что это она предсказываетъ уже не на шутку?— послышались удивленные голоса гостей.

— И ея предсказаніе уже сбылось отчасти! Улыбаясь говорила Римма Зарницына.—Господа! Сегодня получена нами изъ города Августовская книжка, журнала „Золотого Руна“. Тамъ есть чудесная повѣсть. «Подъ колесомъ старой мельницы»... И авторъ ея стоитъ передъ вами! Позвольте вамъ представить Бориса Горскаго, господа. Нашъ Зеленокрутскій учитель и очень талантливый человѣкъ!

И, сказавъ это, Римма выдвинула впередъ смущеннаго Бориса, неистово покраснѣвшаго подъ его пеньковой бородой.

— А вотъ и его творенье! Слава Борису Горскому, слава!—закричалъ на весь залъ Сева, успѣвшій уже схватить со стола желтую книжку журнала.

— Какъ? Вышло уже? Давайте сюда!

И Лара почти грубо выхвативъ изъ рукъ пестраго арлекина книгу и безцеремонно расталкивая гостей, бросилась съ нею въ дальній уголъ комнаты. Сорвавъ съ головы платокъ и парикъ, сбросивъ съ лица вуаль, вмѣстѣ съ прилѣпными бровями, она жаднымъ взоромъ погрузилась въ страницы, забывъ весь міръ.

Сердце ея стучало... Лицо со вспыхнувшимъ на немъ румянцемъ, горѣло какъ въ огнѣ. Дрожали руки, переворачивавшія страницы. Гордымъ блескомъ сіяли глаза.

Знакомыя мысли, хорошо извѣстной ей повѣсти словно пріобрѣли особую прелесть въ печатномъ видѣ... Какъ глубоко и красиво писалъ Борисъ! Какія идеи! Свѣжія...молодыя...

Да, правъ былъ старикъ Шураковъ. Онъ—большой талантъ!

*

Къ ней подходили приглашать ее на танецъ,—она не слышала... Пѣли надъ нею красивыя мелодіи бальныхъ мотивовъ, она не слышала ихъ. Звучалъ веселый смѣхъ, звенѣли голоса танцующихъ, до нея они не доходили. Она вся ушла въ чтеніе съ головой.

Когда дойдя до послѣдней точки, Лара подняла глаза, точно сонъ сбѣжалъ съ нихъ и настала пестрая дѣйствительность. Кругомъ кружились пары... Кружился и онъ, Борисъ... За минуту до того скромный, никому неизвѣстный учитель, онъ словно на голову выросъ передъ всѣми сейчасъ. Съ нимъ желали танцовать всѣ, рѣшительно всѣ самыя важныя, самыя нарядныя изъ присутствующихъ на балу барышень. Сѣдая борода давно отклеилась, шапка странника и котомка были брошены въ уголъ и темнокудрая голова юноши, съ разгорѣвшимися отъ удовольствія глазами, мелькала то здѣсь, то тамъ.

— Вотъ онъ какой!—говорила себѣ съ гордостью Лара,—вотъ какой талантливый, умный! И всѣ теперь знаютъ это! Всѣ! Всѣ! И считаютъ за счастье танцовать съ нимъ съ Борисомъ Горскимъ!

Она даже зажмурила глаза отъ восторга, и слушая пѣвучіе переливы рояля долго сидѣла такъ.

— Ха, ха, ха! ты кажется, уснула?

Лара широко раскрываетъ глаза...

— Боря! Милый Боря! Иди же, танцуй!—говоритъ она смущенно, машинально прижимая къ груди завѣтную книжку.

— Ну, да, я и пришелъ танцовать съ тобою!

Онъ смѣется своимъ простымъ, задушевнымъ смѣхомъ.

— Но не со мною, же!

— Почему?

— Ахъ, Господи, Борисъ... Взгляни на мое платье... Развѣ оно подстать для такого какъ ты... Взгляни на эту сѣрую хламиду вѣдьмы. Ха-ха! А теперь посмотри сюда... Вонъ какія нарядныя дамы желаютъ танцовать съ тобою... Что я бѣдная мельничиха передъ ними. Что?

— Лара!

Какъ странно звучитъ его голосъ. Она поднимаетъ глаза... Какое серіезное, строгое, почти суровое у него сейчасъ лицо!

— Лара, слушай, говоритъ онъ,—взявъ ее за руку—кому я обязанъ этимъ? Онъ беретъ желтую книжку и любовно гладитъ ее рукой.—Тебѣ, Лара. Ты первая, помнишь еще въ дѣтствѣ ободряла, вдохновляла меня, помнишь, какъ побуждала меня писать? Сестреночка ты моя милая, подружка дорогая, моего дѣтства, моей юности сестричка! А сколько ты вдохнула въ мою голову новыхъ красивыхъ мыслей! И потомъ, твоя смѣлая поѣздка въ „Золотое Руно“, на которую я-бы самъ никогда не рѣшился. Слушай, Лара, сегодня я получилъ такую же книжку отъ Шуракова, съ напечатанной въ ней моей повѣстью и письмо. Книжку эту я переплету въ кожу и золото, и подарю тебѣ. Первый трудъ—первому другу. Ты открыла мнѣ райскія двери Лара... Сестреночка моя! Такъ какъ же ты хочешь, чтобы я хоть на минуту промѣнялъ твое общество, на общество всѣхъ этихъ чужихъ, незнакомыхъ людей. Дорогая моя Лара, спасибо тебѣ, спасибо. А теперь, очаровательная фея, вы не имѣете ничего противъ, подарить нѣсколько туровъ вальса, скромному труженнику пера.

— Нѣтъ, не такъ... не такъ,—не принимая его шутки, со вспыхнувшими увѣренностью глазами, подхватила она убѣжденно и добавила еще съ большей увѣренностью:

— Нѣтъ, съ большимъ, крупнымъ писателемъ, звѣзда котораго разгорится ярко, ярко Борисъ!—и закружилась съ нимъ, счастливая и радостная за его успѣхъ, по залу.

XXII.

Ъ двѣнадцати ночи, духота стала нестерпимой... Не помогали раскрытыя двери и окна. Не помогали и искуственные сквозники.

Насыщенная электричествомъ природа, казалось, не дышала вовсе... Это было жуткое удушье передъ грозою, полное зноя, безъ малѣйшаго колебанія самаго легкаго вѣтерка... Черная мгла наполнила садъ. И только по главной широкой тропинкѣ, ведущей отъ крыльца террасы къ обрыву, змѣились двѣ длинныя ленты разноцвѣтныхъ фонариковъ, да на лужайкѣ передъ крыльцомъ, глухой Терентьичъ съ внукомъ Сенькой, жгли красные, желтые и синіе бенгальскіе огни.

— Господа, идемъ смотрѣть фейрверкъ къ обрыву. Тамъ на порубкѣ monsieur Жюль съ Михайлой фейрверкъ соорудили!—звенѣлъ веселый голосъ Севы, покрывая своими звуками, мелодичные звуки Шубертовскаго вальса, несшіеся изъ подъ руки тапера.

— Мазурка qènèrale! Садомъ, къ обрыву, mesdames et monsieurs мазуркой générale! Avvvoncons! *)

И дирижировавшій танцами Мишель — мефистофель, подхвативъ одну изъ судейскихъ барышень, помчался впередъ, выдѣлывая умопомрачительныя па своими длинными стянутыми ногами.

— Фея Лара со мною! И пестрый арлекинъ подбѣжавъ къ дѣвушкѣ, помчался съ нею за первой парой.

— Удостойте будущая знаменитость,—и кокетливо улы-

*) Общая мазурка, господа! Начинаемъ!

баясь Римма Зарницына вложила свою маленькую ручку въ руку Бориса.

Соня съ высокимъ юнкеромъ, сыномъ сосѣда, дочери мирового судьи и земскаго начальника съ своими кавалерами, розовенькія поповны, все это устремилось съ веселымъ смѣхомъ по иллюминованной тропѣ.

— Какая ночь! — запѣли на разные голоса барышни, восторгаясь.

— «Въ такую ночь, когда зефиръ деревья цѣловалъ, не шелестя зеленою листвою»,—задекламировалъ пестрый арлекинъ.

— А ну-ка, откуда это? Мишель!—лукаво прибавилъ Сева, обращаясь къ кузену. — Ты хвастался, что знаешь всѣхъ классиковъ наизустъ.

— Изъ Пушкина, конечно!—съ апломбомъ выкрикнулъ голосъ Мишеля, очень важничавшаго своими знаніями и начитанностью.

— Ха, ха, ха! Немногимъ ошибся. Изъ Шекспира, дитя мое! Это по нашему, по кадетски «сморозилъ», братъ, значитъ!—хохоталъ юный кадетъ.

— Всеволодъ, несносное созданье, молчи!—и поймавъ брата, Римма шутливо оттрепала его за ухо.

— Фея-Лара! Помните, на днѣ этого обрыва вы вздумали напугать насъ всѣхъ? — лукаво зашепталъ веселый мальчикъ на ухо своей дамѣ и прибавилъ уже громкимъ голосомъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Господа, приближаться не слѣдуетъ. Тѣнь самоубійцы бродитъ по дну обрыва.

— Гдѣ? Что? Ай-ай-ай! Что вы говорите, Сева, ужасъ какой!—дружно взвизгнули барышни.

— Со мною не бойтесь ничего!—фатоватымъ голосомъ успокаивалъ свою даму Мишель.—Я васъ защищу въ случаѣ опасности!

— Мишель, смотри, какая огромная лягушка у тебя на сапогѣ!—и Всеволодъ протянулъ руку по направленію ноги двоюроднаго брата.

— Ай! — не своимъ голосомъ взвизгнулъ тотъ. — Ай, гдѣ эта гадость? Терпѣть ихъ не могу!—и поблѣднѣвъ какъ смерть, Мишель отчаянно затрясъ то одну, то другую ногу.

— Ну, теперь, дѣйствительно, доказано наглядно: никакія привидѣнія не страшны. Мишель насъ защититъ!—засмѣялся Всеволодъ на всю усадьбу. Ему весело вторили остальные.

— Глупыя шутки!—проворчалъ сконфуженный Мишель.

— Господа! Смотрите! Какая прелесть!

Съ шипѣньемъ взвилась огненная ракета и длинной золотой лентой полетѣла на встрѣчу темнымъ тучамъ, покрывавшимъ небо... Оттуда червоннымъ дождемъ разсыпались искры.

— Браво! Браво! Monsieur Жюль! Браво!—зааплодировала молодежь.

— Еще одна... Трахъ!

Новая золотая змѣя и брызги желтыхъ огней оттуда съ неба...

И новые апплодисменты...

— Господа! Римскія свѣчи — въ честь Риммы новорожденной,—съострилъ Сева.

— Очень остроумно!—подцѣпилъ насмѣшливо Мишель.

И вдругъ что-то неожиданное, грозное налетѣло, закружилось и заполнило садъ, усадьбу, темную чащу и иллюминованную пестрыми фонариками аллею. Дикій ревъ пронесся по саду... Ревъ мгновенно поднявшагося предгрозоваго вихря. Закружились, запрыгали листья по аллеѣ. Въ одинъ мигъ потухли яркіе огни фонариковъ и наступила полная темнота.

— Домой! Домой, господа! Назадъ, въ залу!—скомандовалъ въ темнотѣ чей-то испуганный голосъ.

И вотъ мгновенно разорвалась, какъ бархатная завѣса, жуткая тьма. Отъ самаго верха прыгнула золотая птица молніи, разрѣзала и на-двое бархатную завѣсу ночного неба.

И въ тотъ же мигъ грянулъ оглушительный громовый ударъ, сотрясая небо и землю...

За нимъ другой... третій...

Теперь уже безъ передышки метались по небу зигзаги молніеносныхъ крыльевъ какой-то сказочной птицы, и одинъ ударъ оглушительнѣе другого потрясали, казалось, весь міръ...

Визгъ... Истерическія вскрикиванія... Слова успокоеній... все смѣшалось... Пестрая, костюмированная толпа металась по саду, отыскивая дорогу къ освѣщенному вдали дому...

— Сюда, сюда, господа! Осторожнѣе! Здѣсь кусты!— надрывался Сева, мечась по саду.

И вдругъ тоненькій голосокъ Риммы прорѣзалъ на мгновенье воцарившуюся тишину.

— Толя должно быть испугался! Онъ не спитъ, вѣрно, онъ боится грозы!

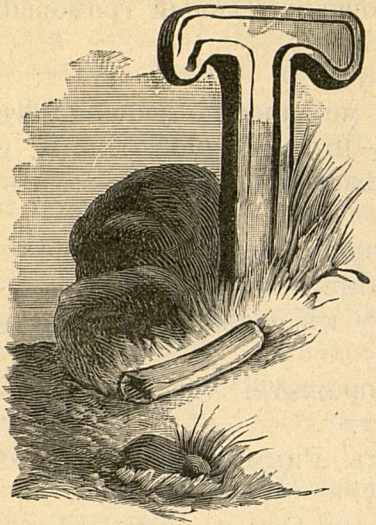
— Я побѣгу къ нему, не безпокойтесь!

Звонкій голосъ Лары прерывается новымъ громовымъ гуломъ.

Отъ этого новаго удара больше нежели отъ предыдущаго сотрясается земля.

Одновременно съ нимъ острая игла молніи ослѣпляетъ на минуту своимъ яркимъ свѣтомъ.

Лара быстро подбираетъ юбку и мчится по черной какъ ночь аллеѣ къ дому, далеко опередивъ другихъ.



XXIII.

Ы не спишь, мальчикъ?

— Фея-Лара! О, какая ночь!

Съ узкой постельки поднимается бѣлая фигура въ длинной до пятъ сорочкѣ.

— Какая страшная ночь!

Толя робко прижимается къ груди дѣвушки. Она легко поднимаетъ его на руки и несетъ въ кресло.

Здѣсь она садится съ нимъ на колѣняхъ. Ея рука обвиваетъ тонкія плечи, дрожащія какъ въ лихорадкѣ, и голосъ шепчетъ тихо:

— Ничего, маленькій, не бойся... Закрой глазки, я буду разсказывать тебѣ о моихъ эльфахъ, хочешь?

— Гости разъѣхались? Больше я не слышу музыки.

— Нѣтъ еще, здѣсь, но неужели ты совсѣмъ не спалъ?

— Нѣтъ. Но я сдѣлалъ видъ, что сплю, чтобы дать возможность Маріи Александровнѣ пойти распорядиться ужиномъ. Я не хотѣлъ мѣшать. Но когда она ушла, мнѣ стало вдругъ такъ страшно, ужасно страшно! Мнѣ казалось, что небо раскалывается пополамъ и все горитъ.

— Успокойся, мой мальчикъ. Закрой же глазки, вѣдь тебѣ хорошо со мной?

О! — могъ только выговорить ребенокъ, милая фея Лара, мнѣ съ тобой всегда такъ хорошо, хорошо! Но отчего ты не приходила, такъ долго?

— Я жала въ полѣ, мальчикъ, потомъ убирала снопы за больную Марью бобылку:

— О, ты ангелъ, фея-Лара! Ты..

Черные глаза впиваются съ обожаньемъ въ лицо дѣвушки. На минуту забыты и страшныя молніи и потря-

сающіе удары грома, всѣ страхи, вся жуть навѣянная расходившейся стихіей, все это заслонила отъ Толи, тоненькая любимая фигурка—феи.

— Я разскажу тебѣ сегодня о самомъ непослушномъ изъ моихъ эльфовъ хочешь, — говорила она,— Ну, вотъ, слушай это хорошая сказка.—Въ самомъ отдаленномъ покоѣ моего изумруднаго дворца — пѣвуче растянутымъ голосомъ начала Лара, какъ-бы укачивая ребенка,—жилъ самый непослушный изъ моихъ подданныхъ эльфъ, Попрыгунъ... Онъ рѣзко отличался ото всѣхъ прочихъ эльфовъ... Тѣ были кроткіе и покорные, этотъ непокорный и злой.

Нѣсколько разъ я хотѣла смирить его заносчивый характеръ, но мнѣ это не удавалось, онъ постоянно дразнилъ другихъ маленькихъ эльфовъ... Постоянно...

Новый оглушительный, страшный, короткій невѣроятный по силѣ ударъ со всею мощью разсыпался надъ кровлей дома. Задрожалъ весь съ вершины до основанія старый домъ, сотряслись стѣны, полъ, затрепетала, какъ живая, мебель. Трескучимъ ударомъ пронесся онъ гулкимъ эхо вдали... И оборвался сразу.

Крикъ ужаса вырвался изъ груди Толи.

— Ударило гдѣ-то... Въ дерево... очевидно... но ты не бойся... Далеко!—успокаивала его побѣлѣвшими губами Лара и, спустивъ мальчика, дрожащаго, какъ въ ознобѣ, подошла взглянуть къ окну:

— Боже!—вырвался казалось у нея изъ самаго сердца крикъ.

Ужасъ, отчаянье, прозвучали въ немъ, въ этомъ воплѣ.

— Молнія ударила въ мельницу! Горитъ мельница наша!—безумными звуками понеслось по комнатѣ, вылетая за дверь, въ корридоръ, въ залу, по всему дому...

Въ два прыжка Лара очутилась на подоконникѣ... Сильнымъ ударомъ распахнула окно... Еще прыжокъ и она въ саду...

Прямо передъ ея глазами по ту сторону усадьбы, на берегу озера, какъ факелъ, облитый смолою, пылало что-то.

— Крыша мельницы! Нашей мельницы! О, скорѣй скорѣй...

И не помня себя, со рвущимися изъ груди стонами, съ помраченной отъ ужаса головою, она понеслась близкая къ потери сознанія сквозь колючіе кусты шиповника и кротегуса, туда впередъ къ красному факелу занявшейся огнемъ крыши.

. . . . . .

— Мельница горитъ! Зеленокрутская мельница! Молнія ударила въ крышу... Туда, скорѣе туда, господа!

Всеволодъ Зарницынъ первый увидѣлъ пожаръ изъ окна залы.

— Тушить! Тушить надо! Кто ѣдетъ за мной?

— Господа, переодѣньтесь, нельзя же въ этихъ шутовскихъ костюмахъ!

— Пока переодѣваться будемъ все сгоритъ! Пусть каждый накинетъ пальто и только! Скорѣе! Скорѣе.

— Мельница горитъ! Гдѣ Лара?

Борисъ Горскій обводитъ испуганнымъ взоромъ залъ.— Гдѣ Лара?

Никто не отвѣчаетъ ему. Никто не знаетъ. Суматоха и паника овладѣли и хозяевами и гостями. Всѣ мечутся, какъ безумные.

Вдругъ въ бѣлой рубашенкѣ на порогѣ появляется дѣтская фигурка.

— Фея-Лара... убѣжала... туда, гдѣ горитъ!—прорыдалъ, потрясенный испугомъ мальчикъ.

— И, какъ она закричала... Какъ закричала!—добавляетъ онъ съ плачемъ.

Кто-то подхватываетъ на руки Толю... Уноситъ обратно въ постель... Кто-то тихо рыдаетъ отъ испуга... Кто-то истерически вскрикиваетъ...

— Пожаръ! Пожаръ!

Борисъ быстрымъ взоромъ отыскиваетъ адмирала.

— Дайте намъ лошадей, ведра... Надо ѣхать тушить!.. Можно взять чью-нибудь коляску?

— Мою, мою! Пожалуйста, если надо!

— Скорѣе, скорѣе!

Съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ крѣпко закушенными губами, Горскій несется по двору. За нимъ Сева, monsieur Жюль, еще кто-то... Выламываютъ общими усиліями дверь сарая, за неимѣніемъ ключа берутъ необходимыя вещи, коляска уже готова, подана... Принесены ведра, кладутся на дно ея...—Воды въ озерѣ много, топоры не забудьте!—звенитъ срывается и снова звенитъ трепетный голосъ Бориса.

Минутъ черезъ десять выѣзжаетъ экипажъ... Катится изъ усадьбы на мельницу. Столпившіеся у оконъ залы гости провожаютъ его глазами. Многіе изъ мужчинъ уже бросились къ своимъ экипажамъ и несутся на мѣсто катастрофы, опережая молодежь.

Борисъ, Сева, monsieur Жюль кричатъ что-то, чего не слышно въ суматохѣ и шумѣ.

— Лару! Лару догоните! посадите! доносится изъ темноты ночи.

— Кого? Кого?

Не слышно отвѣта въ общей сутолкѣ, грохотѣ и шумѣ.

А мельница горитъ... Вся она уже объята пламенемъ...

У дверей мечется тоненькая фигурка въ сѣромъ...

— Тушите же! Тушите!—рыдаетъ она. Вокругъ стоятъ крестьяне, нерѣшительные, робкіе:

— Нѣшто можно тушить, Божій огонь это, не простой пожаръ!—говорятъ они тихо.

— О, Господи! Да вѣдь это безуміе, мечется снова фигурка, ломая руки.

— Капитанъ! Гаврило! Капитанъ!

Черный Гаврило выростаетъ какъ изъ подъ земли.

— Гдѣ капитанъ? Нянька?

— Нянька вотъ она! А капитанъ...

Испуганно косятся старые глаза Гаврилы въ объятое пламенемъ строеніе.

— Тамъ!—воплемъ отчаянія и муки рвется изъ груди Лары и она бросается во внутренность охваченнаго пламенемъ жилья.

— Барышню! Барышню нашу удержите, и Агафья валится на землю, причитывая и стеная.

Двѣ сильныя руки хватаютъ у самаго порога Лару.

— Ума рѣшилась! Куда лѣзешь? Сгоришь!

Но она обезумѣла... Рвется изъ тѣсно охватившихъ ея плечи пальцевъ, рвется прямо въ огонь.

— Капитанъ! Капитанъ!

Въ эту минуту подъѣзжаютъ экипажи. Первымъ соскакиваетъ Борисъ.

— Братцы!—кричитъ онъ громко,—кто въ Бога вѣруетъ спасайте! Тушите пожаръ!—и схвативъ ведро, бѣжитъ съ нимъ къ плотинѣ.

За нимъ Сева и швейцарецъ. Крестьяне все еще стоятъ, нерѣшительно поскребывая затылки.

— Божья молнія... огонь Божій... Нѣшто противъ Него пойдешь?

И вдругъ сильный громкій голосъ заглушаетъ разомъ всѣ эти робкіе переговоры.

— Братцы, аль креста на васъ нѣту! Слышите человѣкъ горитъ?

Какъ изъ подъ земли выростаетъ оборванная фигура Митьки изъ Липокъ...

— Борисъ Миколаевичъ, господинъ учитель и я съ тобою. За одно!—кричитъ онъ перебѣгая небольшую лужайку, отдѣляющую сѣрую толпу отъ горящаго строенія.

— Борисъ Миколаевичъ, давай ведро!

— Барышня, вишь, крестъ у меня есть на шеѣ... Очухался я, какъ давеча въ лѣсу ты меня пристыдила,— бросаетъ онъ мимоходомъ Ларѣ, продолжавшей рваться въ огонь изъ чьихъ-то сильныхъ рукъ, и скрывается въ дверяхъ...

За нимъ скрывается Борисъ...

Сева, выскользнувъ отъ удерживавшаго его черезъ силу гувернера, бѣжитъ за ними...

— Братцы! — кричитъ онъ, по дорогѣ, — пособите же тушить! Грѣхъ на себя берете.

— Ишь ты, барченокъ молоденькій... туда же ровно взрослый!—проносится шопотъ мужиковъ.

— Пособить надо ребята. Слышь? растетъ этотъ шепотъ.

— Молнія Божій огонь. Божьемъ огнемъ, значитъ спалитъ. Поди-ка, случай, видно такой вышелъ, не за что карать капитана-то, мельника, значитъ добрый баринъ, всѣмъ помогалъ...

— Случай, видно!

— А, коли случай, братцы... Всѣ подъ Господомъ Богомъ ходимъ. Надо пособить!

И за минуту до этого, нерѣшительныя въ силу своего суевѣрія, мужики, уже бѣгутъ къ горящему строенію наполняя по пути привезенные съ усадьбы ведра съ озерной водою.

Между тѣмъ, огонь и темный смрадный дымъ обволакиваетъ все больше и больше деревянное хрупкое строеніе... Черными призраками мелькаютъ на его фонѣ быстро движущіяся фигуры. Слышенъ властный голосъ Бориса, отдающій приказанія. Звонкій голосъ поднятый до крика. Басъ студента... Лара, обезумѣвшая отъ мучительныхъ предчувствій, все еще порывается туда къ нимъ, и не къ нимъ даже, а въ самое пекло этого горящаго съ удивительной яркостью и трескомъ костра...

Какой адъ! Какая страшная мука переживаній!

Ей слышатся призывные крики, доносящіеся изъ пламени... Слышатся стоны и мольбы о спасеньи. Или это ей чудится только?

Она дѣлаетъ невѣроятное усиліе и вырывается изъ тѣснаго кольца, обвившихъ ея талію рукъ.

— Пустите же меня, пустите!

И, вырвавшись, наконецъ, не внимая крикамъ, несется снова къ дверямъ.

— Куда? Назадъ! Крыша сейчасъ рухнетъ! Сильная рука Бориса удерживаетъ ее...

Потомъ... О, что было потомъ, всю свою дальнѣйшую жизнь не забыть этого Ларѣ!..

Снова пропадаетъ въ клубахъ чернаго дыма Борисъ и появляется снова...

Онъ и студентъ съ помощью monsieur Жюля несутъ что-то, укрытое съ головою.

— Вотъ, — говоритъ Горскій,—вотъ все, что осталось отъ него. Бѣдный капитанъ!

Вопль, похожій на крикъ дикой птицы, проносится надъ озеромъ и замираетъ далекимъ эхо въ лѣсу.

Изъ груди Лары вырывается этотъ вопль.

Три человѣка кладутъ четвертаго, неподвижнаго, мертваго на траву подъ кустами осоки у самой воды. Безумными глазами впивается въ неподвижную фигуру Лара и тихо, протяжно стонетъ.

— Бѣдняжка!—говоритъ, кладя ей на плечо руку, Борисъ.—Одно только могу сказать въ утѣшеніе. Онъ убитъ сразу... Умеръ безъ мученій. И, должно быть, во снѣ.—Но его голосъ не доходитъ до ушей Лары.

Она тихо опускается на колѣни и приникаетъ къ неподвижной груди отчима. Потомъ, осторожно снимаетъ съ головы его чьею-то заботливою рукою накинутый плащъ...

Блѣдное-блѣдное безъ кровинки лицо... такое необычайно-свѣтлое въ минуту мертваго покоя. И неопредѣленная улыбка подъ рыжими усами. Улыбка спокойнаго сна. На вискѣ темное пятнышко... Опалена кожа и часть черепа. Пахнетъ гарью... И только... Но это — смерть!

Лара быстро наклоняется надъ лицомъ трупа.

— Бѣдный, дорогой, добрый отецъ! — говоритъ она глухо и протяжно...—Я никогда живого, не радовала тебя. Но я любила тебя, бѣдный папа! Очень любила! И это правда! Вѣрь своей Ларѣ!

И она склонившись еще ниже, цѣлуетъ мертвыя уста.

(Къ стр. 175).

XXIV.

ЯРКОЕ, ясное, дивное утро... Точно насыщенъ медовымъ ароматомъ воздухъ, освѣженный грозой... И кажется—точно голубое безстрастное небо, такое грозное, такое жуткое еще вчера, сегодня позабыло уже о своемъ недавнемъ гнѣвѣ.

Только память о немъ не изгладить людямъ ничѣмъ. На мѣстѣ водяной мельницы у плотины теперь разбросаны обгорѣлыя балки и полѣнья, да обезображенная утварь, несложнаго хозяйства капитана Корнина, валяется здѣсь и тамъ... Самъ хозяинъ опустошеннаго пожаромъ жилища лежитъ посреди церкви въ скромномъ деревянномъ гробу.

Старичекъ священникъ, отецъ Ѳедоръ, напутствуетъ старческимъ дрожащимъ голосомъ въ послѣдній путь капитана. Поютъ на клиросѣ его дочери молоденькія поповны Шурочка и Дашенька, поетъ съ ними ихъ братъ, и псаломщикъ, и кое-кто изъ школьныхъ дѣтей.

На поношенномъ старенькомъ коврѣ въ углу церкви стоитъ семейство Зарницыныхъ. Самъ адмиралъ, несмотря на расходившуюся снова отъ пережитыхъ волненій болѣзнь, пожелалъ воздать умершему другу послѣдній долгъ.

Вчера произошла катастрофа,—сегодня его хоронятъ. Такъ пожелала Лара. Мельница сгорѣла до тла съ жильемъ, гдѣ было лежать покойнику установленные три дня до погребенія? Изъ другого же, чужого жилья, она не захотѣла его хоронить. Всю эту ночь она провела въ церкви, куда отнесли ея отчима... Съ трудомъ Ольга Федоровна убѣдила ее зайти къ ней отдохнуть подъ-утро. Поутру же Римма

Зарницына прислала Горскимъ для Лары кое-что изъ своего гардероба...

Дѣвушка оставалась въ томъ платьѣ, въ которомъ пошла на вечеръ.

Задолго до перваго удара церковнаго колокола, она снова была уже въ церкви. Здѣсь въ темномъ дальнемъ уголку, спрятавшись за сѣрыми крестьянскими спинами, Лара стояла между Борисомъ и его матерью безъ слезъ, безъ молитвы. Ея воспаленные сухіе глаза впивались въ знакомое лицо съ рыжими усами и застывшей подъ ними улыбкой, сладко уснувшаго человѣка.

Какіе сны снились ему въ его послѣднюю ночь?

Въ душѣ Лары было глухое, мертвое отчаяніе...

Къ нему подмѣшивалось еще раскаяніе, жгучее раскаяніе, распаляющее сердце.

— Никогда... не приласкала его... бѣднаго... дорогого... Отцомъ никогда не называла... все капитанъ... да капитанъ... А онъ-то? Всю мою жизнь обо мнѣ заботился... Ни одного слова отъ него дурного не слыхала... Воспитывалъ на свои деньги, на крохи послѣднія... А я? А я?

И молча поднимаются къ лицу похолодѣвшія руки дѣвушки... И несется по церкви тихій, протяжный, мучительный стонъ...

— Ишь убивается-то сердешная!..—сочувственно шепчутъ бабы... Воетъ...

— Повоешь тутъ,—покачивая головами говорятъ мужики,—когда одна-одинешенька на свѣтѣ осталась сиротинка, да и человѣкъ же былъ! Сколько помочи отъ него было... Сколько долгу отпускалъ... Эхъ, пропалъ ни за што, ни про што.

— Судьба Господня!

— И то судьба!

Сегодня на зарѣ эти самые мужички наскоро сколотили гробъ капитану. Бабы обтянули его полотномъ... Въ чистое бѣлье присланное отъ Зарницына, обрядили они

усопшаго... Ребятишки, сбѣгавшіе въ лѣсъ, осыпали его цвѣтами.

— Добрый баринъ былъ! Жалко, что и говорить!— повторялось по сту разъ ими въ это утро и они подолгу съ умиленіемъ поглядывали на мертвое, словно заснувшее въ гробу лицо. . . . . .

. . . . . .

— Ну, довольно! Пойдемъ домой, Лара!

— Куда?

— Домой, Ларинька, къ намъ! Куда же тебѣ больше идти.

— Да, сестреночка, идемъ съ матерью и со мною. Мы же тебѣ какъ родные.

Борисъ энергично подступаетъ къ Ларѣ, распростертой на свѣжей могилѣ около грубо сколоченнаго креста.

На этомъ крестѣ еще нѣтъ надписи, поставленъ онъ на-скоро. Рядомъ на другомъ сосѣднемъ крестѣ значится: «Раба Божія Сусанна. Молитесь за нее».

Останки капитана давно опущены въ могилу, засыпаны землей. Давно ушелъ сѣденькій отецъ Ѳедоръ, благословивъ на прощанье Лару и напомнивъ ей о Божьемъ милосердіи и необходимости смиренія передъ Промысломъ Господнимъ...

Ушли за отцомъ заплаканныя, испуганныя видомъ чужого горя, поповны. А Лара все стоитъ на колѣняхъ у свѣжей насыпи могилы съ отчаяньемъ въ сердцѣ, съ изъѣденной скорбью душой.

Зарыли капитана! Нѣтъ капитана! Что она будетъ теперь безъ него?

И никогда не чувствовала еще дѣвушка такого остраго прилива любви къ своему второму отцу, такого безумнаго желанія увидѣть его.

И тамъ въ церкви, и сейчасъ на кладбищѣ, подъ заунывные погребальные мотивы, ей казалось, что все это сонъ, и что вотъ-вотъ откроетъ она глаза и... проснется.

А пожаръ мельницы, и гибель отчима, все это одинъ только черный жуткій кошмаръ.

*

— Идемъ же, идемъ, милая Лара.

— Кто говоритъ это?

Ахъ, да, Борисъ...

Онъ и его мать зовутъ ее къ себѣ... Жить... Ее зовутъ, одинокую, нищую сиротку... Да какъ-же она свяжетъ ихъ?.. Вѣдь они нуждаются сами. И гдѣ она будетъ жить? Въ одной крохотной убогой комнаткѣ ютится съ матерью сынъ. А она лишнимъ ртомъ будетъ въ ихъ, болѣе чѣмъ бѣдной, семьѣ.

Что-же дѣлать? Какъ она пойдетъ съ ними...

Ахъ, какъ путаются мысли... И какъ не хочется отходить отъ этого дорогого креста.

— Хорошо... Я приду... спасибо... а пока... Дайте мнѣ помолиться одной.

— Богъ съ тобою, крошечка, помолись... А только помни... Ждемъ тебя дома, Ларинька, съ нетерпѣньемъ!— и перекрестивъ съ материнскою нѣжностью дѣвушку, Ольга Федоровна заплаканная и потрясенная, уходитъ, тяжело опираясь на руку сына.

Лара снова опускается на колѣни... Припадаетъ къ землѣ и лежитъ.

— Господи! Господи!—рвется изъ ея груди.—Зачѣмъ я ушла вчера отъ него, зачѣмъ насъ не убило вмѣстѣ!

Потомъ она замираетъ безъ слезъ, безъ мыслей, безъ стенаній, одна сплошная, томящаяся скорбь...

И лежитъ, не двигаясь, изрѣдка поводя, вздрагивающими плечами...

— Встаньте, дитя мое. Такъ отчаяваться нельзя!

Чья-то большая рука опускается на плечо Лары... Она поднимаетъ голову...

Передъ ней высокій старикъ, опирающійся на костыль, съ твердо сжатыми губами подъ нависшими надъ ними сивыми усами Мазепы.

— Встаньте!—тономъ не допускающимъ возраженія,— повторяетъ онъ.

Она машинально поднимается. Удивленными и сухими глазами глядитъ въ его испитое лицо.

— А теперь пойдемъ и сядемъ вонъ тамъ, на скамейкѣ,—говоритъ адмиралъ Зарницынъ и, взявъ за руку дѣвушку, подводитъ ее къ скамьѣ.

— Все кончено! Все! Онъ умеръ, его нѣтъ!—шепчетъ срывающимся голосомъ Лара.

— Да, но онъ былъ живъ, онъ жилъ для васъ и ради васъ, и постоянно думалъ о васъ при жизни,—возражаетъ Зарницынъ, глядя своими зоркими глазами въ блѣдное безъ кровинки лицо дѣвушки.—И онъ просилъ меня позаботиться о васъ, въ случаѣ его смерти.

— Что? Онъ говорилъ вамъ?

— Да. И какъ старому другу-сослуживцу, я ему обѣщалъ это!—твердо произносятъ энергичныя губы подъ сивыми усами,—да и вы во имя покойнаго отчима, согласно его желанію, должны поселиться у насъ. Не правда-ли? Вы исполните эту его волю, дитя?

— Какъ, онъ говорилъ вамъ это?

Съ робкимъ вопросомъ поднимаются печальные глаза.—И вы ему обѣщали?

— Даю вамъ честное слово моряка!—произноситъ Зарницынъ.

— Я вамъ вѣрю... и... и благодарю васъ.

Что-то клубкомъ подкатывается къ горлу Лары, что-то сжимаетъ его и она рыдаетъ... Рыдаетъ первыми отчаянными слезами, открывшими выходъ ея безутѣшному горю.

Сухая, старческая рука ложится на черненькую головку.

— Плачь, бѣдное дитя, плачь... Слезами облегчается горе... Выплачь свои слезы, бѣдняжка. А потомъ, пойдемъ къ нимъ... Въ моемъ домѣ всегда найдется мѣсто и ласка для дочери погибшаго друга... Выплачь свои слезы, и помни, что не изъ милости принимаетъ тебя старый морякъ Зарницынъ... Напротивъ... За честь почтетъ, за счастье, принять дочь своего друга... въ своемъ

домѣ. Вѣдь такъ мало счастья, милая Лара. Развѣ вы не видите?.. Болѣзни, раззоренное хозяйство... Только что ни нужда. А вы—добрая фея, какъ говоритъ Толя... Ну и подтвердите еще разъ это. Доброю феей впорхните въ мой домъ... Вспомните, Лара, отъ одного вашего присутствія, мой бѣдный мальчикъ чувствуетъ себя бодрѣе, здоровѣе... И кто знаетъ? Можетъ быть, видя принесенную вами другому радость, сами вы найдете облегченіе въ своемъ горѣ. А, Лара? Идемъ?

Большіе, полные слезъ глаза дѣвушки поднимаются на бѣлый крестъ капитанской могилы.

Потомъ переходятъ на скромный домикъ сельской школы и учительскаго жилья.

И тамъ ее ждутъ... И туда звали...

Но тамъ нужда и борьба за существованіе, тамъ она не можетъ принести пользы ничѣмъ, ничѣмъ.

А здѣсь...

Неожиданно выплываетъ передъ нею образъ черно-кудраго мальчика... Блѣдное болѣзненное личико въ рамкѣ черныхъ волосъ и тихій шопотъ его.

«Какъ мнѣ хорошо съ тобою фея Лара»...

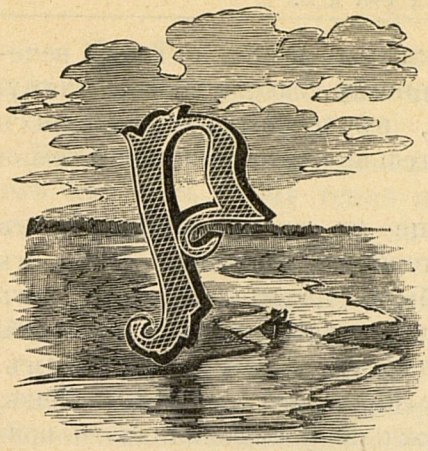
Значитъ, сама судьба указываетъ ей путь.

Она смотритъ съ минуту на небо, какъ бы ища отвѣта и вдругъ рѣшительно встаетъ.

— Какъ странно...—говоритъ она тихо, чуть слышно.—Я считала васъ моими врагами, отнявшими у меня Зеленый Крутъ... А теперь...—она не доканчиваетъ своей фразы, ручьями льются изъ ея глазъ горячія слезы и сдѣлавъ невѣроятное усиліе надъ собою, она добавляетъ дрожащимъ голоскомъ:

— А теперь я сдѣлаю все возможное, чтобы явиться добрымъ другомъ вашей семьи. Спасибо вамъ!

И вкладываетъ дрожащіе пальцы въ протянутую ей руку Зарницына.



XXV.

РАННІЙ зимній день... Снѣгъ большими хлопьями падаетъ съ самаго утра. За ночь нанесло большіе сугробы вокругъ стараго дома на горѣ. И сторожъ Терентьичъ, вооруженный огромной деревянной лопатой, разгребаетъ его по главной дорожкѣ ведущей отъ крыльца.

Сенька, внучекъ Терентьича, вертится тутъ же подлѣ дѣда въ старомъ, надвинутомъ по самые уши овечьемъ треухѣ и огромныхъ валенкахъ, въ которыхъ совсѣмъ потонули его маленькія ноги. И у него въ рукахъ лопата поменьше и онъ работаетъ подлѣ дѣда пыхтя и поминутно обтирая большой рукавицей покраснѣвшій на холодѣ носъ.

Сегодня праздникъ, воскресенье... Въ школу идти не надо. Изъ сельской церкви доносится близкій благовѣстъ и таетъ какъ расколотая льдинка въ студеномъ воздухѣ молодого декабря.

— Ужо въ церкву пойдемъ? А, дѣдка?—задаетъ вопросъ Сенька, на минуту отрываясь отъ работы.

— Ась?

— Въ церкву, говорю, пойдемъ?—кричитъ уже мальчуганъ въ полный голосъ.

— Ладно! Ладно!—улыбается добродушно внуку, глухой сторожъ, ни единаго звука однако не уловившій изъ его словъ.

Скупое декабрьское солнце, чуть свѣтитъ матово, блѣдно съ холоднаго неба.

Сердитый и важный, энергично прогуливается по двору морозъ.

Въ господскомъ домѣ зажжены лампы... Точно вечеромъ. Половина дома изъ экономіи заколочена на зиму, (топить не надо). Въ другой, въ четырехъ небольшихъ комнатахъ, пріютилась значительно уменьшившаяся семья Зарницына.

Сева и Мишель уѣхали еще въ августѣ, каждый въ свое учебное заведеніе, въ Петербургъ. Monsieur Жюль, въ которомъ теперь уже не было надобности, перешелъ въ другое семейство, „получивъ ангажементъ", какъ онъ шутливо выразился при разставаніи, къ другимъ дѣтямъ.

Соня училась вмѣстѣ съ Ларой въ пансіонѣ Мецъ, куда обѣ дѣвочки ѣздили каждый понедѣльникъ и возвращались въ субботу къ двумъ часамъ пополудни.

Тихо, монотонно стало въ домѣ. Дѣла адмирала Зарницына, все больше и больше приходили въ упадокъ. Кредиторы то и дѣло осаждали его письмами съ требованіемъ уплаты долга, сдѣланнаго имъ во время открытой, свѣтской жизни въ Петербургѣ, которую вели они тамъ...

Половина пенсіи уходила на это. Пришлось совсѣмъ стѣсниться... Отпустили monsieur Жюля, отпустили повара, лакея и одну горничную. Частью продали, частью раздарили, всю свору собакъ, требующую тоже расходовъ. Въ кухнѣ хозяйничала нянька Агафья, взятая въ домъ Зарницына, по совѣту Лары, со второю горничной Сашей...

Лара...

Не смотря на горячій протестъ дѣвушки, Іакимъ Леонтьевичъ оставилъ ее въ пансіонѣ Мецъ, заплативъ за весь учебный годъ за ея ученье.

— Полно, полно,—раздражительно ворчалъ онъ, когда Лара заговаривала объ этомъ.—Жюль стоилъ мнѣ очень дорого,—а пользы было отъ него меньше. Вы же незамѣнимая находка въ домѣ и втрое оплачиваете то, что я сдѣлалъ для васъ. И потомъ, я далъ слово покойному капитану и... и не будемъ, пожалуйста, говорить объ этомъ.

. . . . . .

— Ну, Толя, поднимайся! Помнишь что ты мнѣ обѣщалъ вчера? Идти сегодня со мною въ церковь.

— Ахъ, фея Лара!

Мальчикъ лежитъ еще въ постели и нѣжится на мягкомъ пуховикѣ... Ему тепло и хорошо. Не хочется вылѣзать изъ подъ одѣяла, не хочется никуда идти.

— Ахъ, фея Лара!

— Ну, постой же, маленькій лѣнивецъ! Сейчасъ вставай или я окачу тебя водой!

— Водою нельзя... Папа не позволилъ водою,—лепечетъ мальчикъ,—предусмотрительно однако пряча подъ одѣяло свою чернокудрую головенку.

— Очень я боюсь твоего папы,—улыбается Лара,—и вотъ увидишь сейчасъ.

— Я больной! Меня трогать нельзя.

— Ахъ, скажите на милость! Онъ еще разговариваетъ! Оттого и больной, что нѣженка... въ постели валяется до одиннадцати. Срамота!

— Фея Лара! Улыбнись!.. И поцѣлуй меня, тогда я сейчасъ встану.

— Когда встанешь, тогда и поцѣлую!—звучитъ непреклонный отвѣтъ.

— О, тогда! Я встаю!

— Давно бы такъ. То-то...

Лара идетъ къ дверямъ. На ней скромное, черное траурное платьеце, перешитое изъ платья Риммы, и бѣлый воротничекъ. На ногахъ старыя милыя туфельки—сандаліи, которыя она еще носила лѣтомъ.

Только эти бѣдныя туфельки и остались ей отъ всего ея имущества. Все остальное сгорѣло въ ту роковую августовскую ночь. Теперь она вся облагодѣтельствована Риммой и ея отцомъ. Сможетъ-ли она имъ отплатить когда-нибудь за все это?

Со дня гибели капитана прошло около пяти мѣсяцевъ... Но за эти недолгіе мѣсяцы многое измѣнилось въ Ларѣ. Ея тонкое красивое личико похудѣло и стало серьезнѣе,

глаза русалки не смѣялись какъ прежде веселымъ задорнымъ смѣхомъ. И колокольчикъ-голосъ не звенѣлъ беззаботными нотками, какъ тогда... Но не было унынія въ чуть подернутомъ грустью миломъ личикѣ, не было дикой тоски въ свѣтлыхъ глазахъ.

Лара примирилась со своимъ горемъ и покорно несла посланный ей судьбою крестъ.

Изъ комнатки Толи, дѣвушка прошла въ свою. Здѣсь онѣ спали вмѣстѣ съ Соней и Риммой, здѣсь же и приготовляли уроки.

Марія Александровна ютилась въ дѣтской у Толи, на «бивуакахъ», какъ говорила она. Старикъ Зарницынъ у себя въ кабинетѣ. Свободною оставалась одна столовая, гдѣ и собиралась вся семья.

— Лара, пожалуйста, причеши меня. Мнѣ не справиться съ волосами сегодня!—несется отъ зеркала раздраженный голосъ Риммы.

Блѣдненькая Римма съ утра не въ духѣ... Впрочемъ, она не въ духѣ теперь всегда. Если лѣтомъ ей было скучно и тоскливо въ Зеленомъ Крутѣ, теперь, зимою, когда испарился весь веселый элементъ въ лицѣ Севы, Жюля и Мишеля изъ усадьбы, по выраженію самого адмирала, Римма не знаетъ куда дѣваться отъ тоски.

Вспоминаются прошлыя зимы, когда въ ихъ Петербургской квартирѣ гремѣла музыка, мелькали танцующія пары, слышалась веселая французская болтовня. Тогда отецъ веселилъ ее, не жалѣя своего кармана. А потомъ... пошли долги... разыгралась у него подагра... сократились расходы, переѣхали сюда... Здѣсь — могила... И тоска... Ахъ, какая тоска!

Она смотритъ въ зеркало... Отъ тоски она даже подурнѣла, какъ будто. Неужели это такъ?

Она обращаетъ испуганные глаза на Лару.

— Лара, ты не находишь, что лицо у меня стало желтѣе?

— Нѣтъ.

— Красавица ты, что и говорить!—смѣется изъ своего угла Соня, рѣшавшая задачи.

— Глупая Сонька, не суйся куда не спрашиваютъ!—вспыхнувъ, кричитъ старшая сестра и топаетъ ногой.

— А ты не злись. Подурнѣешь!

Толстая Соня научилась язвить. Уроки ей не даются. Геръ Мецъ требуетъ прилежныхъ и усидчивыхъ занятій, а Соня лѣнива. Если-бы не Лара (Маріи Александровнѣ и безъ того много заботъ по хозяйству), помогавшая ей учиться, ей бы совсѣмъ плохо пришлось. Но Лара и здѣсь дома, и въ пансіонѣ помогаетъ Сонѣ. Она — Соня часто забѣгаетъ изъ своего четвертаго класса въ Ларинъ старшій и за классной доской приготовляетъ уроки.

— Лара,—говоритъ она сейчасъ сквозь зубы (во рту у нея по обыкновенію леденецъ),—Лара, помоги, ничего не понимаю: гляди, тутъ сказано: «Въ одномъ бассейнѣ было...»

— Сейчасъ, только причешу Римму.

Лара ловкими руками распускаетъ волосы старшей Зарницыной и водитъ по нимъ гребнемъ... Римма въ зеркалѣ любуется своимъ изображеніемъ. Нѣтъ, это все глупости, она не подурнѣла нисколько! О, если бы всегда можно было ходить такъ съ распущенными волосами, въ бѣлыхъ шелковыхъ платьяхъ, похожею на принцессу изъ сказки! Да, но на шелковыя платья нужны деньги. А гдѣ ихъ взять, ахъ!

— У насъ есть тетка, дальняя родственница,—говоритъ не отрываясь отъ зеркала Римма.—Она живетъ въ Конотопѣ... И страшно богата... Когда она умретъ—мы получимъ все ея состояніе, какъ единственные наслѣдники, да. Ахъ, когда-то это еще случится!

— Никогда она не умретъ!—снова звучитъ изъ угла Сонинъ голосъ.

— Ахъ, молчи пожалуйста, ты глупа!

Лара ловко укладываетъ коронкой волосы на головѣ Риммы и думаетъ о томъ, какъ можно ждать чьей-то смерти ради полученія наслѣдства.

— Ну, вотъ и готово.

— Спасибо, Лара.

— А теперь еще мнѣ задачу,—и Соня протягиваетъ Ларѣ обтрепанный задачникъ, бумагу и замусоленный карандашъ.

Лара, присѣвъ тутъ же на стулѣ, наскоро соображаетъ и пишетъ... Соня сосетъ леденецъ.

— Ну,—нѣтъ ничего труднаго, черезъ три минуты говоритъ она: — если въ одномъ бассейнѣ... — и она живо вслухъ объясняетъ рѣшеніе.

— Ларочка! Лара!—слышится въ эту минуту за дверьми.—Ларочка, на минуту!

Это голосъ Маріи Александровны и, судя по звуку его, взволнованный и чѣмъ-то недовольный.

— Что случилось?

Въ нѣсколько секундъ пробѣгаетъ корридоръ Лара и она въ столовой.

Марія Александровна взволнованная, красная съ яркими пятнами румянца на лицѣ, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ.

— Нѣтъ это невозможно!—положительно невозможно—говоритъ она,—терпѣнія нѣтъ никакого съ ними. Денегъ нѣтъ... Обѣдъ требуютъ приличный... Адмиралъ вотъ чернаго мяса кушать не можетъ, а откуда взять провизіи здѣсь, въ этой глуши.

У печки, подоткнувъ подъ передникъ руки невозмутимо стоитъ стряпка Агафья.

— Яичекъ-бы, да капустки съ саломъ... Страсть какъ капустку съ саломъ покойный капитанъ любилъ.

— Ахъ, поймите же, адмиралъ боленъ ему нельзя капусты.

— Вѣдь не повѣрю, чтобы православному крещеному человѣку капусты было нельзя!—протестуетъ Агафья.

— Ахъ, Боже мой! Скажите же ей Лара, чтобы она молчала. Elle m'enerve á maurir *)—съ отчаяніемъ въ голосѣ стонетъ гувернантка.

— Молчи, нянька!—говоритъ Лара.—Ты глупости говоришь. Сказано нельзя капусту значитъ и нельзя.

*) Она меня нервитъ до смерти.

— А коли нѣтъ, ничего другого?

— Пойдемъ въ холодушку, я посмотрю, энергично бросаетъ дѣвушка и всѣ трое идутъ въ кухню, оттуда въ сѣни, изъ сѣней въ домашній погребокъ.

Наскоро сообразивъ Лара рѣшаетъ что приготовить изъ скудныхъ запасовъ. Есть остатки телятины,—сдѣлать изъ костей рагу. Помидоры есть,—еще лучше—нафаршировать помидоры, рубленое мясо съ рисомъ можетъ кушать адмиралъ... А на третье плумъ-пуддингъ... Помнишь, нянька, тотъ, капитанскій? а?

Лара задумывается на минуту, поникаетъ черненькой головкой... Потомъ машинально опускается на кадку съ просоленными огурцами, тутъ же въ погребкѣ.

Плумъ-пуддингъ... пуншъ... коротко остриженная голова... Добрая улыбка подъ рыжими усами... Вся суровая молчаливая нѣжность къ ней добраго моряка...

— О!

Тихо срывается стонъ съ дрогнувшихъ губокъ и крупныя слезы капаютъ на черное платье одна за другой, одна за другой.

Маріи Александровны давно нѣтъ въ холодушкѣ,—пошла хлопотать... Только еще Агафья замедлилась надъ карзиной съ помидорами.

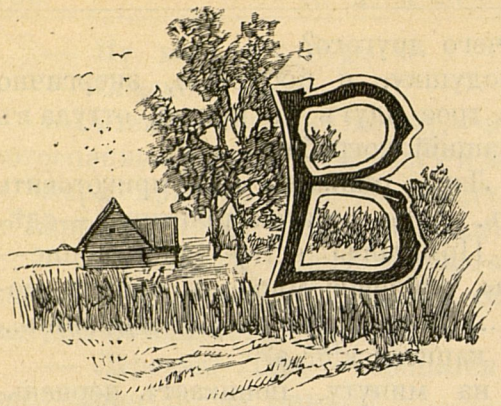
— Ясочка моя! Тяжко тебѣ?

Упавшій до шопота, обычно грубый голосъ стряпки, теперь полонъ невыразимой нѣжности и тоски. Только русская крестьянская душа можетъ такъ отозваться всею глубиною своей на молчаливое горе ближняго.

— Ларинька... Болѣзная, сиротинка моя!

Закорузлыя руки обвиваютъ молодыя плечи... Прижимаютъ юную головку къ груди... И шепчетъ теплый ласковый голосъ надъ головою плачущей Лары:

— Сиротинка ты моя... Былиночка одинокая, храни тя Христосъ, Ларинька! Храни тя Христосъ!—и креститъ торопливо мозолистая рука, прильнувшую къ груди, ея обладательницы, черненькую головку.



XXVI.

Ъ церкви много народу. Все сѣрыя спины, тулупы, теплые кафтаны мужиковъ и ватныя стеганыя кофты женщинъ. Отъ запаха дегтя, овчины и пота не чѣмъ дышать.

Раскраснѣвшійся отъ духоты Толя робко жмется къ Ларѣ. Она боится этихъ бородатыхъ сѣрыхъ людей, боится ихъ хмурыхъ озабоченныхъ лицъ, ихъ покашливаній и мозолистыхъ рукъ, закорузлыхъ и черныхъ.

Напрасно объясняетъ ему въ который уже разъ Лара, что грѣшно бояться русскихъ мужичковъ, что русскій мужичекъ,—самое безобидное существо въ мірѣ, что онъ всю свою жизнь въ работѣ и нуждѣ, оттого и сурово его изможденное лицо и сдвинуты брови. Но что нѣтъ добрѣе на свѣтѣ русскаго мужичка.

Дребезжащимъ старческимъ голосомъ, тянетъ отецъ Ѳедоръ молитвы... Отвѣчаетъ ему гнусавымъ голосомъ съ клироса дьячокъ. Поютъ нестройными голосами ребятишки... Борисъ Горскій управляетъ хоромъ. При входѣ въ церковь онъ обогналъ Лару и ея маленькаго спутника.

— Заходи сегодня съ мальчикомъ. Мать просила... кофе сваритъ... Свѣжіе колобки напекла.

— Спасибо, приду, Боря. А что твоя работа?

Онъ улыбается значительно и лукаво.

— Нѣтъ. Ни слова не скажу. Это мой секретъ.

Ей обидно немножко, что у ея друга есть отъ нея секреты, но она молчитъ.

— Да, секретъ и сюрпризъ. Очень пріятный сюрпризъ для тебя, Лара!

— Для меня?

Надо было войти въ церковь. Говорить было нельзя. Они розошлись.

Хорошую прочувствованную проповѣдь произнесъ съ амвона отецъ Ѳедоръ...

«Положите себя за други своя»,—лежало основной мыслью проповѣди.

Мужички и бабы внимательно слушали и крестились. Слушала и Лара и думала упорно:

— Что сдѣлать, чтобы отрѣшиться отъ личной жизни, вполнѣ, чтобы всю себя отдать на служеніе ближняго. Что дѣлать? Когда она подходила къ кресту, отецъ Ѳедоръ остановилъ ее.

— Что поуспокоилась, малость, дѣточка, послѣ папашиной кончины?

— Да, батюшка!

— Дай Богъ, дай Богъ, отчаяваться грѣшно, Господь съ тобою, и перекрестилъ ее широкимъ крестомъ.

На паперти ихъ окружили бабы.

— Барченокъ-то, гляньте-ка, ровно ангелочикъ Божій,— любуясь Толей, говорили они.

— Чисто—картинка!

— Господь съ тобою, дитятко, расти родителю своему на утѣху.

Мозолистыя руки протягивались къ черной головкѣ и гладили ее любовно поверхъ бархатной зимней шапочки.

— Лариса Сергѣевна,—ты зайди, слышь, къ намъ. Устька моя, слышь второй день лежитъ въ лихоманкѣ,— протискиваясь къ дѣвушкѣ, взволнованно говорила пономариха.

— А я тебѣ, Ларинька барышня золотая наша, яичекъ пяточекъ припасла, вотъ получай!—протиснулась къ ней жена кузнеца Петровна, вынимая изъ кармана бѣлыя крупныя яйца, увязанныя въ платокъ.

— Что-ты, Петровна, что-ты,—вспыхнула Лара.

— Ладно бери, сиротинка, не брезгуй нашимъ мужицкимъ угощеньемъ. Небось, когда моего Кузьку няньчила

въ страду лѣтомъ, да обшивала нашихъ ребятъ, когда безъ дѣла былъ мой-то Данило, небось, брали отъ тебя!..

— Спасибо, Марья!

— То-то спасибо. А и на мать покойницу на Сусанну Пантелѣевну ты страсть какъ похожа стала, Христосъ тебя, храни. Не видитъ тебя покойный баринъ-капитанъ, не дожилъ сердечный,—причитала Марья.

Съ помутившимися отъ слезъ глазами идетъ по дорожкѣ къ кладбищу Лара, покинувъ своихъ друзей.

— Фея-Лара, а онѣ добрыя, правда! Вонъ меня приласкали... О тебѣ, какъ хорошо говорятъ и яичекъ подарили,—лепечетъ по дорогѣ Толя.

— Очень добрые, мальчикъ... Люби ихъ... Люби русскаго мужика Толя. Не брезгуй имъ.

Душа у него золотая и сердце чистое, какъ у дѣтей. Такъ покойный капитанъ говорилъ, Толя!—тихо совсѣмъ тихо добавляетъ она.

На кладбищѣ все бѣло отъ снѣга. Расчищена главная дорожка. И чисто-чисто убрана могила капитана. На ней вѣнки изъ ельника, а кругомъ посыпано поверхъ снѣгу пескомъ.

Чья-то заботливая рука убрала могилу.

И новый крестъ стоитъ съ красивой надписью.

Это дѣло рукъ Зарницына... А еловые вѣнки отъ друзей крестьянъ.

Сердце Лары бьется сильнѣе... Мягкою грустью заволакивается душа.

— О немъ заботятся... Его любили.

И въ этомъ находитъ себѣ нѣкоторое удовлетвореніе печальная душа дѣвушки.

Прежде чѣмъ зайти въ учительскій домикъ заходятъ къ больной Устѣ.

Оставивъ Толю у дверей избы, Лара проходитъ къ больной, озабоченно щупаетъ пульсъ разгорѣвшейся, какъ кумачъ дѣвочки, смотритъ языкъ.

Отъ покойной матери перешло къ ней, это умѣнье обходиться съ больными.

(Къ стр. 192).

— Ничего, ничего, утѣшаетъ она пономариху,—будетъ здорова твоя Устинья. Дай ей малины сушеной передъ ночью, да накрой потеплѣе... Всѣми полушубками, какіе есть въ избѣ, накрой... Пропотѣетъ и къ утру, какъ рукой сниметъ... Слышь, Устя, поправляйся, приходи на озеро, съ горъ буду катать.

Ласково кивая своей маленькой пріятельницѣ, говоритъ Лара.

Черные воспаленные глазенки уже загораются шаловливыми огоньками.

— И бабу сдѣлаемъ изъ снѣга? Ась?

— И бабу, вотъ-вотъ!

Пономариха провожаетъ до крыльца Лару.

— Господь съ тобою, ангелъ ты нашъ! Сиротинка наша ласковая! Какъ успокоить-то умѣешь!

— Какъ тебя всѣ любятъ, фея-Лара!—шепчетъ Толя, когда они оба шагаютъ снова къ зданію школы.

Но она его не слышитъ, погруженная въ свои мысли о томъ, кого уже нѣтъ больше съ нею.

Въ маленькой комнатѣ Горскихъ ихъ ждетъ самоваръ. Чисто вычищенный кофейникъ распространяетъ ароматный запахъ. Сдобные колобки заманчиво выглядываютъ изъ сухарницы. Топленые сливки поражаютъ своей густотой.

— Крошечки мои! Пришли, не забыли старухи!—встрѣчаетъ ихъ Ольга Федоровна и морщинки, такъ и лучатся отъ улыбки на ея добромъ старческомъ лицѣ.

— А Боренька-то все пишетъ!—прибавляетъ она таинственно.—Слышишь, Ларинька, въ Питеръ надумалъ посылать новую работу то... А, что пишетъ и не говоритъ. Секретъ видишь-ли ты, и пуще всего отъ тебя!

— Вотъ какъ!

— Ужъ ты молчи, крошечка, а то обидится онъ.

— Буду молчать, тетечка, буду молчать.

— Ну, а твое сердечко какъ, не болитъ больше, маленькій?—обращается Горская къ Толѣ, съ аппетитомъ уничтожающему кофе и колобъ.

— Благодарю, тетечка, онъ у меня молодцомъ! Все время на воздухѣ гуляетъ, съ горы катается, снѣгъ разгребаетъ. До болѣзни-ли тутъ!—отвѣчаетъ за Толю Лара, и глаза ея снова на мгновенье дѣлаются прежними смѣющимися глазами русалки.

Приходитъ Борисъ.

— А-а, желанные гости! Онъ подхватываетъ на руки Толю, сажаетъ его на плечо.

— Маленькій человѣкъ! Ты кѣмъ будешь? — смѣется онъ, тормоша мальчика.—Адмираломъ, какъ папа?

— Ахъ нѣтъ! Нѣтъ! Или пажомъ феи-Лары или никѣмъ!—съ апломбомъ говоритъ онъ.

— Глупышъ! Да развѣ Лара—королева?

— Моя королева! А я ея пажъ!

— Вотъ такъ отвѣтъ! Ахъ, ты, рыцарь!

Всѣ смѣются.

Послѣ кофе гости торопятся домой.

Надо еще съиграть партію съ адмираломъ въ шахматы. Помочь Сонѣ приготовить уроки и пораньше лечь спать, завтра въ пансіонъ.

Съ уходомъ ихъ Борисъ проходитъ въ отдѣленіе школы. Тамъ на его учительскомъ столѣ лежитъ объемистая тетрадь, заполненная до половины его крупнымъ энергичнымъ почеркомъ.

Борисъ задумывается на минуту, смотритъ на заголовокъ и дѣтски счастливая улыбка играетъ на его молодомъ лицѣ.

— Да ей это будетъ пріятно, очень пріятно,—роняютъ его губы и онъ лихорадочно схватывается за перо...

XXVII.

ЗИМНІЙ студеный вечеръ... Въ столовой потрескиваетъ каминъ. Его красное пламя бросаетъ румяный отсвѣтъ на лица присутствующихъ... Надъ столомъ виситъ лампа подъ зеленымъ колпакомъ. На подносѣ самоваръ допѣваетъ свою незатѣйливую пѣсенку... У камина съ протянутыми и прикрытыми пледомъ ногами опираясь однимъ локтемъ на шахматный столикъ, сидитъ адмиралъ закутанный въ домашній теплый халатъ. Противъ него Лара.

Теперь дѣвушка, два свободные вечера въ недѣлю посвящаетъ Зарницыну, развлекая любимой игрою въ шахматы больного старика... Когда-то она играла съ отчимомъ и выучилась отъ него въ совершенствѣ этому искусству.

Лара—пріятный партнеръ. Она обдумываетъ каждый свой шагъ старательно и разумно. И часто выходитъ побѣдительницей ихъ игры. А адмиралъ Зарницынъ любитъ играть съ сильными противниками.

Въ уголку на креслѣ клубочкомъ свернулся Толя, и не отрываясь слѣдитъ за медленно передвигающимися пѣшками и турами...

Римма сидитъ за столомъ и въ десятый разъ перечитываетъ какую-то книгу.

Марья Александровна тихо совѣщается съ Агафьей по поводу завтрашняго обѣда.

Соня сосетъ свои леденцы, ни о чемъ не думаетъ и то жмурится сладко, то широко раскрывая глаза впивается взглядомъ въ красные уголья камина.

*

— Шахъ королю! — вдругъ неожиданно объявляетъ Лара, такъ громко, что Римма невольно вздрагиваетъ и роняетъ книгу.

— Господи! Я думала по крайней мѣрѣ пожаръ!—тянетъ она недовольно.

— У Риммочки нервы развинтились,—пищитъ Соня.

— Софья!—прикрикиваетъ на нее отецъ и тутъ же почувствовавъ боль въ колѣнѣ, морщится, и хватается за ногу.

— Я привезу вамъ мазь изъ города... Я слышала она помогаетъ,—говоритъ Лара,— хорошо?

— Ахъ, мнѣ поможетъ одна смерть,—ворчитъ брезгливо адмиралъ и желчно смѣется.

— Лара, спой что-нибудь, папѣ! Ему всегда легче, когда ты поешь...—проситъ Римма.

Лара покорно встаетъ.. Идетъ къ роялю...

Что имъ спѣть?

Она думаетъ съ минуту...

Послѣ смерти капитана нѣтъ пѣсенъ въ ея душѣ, но для удовольствія своихъ благодѣтелей чего она не сдѣлаетъ Лара? Часто-часто поетъ она въ этой комнатѣ, согрѣтой горячимъ дыханіемъ камина, за роялемъ, перенесеннымъ изъ гостиной сюда...

Она задумчиво перебираетъ клавиши, потомъ рѣшительно встряхиваетъ черной головкой.

«Кто здѣсь страдаетъ—къ Христу идите за спасеніемъ: Онъ васъ зоветъ...»

Срываются съ губъ дѣвушки тихіе, проникновенные, мелодичные звуки... и несутся по большой сводчатой комнатѣ и летятъ дальше, заглушенные закрытыми дверьми, дальше въ залу, въ гостиную, разносясь по всему дому.

Хорошо поетъ Лара... Свѣжій молодой голосъ рвется изъ груди свободной бархатной волною...

Летятъ, перегоняя другъ друга, звучные, серебристые, кристально чистые звуки, какъ струйки лѣсного ручья.

«Онъ васъ спасетъ...»—выводитъ молодой голосъ слова гимна.

Замолкли боли въ ногѣ у больного Зарницына, затихъ въ креслѣ, погруженный въ свои грезы Толя, убаюканный пѣніемъ дѣвушки. Замечталась Римма, позабывъ о книгѣ... Даже Соня, оставивъ леденцы, съ широко раскрытымъ ртомъ, слушаетъ пѣвицу. А стряпка Агафья стоя, пригорюнившись, у печки, не разъ уже смахиваетъ передникомъ катившіяся по лицу слезы.

— Смотрите, Толя уснулъ!—неожиданно оборвавъ на полусловѣ пѣніе, произнесла Лара.—Я отнесу его въ постель.

Она быстро на ципочкахъ отходитъ отъ рояля, приближается къ дѣйствительно уснувшему мальчику и, поднявъ его, легкаго какъ перышко, несетъ въ дѣтскую.

Когда ея тоненькая фигурка въ черномъ какъ у монашки платьѣ скрывается за дверьми, адмиралъ проводитъ рукою по сѣдымъ волосамъ и говоритъ тихо, точно въ раздумьи:

— Прекрасный голосъ. Я увѣренъ, что въ немъ таятся цѣлыя сокровища. Какъ жаль что нѣтъ средствъ учить ее дальше... Въ музыкальную школу, въ консерваторію нельзя опредѣлить... А дѣвушка — золото и стоитъ этого.

— Хорошая дѣвушка! — подтверждаетъ Марія Александровна.

— Да. Съ тѣхъ поръ какъ она поселилась въ нашемъ домѣ, какъ-то легче переносятся невзгоды... Толя правъ. Она, дѣйствительно, маленькая добрая фея. И я былъ-бы радъ, если-бы мои дочери были похожи на нее!—не то про себя, не то вслухъ произнесъ Іоакимъ Леонтьевичъ.

— Но, папочка, вѣдь и мы же не очень дурныя!—проронили блѣдныя губки Риммы и не то улыбка, не то гримаска повела ея лицо.

— Не дурныя... нѣтъ... конечно... но нѣтъ у васъ этой силы, выносливости и умѣнья примѣняться къ обстоятельствамъ жизни, какъ у нея. Взгляните только на эту духовную бодрость. Какъ она несетъ свое горе... А ты, напримѣръ, отъ пустяковъ, отъ скуки, готова страдать и му-

читься Богъ знаетъ какъ. А Соня... Ну про нее и говорить нечего, далеко ей до Ларисы...

— Папочка!..—обидчиво протянула дѣвочка—ты меня не любишь, если, если...—и она совсѣмъ по дѣтски растянула губы въ слезливую гримасу.

— Ахъ, не хнычь, пожалуйста!—поморщился отецъ.

— Я, я... не виновата, что не талантливая и что не могу пѣть, какъ... Лара,— продолжала Соня.

— Молчи. Не въ этомъ дѣло. А лѣниться и плохо заниматься ты можешь? Вонъ, на прошлой недѣлѣ опять за французскій единицу привезла... Все время шла на помочахъ, то съ Марьей Александровной занималась, то съ monsieur Жюлемъ, а выучилась чему-нибудь? Стыдись! Лара же никогда никакихъ репетиторовъ не имѣла, а между тѣмъ, какъ она хорошо идетъ по всѣмъ предметамъ и языкамъ.

И долго еще звучалъ въ столовой недовольный и раздраженный голосъ больного человѣка, доказывающій младшей дочери всю несправедливость ея словъ. . . . .

. . . . . .

Давно спитъ разметавшись въ постели Толя, давно спитъ и старый адмиралъ. Въ комнатѣ барышень тоже тихо... Должно быть уснули и онѣ.

Марья Александровна въ столовой щелкаетъ на счетахъ, подводя мѣсячный итогъ хозяйственныхъ счетовъ. Въ ея отсутствіи Лара сидитъ въ «дѣтской» неподалеку отъ окна. Съ Толиной кровати доносится мѣрное дыханіе спящаго мальчика.

Лара задумчиво смотритъ на красный огонекъ лампады, зажженной передъ образомъ, на ликъ Нерукотворнаго Спаса, рельефно выдѣляющійся съ полотна... На душѣ ея сладкая грусть и тихія, какъ грезы, воспоминанія.

Сегодня она пѣла любимую вещь капитана. И ближе, ближе надвинулась къ самому сердцу глубокая тоска по немъ. Стихли постепенно голоса въ домѣ... Только издали

доносится до слуха дѣвушки методичное пощелкиваніе счетныхъ костяшекъ, да лай голодныхъ собакъ на селѣ.

Въ тишинѣ легче и свободнѣе вспоминается о быломъ. Сладкая грусть томитъ ее все сильнѣе, все глубже... Странный туманъ окутываетъ голову... А глаза съ иконы смотрятъ прямо въ душу, кроткіе, прекрасные, всеспрощающіе глаза...

Огонекъ лампады то тихо мерцаетъ, то разгорается ярче, освѣщая кроткій, страдальческій Ликъ...

Что было бы, если-бы онъ вошелъ сюда сейчасъ, дорогой покойникъ,—невольно пронеслась мысль въ головѣ Лары,—вошелъ въ своемъ бѣломъ кителѣ на распашку, въ фуражкѣ на коротко-остриженной головѣ. О, она бы ничуть не испугалась его, Лара!

Она бы бросилась къ нему, обвила его ноги руками, она бы вымолила у него прощеніе, за ея неласковость съ нимъ. Она бы приласкала его дорогого отца, какъ никогда не ласкала при жизни.

О, Господи! Если-бы все это могло случиться такъ!

Смутное чувство, жуткое чувство нетерпѣливаго ожиданія передъ чѣмъ-то неминуемымъ, что должно было сейчасъ случиться, охватило Лару. Ей показалось, вдругъ, что здѣсь въ этой комнатѣ она не одна... Что кто-то невидимый присутствуетъ, невидимый ей покамѣстъ.

Холодокъ пробѣжалъ по всему тѣлу дѣвушки. Что-то потянуло ее подняться съ кресла... Какая-то невидимая сила повернула къ окну...

Она подняла глаза на заиндѣвшія отъ мороза стекла и отшатнулась, вздрогнувъ съ головы до ногъ, отъ окна.

Какая-то тѣнь темнымъ силуэтомъ прильнула къ нему снаружи...

XXVIII.

Въ первую минуту Ларѣ показалось, что она грезитъ... Стоитъ только открыть глаза и видѣніе исчезнетъ тамъ за окномъ... Она зажмурилась, потомъ снова подняла вѣки... Темный призракъ не отходилъ... Прильнуло къ стеклу снаружи что-то похожее на голову въ шапкѣ... Что-то задвигалось, словно закачалось тамъ за окномъ. Если-бы тамъ росли кусты и деревья— все было-бы понятно. Но въ этомъ уголку двора ихъ не было совсѣмъ... Лара, потерявшаяся было въ догадкахъ, успѣла сообразить это...

И вдругъ, легкій стукъ въ окошко разсѣялъ послѣднія предположенія дѣвушки. Чья то рука ударила въ стекло тихимъ, чуть слышнымъ робкимъ звукомъ.

— Неужели Борисъ? Не случилось-ли чего съ Ольгой Федоровной? Но въ такомъ случаѣ, почему же онъ не идетъ въ домъ, а вызываетъ ее въ окно...

Нѣтъ, значитъ не онъ.

Лара вздрогнула снова...

Теперь уже ясно и четко во мглѣ ночи обозначилось смутно на стеклѣ очертаніе чьего-то незнакомаго лица.

И опять робкимъ ударомъ пальцевъ возвѣстилъ о себѣ невѣдомый гость.

— Надо пойти, узнать...

Не раздумывая больше, Лара на цыпочкахъ выскальзываетъ въ корридоръ, накидываетъ на себя мимоходомъ теплый, забытый на сундукѣ платокъ Агафьи и легкой тѣнью скользитъ дальше черезъ кухню, въ сѣни, на крыльцо.

Съ грохотомъ отскакиваетъ тяжелый крюкъ отъ двери... И она на дворѣ.

— Кто здѣсь?—посылаетъ она въ темноту ночи.

— Я! Не безпокойтесь пожалуйста. Это — я! Вы не знаете меня все равно, но я васъ знаю... Не бойтесь. Я долженъ говорить съ вами. Выйдите на минуту сюда... доносится до ея ушей негромкій голосъ. Знакомый и незнакомый въ одно и тоже время. Гдѣ она слышала его?

Кто-то съ трудомъ пробирается къ крыльцу по занесенной снѣгомъ дорожкѣ.

— Простите! Я, кажется испугалъ васъ?

Передъ ней словно изъ подъ земли выросъ высокій человѣкъ въ теплой шинели, въ мѣховой шапкѣ.

И опять таки, что-то знакомое и незнакомое въ одно и тоже время глядитъ на нее съ этою продолговатою, законченною темной бородкой лица.

— Не узнали?—говоритъ онъ съ улыбкой и протягиваетъ руку... — А помните тамъ, въ подземной часовнѣ... весною... вы встрѣтили меня и накормили тогда. И душу накормили тоже своимъ яснымъ дѣтскимъ довѣріемъ къ моимъ словамъ, вѣрой въ порядочность мою.

Да, да!.. Теперь она его узнала сразу. Темные глаза, эти губы, бородку...

— Ахъ, такъ это вы!

— Да. Я пріѣхалъ къ вамъ нарочно. Я пробовалъ искать мельницу, но не нашелъ ее.

— О! возгласъ похожій на стонъ срывается съ губъ Лары.

— Да. Ужасное несчастье... Утѣшать въ такихъ случаяхъ — пошло и безполезно. Крестьяне мнѣ разсказали все. Послали сюда. Еще разъ простите, что испугалъ

васъ, появившись, такъ неожиданно. Но мнѣ необходимо было васъ повидать. Я шелъ наугадъ и вотъ, добрался до васъ. Гдѣ я могу поговорить со вами? закончилъ онъ вопросомъ свою недолгую рѣчь.

— Въ домѣ уже всѣ спятъ. Одна гувернантка сводитъ счета въ столовой. Но я проведу васъ въ нежилую половину, въ залу. Идемъ!

И Лара поспѣшно зашагала въ сѣни, сдѣлавъ знакъ молодому человѣку слѣдовать за ней.

Изъ кухни шелъ небольшой корридорчикъ на противоположную половину, гдѣ находились зала, гостиная и пустыя теперь комнаты молодежи.

— Вотъ присаживайтесь. Спички со мною. Здѣсь есть лампа. Я освѣщу залу,—хлопотливо шмыгая по комнатѣ роняла дѣвушка.

Въ одну минуту освѣтилась холодная, неуютная горница со старыми клависсинами въ углу, съ портретами предковъ на стѣнахъ.

— Сядемъ!—предложила Лара.—Да не раздѣвайтесь, здѣсь—волчій холодъ, мы не топимъ этихъ комнатъ. Чѣмъ могу служить?

— Нѣтъ, служить вамъ буду теперь я, — произнесъ незнакомецъ.—Я долженъ отслужить вамъ за то, что вы сдѣлали мнѣ...—добавилъ онъ съ горячностью.

— Но... я... ничего, ничего ровно не совершила такого за что-бы меня можно было благодарить,—робко заикнулась Лара.

— Вы должны выслушать меня. Полъ года, нѣтъ больше, восемь мѣсяцевъ тому назадъ у моего хозяина богатаго хлѣбнаго торговца, я служу у него главнымъ приказчикомъ, пропала значительная сумма денегъ изъ бюро. Такъ какъ завѣдывалъ его кассою я-же, то естественно, что всѣ подозрѣнія обрушились на меня. Крутой суровый купецъ не разбирая дѣлъ обвинилъ меня въ кражѣ и предалъ властямъ. Разумѣется, мнѣ слѣдовало терпѣливо дожидаться выясненія дѣла и поимки настоящаго вора, но... но у меня далеко въ Сибири есть мать

старушка и сестра... Ихъ бы убила вѣсть о томъ, что ихъ Николай, я, то есть,—воръ и преступникъ. И я бѣжалъ: бѣжалъ къ нимъ, сначала успокоить ихъ, предупредить злыя вѣсти. Друзья помогли мнѣ сдѣлать это. Но такъ-какъ все еще бушевала буря поднявшаяся вслѣдствіе моего бѣгства, то надо было выждать уѣзжать изъ города, гдѣ на каждой станціи меня могли схватить. Тогда друзья меня скрыли въ подземной часовнѣ... Имъ было трудно навѣщать меня. Они боялись навести на мои слѣды полицію, власти... Вотъ почему по три, по четыре дня приходилось мнѣ не получать пищи, которую они приносили съ собой. Въ одинъ изъ такихъ интерваловъ вы и нашли меня, чуть живого, ослабѣвшаго и накормили...

— Каждый человѣкъ сдѣлалъ-бы это на моемъ мѣстѣ!—горячо вырвалось изъ груди Лары.

— Можетъ быть... Вы правы...—произнесъ онъ серьезно,— накормилъ-бы каждый мало-мальски сердечный человѣкъ... Но... но вы помните? Вы повѣрили мнѣ, несмотря на всю несуразность моего положенія, скрывающагося, отъ людей затравленнаго волка, вы повѣрили мнѣ, въ мою невинность и протянули мнѣ довѣрчиво руку, когда я сказалъ, что нѣтъ преступленія на моей душѣ. А это довѣріе много цѣннѣе тѣхъ кусковъ мяса и хлѣба, которыми вы накормили меня. И моя старушка мать и моя сестра, узнавъ обо всемъ этомъ, благословили васъ, милая дѣвушка. Они и сейчасъ горячо молятся за васъ и будутъ всегда васъ помнить, не зная.

Незнакомецъ замолкъ на минуту, потомъ заговорилъ снова.

— Я не долго пробылъ тогда у нихъ, боясь каждую минуту, что мой слѣдъ разыщутъ, нагрянутъ власти и меня арестуютъ. Я прятался въ бѣдномъ домикѣ моей матери до тѣхъ поръ пока не выпала на мою долю возможность скрыться за границу. Кой-какія маленькія сбереженія были у меня и на нихъ я уѣхалъ.

Тамъ, кочуя изъ города въ городъ, я не переставалъ

надѣяться на то, что правда, въ концѣ концовъ восторжествуетъ. И не ошибся. Настоящій воръ былъ найденъ. Мой патронъ написалъ моей матери полное разскаянія, въ незаслуженномъ обвиненіи ея сына—письмо, умоляя мать дать ему возможность найти меня, чтобы загладить свою вину передо мною. Когда я вернулся къ нему въ Россію, онъ сдержалъ свое слово. Онъ принялъ меня съ распростертыми объятіями, какъ сына и щедро одарилъ меня за пережитыя волненія и позоръ.

Конечно, никакими деньгами, никакимъ золотомъ нельзя вознаградить за такую обиду... какъ никакими суммами невозможно отблагодарить за оказанную услугу—какую вы оказали мнѣ тогда, милая дѣвушка, когда меня травили какъ загнаннаго звѣря, но вы должны раздѣлить со мною то, чего-бы лишился я, погибнувъ тогда съ отчаянія и голода тамъ въ подземельѣ.

И сказавъ это, молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана какой-то пакетъ и передалъ его Ларѣ.

— Что это?—изумленно проронила она.

— Деньги. Ничтожная сумма въ сравненіи съ тѣмъ, что было вами сдѣлано для меня.

Другую половину я послалъ матери. Здѣсь двѣ съ половиной тысячи.

— Двѣ тысячи? Мнѣ?

Глаза Лары раскрылись широко.

Какая добрая фея прислала къ ней этого человѣка со своими дарами?

Двѣ съ половиной тысячи! О, сколько можно сдѣлать на нихъ!

Во-первыхъ отдать по принадлежности то, что затратилъ на нее Зарницынъ... Адмиралъ самъ нуждается теперь, какъ послѣдній бѣднякъ... Во-вторыхъ устроить получше могилу капитана, (о, завѣтная мечта!) въ третьихъ поѣхать въ Петербургъ въ слѣдующую зиму, по окончаніи пансіона и поступить на курсы пѣнія... Ахъ, какъ ее тянетъ туда, Лару... Вѣдь, если она выучится пѣть настолько, чтобы потомъ давать

уроки, она будетъ въ состояніи помогать своимъ заработкомъ пріютившей ее семьѣ. Какъ все это хорошо!

Глаза ея загорѣлись счастливыми огоньками, лицо вспыхнуло, засіяло.

Впервые со смерти отчима почувствовала она толкнувшуюся въ сердце радость.

И вдругъ померкла радость...

Какъ молотъ ударила въ голову мысль.

Развѣ ты имѣешь право на эти деньги?

Подумай хорошенько! Подумай! Что за подвигъ сдѣлала ты? Или то пустячное, что было совершено тобою, требуетъ такой награды? Опомнись, Лара! Гдѣ совѣсть твоя.

Гдѣ совѣсть моя? Да!—почти вслухъ прошептала дѣвушка и сильно, почти грубо оттолкнула протянутую ей съ конвертомъ руку.

— Я не нищая и въ подаяніяхъ не нуждаюсь,—рѣзкими нотками зазвучалъ ея голосъ... И... и не смѣйте оскорблять меня! Я, кажется, начну раскаяваться въ томъ, что сдѣлала тогда для васъ въ тотъ вечеръ... А теперь... простите... Я здѣсь въ чужомъ домѣ и не смѣю располагать имъ для своихъ гостей!—съ ледяною холодностью добавила она, поднимаясь съ мѣста.

Молодой человѣкъ былъ пораженъ. Этотъ тонъ... Эти рѣзкія слова... Эта враждебность, въ загорѣвшемся взглядѣ. Та-ли это добрая дѣвушка, которая съ такимъ участіемъ отнеслась къ нему.

Онъ поднялся тоже, подавленный, угнетенный...

— Право, я не заслужилъ кажется, — проговорилъ онъ.—Я не хотѣлъ васъ обидѣть... простите...

— Пожалуйста, не извиняйтесь, вы не виноваты ни въ чемъ! также холодно проронила она, проходя впереди и освѣщая ему дорогу.

Въ сѣняхъ, у крыльца они простились...

Онъ говорилъ еще что-то о своей винѣ, объ обидѣ, неловкости, о томъ, что она не поняла его, что онъ по

товарищески, какъ обязанный ей по гробъ жизни человѣкъ, рискнулъ надѣяться... просилъ принять...

— Нѣтъ, нѣтъ! перебивая его, произнесла она твердо, этого не должно быть... И видя его смущенное лицо добавила уже мягче своимъ милымъ голосомъ прежней Лары.

— Поѣзжайте съ Богомъ! Вы въ селѣ у Пахома остановились? Спасибо, что вспомнили меня... Спасибо! Счастливый путь!

И крѣпко своими горячими пальцами пожала его руку.

Потомъ загремѣлъ блокъ затворяемой двери... Звякнулъ крюкъ... И Лара прошла въ кухню. . . . . .

. . . . . .

— А я все видѣла! все!

— Соня! Ты еще не спишь?

— Все! Все теперь знаю! Хваленая! Примѣрная! Папа намъ тебя сегодня въ примѣръ ставилъ... А ты... ты... Тайны какія-то отъ насъ имѣешь... Секреты... Какихъ-то темныхъ личностей принимаешь безъ спросу... Кто это? Можетъ быть поджигатель, мазурикъ, воръ! А ты его въ залъ водила! Все скажу!—все разскажу папѣ, Риммѣ, Маріи Александровнѣ, всѣмъ!

Соня была какъ изступленная... Ея глаза прыгали и горѣли. Лицо пошло красными пятнами отъ волненія. Она, Соня, нашла наконецъ способъ чѣмъ досадить этой примѣрной Ларѣ, которую такъ хвалитъ отецъ. Что «примѣрная Лара» такъ часто выручаетъ Соню, проходя съ нею уроки и задачи, объ этомъ Соня сейчасъ совсѣмъ позабыла. Давно уже ее гложетъ зависть къ Ларѣ, къ этой «доброй феѣ дома» какъ о ней всѣ думаютъ и говорятъ.

Вотъ тебѣ и добрая фея!

— Ха, ха, ха! Все теперь скажу! все! все! все!

Лара поднимаетъ на дѣвочку удивленные глаза.

— Что ты знаешь?

— Все скажу папѣ! Все! Не завтра, такъ въ слѣдующую субботу, вотъ! Онъ думаетъ что ты тихая, свя-

тоша, вся на изнанку выворачиваешься передъ нами, а ты—темная личность, потому что съ такими же темными личностями знакомство водишь. Ну, кто это былъ? Зачѣмъ? А? Зачѣмъ прокрался черезъ кухню? Не стучалъ у подъѣзда... И такъ поздно... Зачѣмъ? Ага? Молчишь?

Лара дѣйствительно молчала, впервые не зная что отвѣтить.

Глупая дѣвочка застала ее врасплохъ. Не разсказывать же ей было ту далекую давнюю исторію про ихъ весеннее поломничество въ часовню... Про странную встрѣчу въ подземельномъ ходѣ, когда все это произошло такъ необычайно, такъ фантастично точно въ романѣ.

Кто повѣритъ этому? А еще имѣетъ-ли она право раскрывать чужую тайну? Вѣдь молодой человѣкъ, только что пріѣзжавшій сюда, не уполномочивалъ ее разсказывать о своемъ печальномъ эпизодѣ. Правда, случай съ нимъ, должно быть, уже былъ напечатанъ въ газетахъ. Пусть такъ! Но насколько пріятно будетъ ему, если узнаютъ другіе о томъ какъ онъ скрывался и гдѣ, это другое дѣло. Нѣтъ, нѣтъ, чего бы это ей не стоило она никому не разскажетъ о немъ.

— Ага, молчишь? Значитъ виновата? Ага! Ну, вотъ! Ну, вотъ! Папа и узнаетъ все!—видя ея смущенный, разстроенный видъ, торжествовала Соня.

Что-то точно обжигаетъ Лару... Что-то буйное, какъ знойный вихрь поднявшееся со дна души, бросаетъ ей краску въ лицо, гнѣвный огонь подъ темныя рѣсницы.

Возмущенно закипаетъ давно уже не испытываемая злобой душа...

— Слушай, ты,—громко и отчетливо говоритъ она Сонѣ, нервно сжимая ея руку,—не твоего ума это дѣло, копаться въ томъ, что недоступно для тебя... И оставь меня въ покоѣ... Ничего ты отъ меня не узнаешь. Слышишь? Ни-че-го!

У той лицо изъ насмѣшливаго и злого, дѣлается вдругъ сразу дѣтски-испуганнымъ и плаксивымъ.

— Руку! Оставь руку. Больно! пищитъ она стараясь освободить свои пальцы изъ сильной и горячей руки Лары.

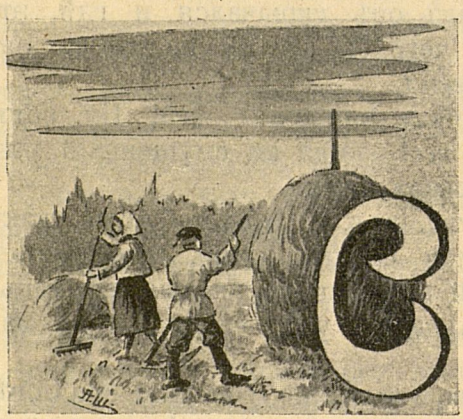
— Ступай спать! властнымъ голосомъ приказываетъ дѣвушка и слегка отталкиваетъ ее отъ себя. Этотъ властный голосъ сразу «поднимаетъ» Соню. Вся ея нахлынувшая, было, робость подавляется новой вспышкой злости и негодованія...

— Какъ? Эта жалкая нищая дѣвченка, которую изъ милости держатъ у нихъ въ домѣ, за которую платитъ теперь въ пансіонъ ея отецъ, смѣетъ еще разговаривать съ нею тономъ царицы! Соня буквально «заходится» теперь отъ обуявшей ея злобы.

— Скажу! Скажу! Не завтра, такъ въ субботу скажу. Къ праздничку къ самому приготовлю сюрпризецъ. Вотъ увидишь, увидишь!—кричитъ она.

Лара не слышитъ ея словъ.

Погруженная въ свои мысли, дѣвушка проходитъ въ спальню...



XIX.

Ъ утра понедѣльника Виконтесса явилась очень торжественная въ классъ.

Въ рукахъ она несла красивую, трехфунтовую бомбоньерку, всю розовую плюшевую, со вставленнымъ въ середину крышки хорошенькимъ зеркальцемъ.

— Сегодня мое рожденіе. Вотъ эти часики подарилъ мнѣ папа, а дядя маминъ братъ эту коробку, заявила она классу...

На тоненькой золотой цѣпочкѣ у нея висѣли, прехорошенькіе миніатюрные, дамскіе часики, восхищавшіе не только самое Виконтессу, но и весь классъ.

(Къ стр. 200).

— Сегодня послѣ обѣда я угощаю всѣхъ, — весело произнесли хорошенькія губки дѣвушки.

— Я люблю засахаренные каштаны... Есть у тебя засахаренные каштаны? — отозвалась татарочка Батманова, заглядывая въ коробку.

— Врешь, халатикъ, ты любишь Лару!—засмѣялась Мила.

— О Лара! Лара это—послѣ Аллаха—все!—пылко проговорила темноглазая дѣвочка похожая своимъ изяществомъ и миніатюрностью на прелестнаго ребенка.

— И такъ, послѣ обѣда мы пируемъ! Де-Ленъ, ты можешь принять насъ запросто, не дѣлай, дитя мое, прически ради торжественнаго дня! Не стоитъ!—покровительственно похлопывая Виконтессу по плечу, острила Мила.

— Но, но... руки прочь!...—вспыхнула де-Ленъ.

— Господа! Я предлагаю сказать маленькое привѣтствіе въ честь новорожденной! И Анюта Пѣгина вскочила на каѳедру. Но привѣтствія сказать не пришлось. Вошелъ учитель французъ, monsieur Egal и начался урокъ.

Слѣдомъ за monsieur Egal'емъ, постоянно не упускавшемъ случая острить надъ своей фамиліей вродѣ того, что «хотя онъ и Egal *) но ему все—fortegal и онъ всегда готовъ поставить лѣнивой ученицѣ по единицѣ», и такъ слѣдомъ за урокомъ monsieur шли другіе уроки... Шумное колесо пансіонной дневной машины вертѣлось неустанно, бойко... Приходили и уходили преподователи, вызывались и отвѣчали ученицы. Незамѣтно подходилъ къ концу рабочій день. Въ пять обѣдали. Въ половинѣ шестого возвратились въ классы.

— Къ шести часамъ пришлютъ еще фрукты и печенье,—сказала де-Ленъ подругамъ.

— Ого! Мы покутимъ!

— Съ днемъ рожденія, очаровательнѣйшая,—и Мила Рудинская расшаркалась какъ мальчишка передъ своей красивой товаркой.

— Маргарита... Де-Ленъ? Сколько тебѣ стукнуло сегодня?

*) Все-равно.

— Господа! Неприлично спрашивать о лѣтахъ у великовозрастныхъ барышень!

— Дѣвицы! А не устроить-ли намъ «плясъ» по случаю торжественнаго дня?

— Ахъ, милочки, какая прелесть!

Нѣсколько дѣвушекъ сгруппировались вокругъ Марго, любуясь изящнымъ ящикомъ.

— Какая прелесть!

Марго снисходительно улыбнулась. Сегодня въ восемнадцатилѣтнюю годовщину своей жизни она казалась себѣ совсѣмъ взрослой барышней, гораздо болѣе взрослой нежели ея подруги.

— А что всего лучше въ бомбоньеркѣ — произнесла она съ тою-же подзадоривающей усмѣшкой — такъ эти конфекты. Онѣ не здѣшнія, ихъ дядя привезъ вчера изъ Москвы. Нарочно спѣшилъ попасть ко дню моего рожденія,—не утерпѣла похвастаться де-Ленъ.

— И такъ, да здравствуетъ пиръ!—весело говорила Полипко, — Де-Ленъ. Я спою въ честь тебя что ты пожелаешь.

— Только не пой... Скажите ей, чтобы она не пѣла, а то ничего не получитъ въ наказанье, — шутливо замѣтила одна изъ дѣвочекъ.

— Господа! Приглашаю весь классъ на маленькій раутъ! Prenez places mesdemoiselles *)—подняла свой негромкій голосъ Марго.

— Какъ, а урокъ гимнастики? Госпожа Лоскуткова уже пришла и дожидается васъ въ залѣ.—И Вѣра Степановна Качалова, какъ злой геній, предстала передъ только что уютно устроившимися и приготовившимися къ пиру пансіонерками.

Нечего дѣлать надо было идти, сначала въ спальню переодѣться въ ситцевые темные нарочно сдѣланные для гимнастики халаты, а оттуда въ залъ.

Роскошная бомбоньерка осталась стоять на партѣ Виконтессы...

*) Занимайте мѣста, барышни.

— Ба! Гдѣ-же старшія?

Въ полуоткрытую дверь просунулась голова Сони Зарницыной.

Ей уже надоѣло дуться на Лару. Всю дорогу сюда, всѣ двадцать верстъ, сдѣланныя на Буланкѣ лошади глухого Терентьича, Соня дулась, молчала и волкомъ смотрѣла на свою спутницу. Сейчасъ-же въ пансіонѣ раздраженіе ее утихло и, не злая по натурѣ, а только вспыльчивая и завистливая дѣвочка уже начала раскаяваться въ своемъ вчерашнемъ поступкѣ съ Ларой. А тутъ еще нѣмецъ задалъ трудный переводъ къ завтрашнему дню, а нѣмецкіе переводы для лѣнивой и разсѣянной Сони были по истинѣ наказаніемъ Божіимъ. Поневолѣ приходилось идти съ повинной къ Ларѣ. Извиниться передъ нею и попросить ея помощи.

И Соня, скрѣпя сердце, зашагала въ отдѣленіе старшихъ.

— Что-жъ это значитъ? Никого нѣтъ! Да... вѣдь у нихъ классъ гимнастики нынче!—неожиданно вспомнила она.— Ну, дѣлать нечего. Приду въ другой разъ! И она направлялась уже было изъ классной какъ неожиданно взоръ ея упалъ на розовую бомбоньерку, стоящую на партѣ.

— Ахъ! что это?

На ципочкахъ, вся охваченная любопытствомъ, Соня крадется къ столу Виконтессы...

— Вотъ красота!—невольно срывается съ ея устъ и она со сѣхъ сторонъ разглядываетъ коробку.

— Какая хорошенькая вещь! Интересно знать, что въ ней!

Осторожно своими пухлыми пальцами она пріоткрываетъ крышку.

— Конфекты! Какія прелестныя! О!

Соня съ минуту любуется на правильными рядами уложенныя, такія заманчивыя конфекты, потомъ протягиваетъ руку, беретъ самую красивую и вкусную на видъ и кладетъ ее себѣ въ ротъ.

*

— Что за бѣда, что попробую одну штучку. Не убудетъ отъ одной въ коробкѣ,—рѣшаетъ она, какъ-бы, успокоивая свою совѣсть, смутно заговорившую въ ея душѣ.

Конфекта, дѣйствительно, оправдала свой красивый видъ, — она идеальна и на вкусъ тоже. Славно растаяла она на Сониномъ языкѣ... Что же касается лакомства, то Соня ничего лучшаго не знаетъ и въ мірѣ. Она такая сладкоѣшка какой не отыщется другой въ цѣломъ мірѣ.

И потомъ, эти роскошныя на видъ и на вкусъ бомбошки куда очаровательнѣе тѣхъ примитивныхъ паточныхъ „сельскихъ“ леденцовъ, на которые она Соня Зарницына тратитъ теперь всѣ свои скромныя карманныя суммы. Немудрено поэтому, что послѣ первой конфетки, слѣдуетъ вторая... За второй третья, а потомъ четвертая, пятая, шестая... Теперь уже Соня не думаетъ ни о чемъ... Ей некогда думать... Она вся погрузилась въ испытуемое ею наслажденіе...

Какъ давно давно не ѣла она такихъ конфектъ! О томъ, что это чужая собственность, и что присвоеніе чужой собственности, такъ или иначе, называется воровствомъ менѣе всего думаетъ Соня.

Она ѣстъ, ѣстъ и ѣстъ... Ѣстъ съ упоеніемъ, причмакивая, прищелкивая, смакуя... Какое дивное наслажденіе испытываетъ она сейчасъ!

Опомнилась Соня только тогда, когда на днѣ коробки осталось всего нѣсколько прилипшихъ раздавленныхъ и самыхъ невкусныхъ повидимому «штучекъ»... Но и эти немногіе остатки, Соня не пожелала обижать. Она уже принялась было при помощи лежащихъ тутъ же щипчиковъ отдирать прилипшія конфеты отъ дна бомбоньерки, какъ неожиданно пріоткрылась классная дверь...

— А гдѣ же дѣвицы?—послышался дѣтскій голосокъ съ порога. И въ дверяхъ показалась маленькая фигурка Цыпки. Вся вспыхнувъ отъ испуга и стыда Соня быстро захлопнула коробку.

— Неужели видѣла?—тревожно пронеслась въ головѣ

ея быстрая, какъ молнія мысль. И она грубо накинулась на дѣвочку.

— Что тебѣ надо, Ларчикова? Что ты шляешься по чужимъ классамъ?—закричала она, совершенно забывая о томъ, что и у нея самой столько же права сколько и у маленькой Любы на этотъ классъ.

— Но я... я... Мнѣ надо было Зарочку Батманову... Она мнѣ обѣщала дать почитать сказки...—залепетала испуганная малютка.

— Убирайся вонъ. Никакой Зарочки тутъ нѣтъ, еще грубѣе накинулась на нее Соня и, подскочивъ къ совсѣмъ уже оробѣвшей дѣвочкѣ, вытолкала ее за дверь.

— Что это значитъ, Соня? За что ты обижаешь Цыпку?

Знакомый голосъ дрожитъ негодованіемъ...

— Что это значитъ?

Лара стоитъ у дверей и зоркими глазами обводитъ дѣтей. Что-то подозрительное кажется ей во всемъ этомъ. Эта красная какъ піонъ Соня и робкая испуганная Любочка... И потомъ, отчего у Сони такіе бѣгающіе по сторонамъ глаза и смущенная растерянная улыбка?

Нѣтъ, что-то произошло здѣсь, очевидно. Не даромъ же такъ тянуло ее—Лару сюда изъ зала и она поспѣшила въ классъ, отпросившись съ урока гимнастики.

— Соня, что это значитъ?

— Ничего не значитъ, отстань пожалуйста!—звучитъ сердитый отвѣтъ.

Когда Соня не права, она дѣлается грубой и злой.

— Цыпка! А ты мнѣ ничего не скажешь?

Лара поднимаетъ за подбородокъ личико дѣвочки и смотритъ въ ея испуганные глазки.

— Ну, иди съ Богомъ, дѣтка, очевидно вины за тобой нѣтъ никакой.—И она ласково улыбается робкой, смущенной Любочкѣ. Та дѣлаетъ книксенъ и уходитъ.

— Тебѣ нужно что-нибудь отъ меня Соня?

Лара проходитъ въ классъ, впереди Сони, къ своему мѣсту и вдругъ замѣчаетъ безпорядокъ на пипитрѣ Ви-

контессы. Роковая бомбоньерка открыта. И о, ужасъ! въ ней уже нѣтъ конфектъ.

Быстрымъ движеніемъ, всѣмъ корпусомъ поворачивается она къ дѣвочкѣ. Ея глаза впиваются въ лицо Сони.

И сразу она догадывается обо всемъ по вспыхнувшему какъ зарево лицу Зарницыной, по ея смущеннымъ испуганнымъ глазамъ.

— Соня? Неужели? Соня!

Въ голосѣ Лары неподдѣльный испугъ...

— Соня! Какъ могла ты, Соня! Чужое же это, чужое, пойми!

Что-то рвется въ душѣ младшей Зарницыной... Рвется и падаетъ точно... И внезапный приливъ злобы, послѣдній способъ выйти изъ бѣды охватываетъ ее!.. Съ полными слезъ смущенія и гнѣва глазами она кричитъ:

— Ты съ ума сошла! Не ѣла я вашихъ конфектъ! Не ѣла! Не ѣла! Цыпка ихъ взяла! Я сама видѣла... Пришла случайно и видѣла какъ, она уничтожала коробку.

— Соня! Какая гадость! Постыдись такъ клеветать. Лара почти съ ужасомъ смотритъ теперь въ красное лицо кричащей дѣвочки.

— Соня!

И вдругъ Соня затихаетъ... Падаетъ на первую попавшуюся скамью и закрываетъ лицо руками.

— Лара! Лара!—рыдаетъ она,—Лара! Не выдавай меня! Ради Бога, не выдавай передъ твоимъ классомъ, Лара! Скажи что не я... Не я это сдѣлала... Только не я, что хочешь скажи или я умру отъ стыда! рыдаетъ Соня.

Лара даетъ ей выплакаться вволю... Потомъ подходитъ къ дѣвочкѣ садиться рядомъ съ нею на скамью.

— Что ты хочешь, что-бы я сдѣлала, Соня?—говоритъ она твердымъ голосомъ, кладя руку на плечо Зарницыной.— Что ты хочешь? Чтобы я сказала, что это сдѣлала бѣдная, ни въ чемъ неповинная Цыпка, или я сама? Что касается

крошки Любы, то ничей языкъ не повернется оклеветать ее, что же касается меня... Или ты думаешь, Соня, что товарки по классу повѣрятъ баснѣ, что семнадцатилѣтняя взрослая дѣвушка могла соблазниться съѣсть конфекты, принадлежащія ея подругѣ? Нѣтъ, Соня, это абсурдъ. И вотъ еще что... я должна сказать, что это сдѣлала ты, если сама ты не находишь возможнымъ признаться въ этомъ.

— О, Лара! Умоляю тебя!

Неуклюжая фигура Сони соскальзываетъ со скамьи. Руки обвиваютъ талію Лары. Соня стоитъ передъ нею на колѣняхъ и молитъ:—Лара, милая, хорошая, красавица, ангелъ! Не говори. Умоляю... Лара... Лара!

— Нѣтъ, Соня, не проси, я должна исполнить мой долгъ. Пусть этотъ урокъ послужитъ тебѣ на всю жизнь и отучитъ на...

— Ага, ты такъ-то... Ну хорошо!

Какъ дикій звѣрекъ, совсѣмъ съ несвойственной ея неуклюжей фигурѣ живостью Соня вскакиваетъ съ колѣнъ. Ея лицо теперь багрово пылаетъ. Въ глазахъ злые огоньки.

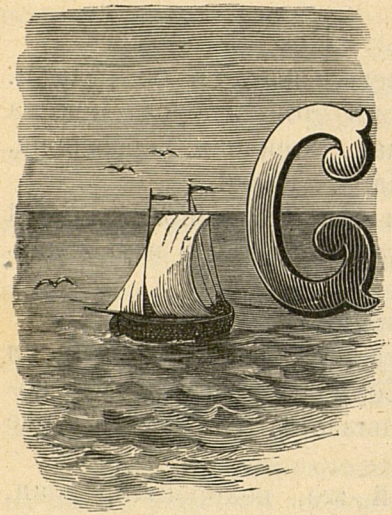
— Такъ знай же, такъ знай же, нехорошая, злая, что и я.. и я... все, все разскажу про тебя дома... какъ ты тогда... этого чужого... разбойника... грабителя, можетъ быть, въ домъ приводила... Въ заговорѣ съ нимъ была... Я... я не хотѣла раньше... Простить тебѣ, забыть хотѣла, а теперь... теперь... Все скажу, все!

— Говори, что хочешь! — пожимая плечами роняетъ Лара,—этимъ ты не испугаешь меня.

И она поднимается на встрѣчу вошедшей въ эту минуту въ классъ Виконтессѣ... За Маргаритой входятъ другія, весело болтая и смѣясь.

— Де-Ленъ, — произноситъ твердымъ голосомъ Лара, въ то время, какъ Соня съ тихимъ «ахъ» закрываетъ руками пылающее лицо.—Съ твоими конфетами произошла непріятная исторія. Зарницына съѣла ихъ. Прости ее пожа-

луйста. При малѣйшей же возможности я заплачу тебѣ де-Ленъ, за принесенный тебѣ убытокъ, и, обратившись къ Сонѣ, прибавляетъ совсѣмъ уже спокойнымъ тономъ:—ступай теперь къ себѣ въ классъ. И запомни на всегда этотъ урокъ, Соня, онъ долженъ принести тебѣ пользу на всю жизнь.



XXX.

СУББОТА. Съ самаго утра кружитъ по городу мятель... На дворѣ стоятъ крещенскіе морозы. Протяжно поетъ вѣтеръ въ трубахъ, завываетъ вьюга на улицахъ, кружа и вѣя бѣлыми хлопьями декабрьскаго снѣга.

Черезъ три дня Рождество... Пансіонеркамъ уже выставили полугодовыя отмѣтки и роздали бюллетени объ успѣхахъ. Въ Ларином свидѣтельствѣ прекрасные баллы. Дѣвушка способна и прилежна. Если при жизни отчима она училась, благодаря своему дарованію и самолюбію, исключительно хорошо, теперь же она занимается прекрасно. Ей хочется во что-бы то ни стало оправдать довѣріе старика Зарницына, внесшаго его собственные деньги за ея ученье.

У Сони Зарницыной далеко дѣла не такъ хороши, какъ у Лары. Есть двойка за нѣмецкій, есть и за русскій языкъ. Но приподнятое вслѣдствіе роспуска на Рождественскія двухнедѣльныя вакаціи, царящее настроеніе въ пансіонѣ заставляетъ и Соню, забыть ея неудачи.

Она все еще дуется на Лару изъ-за исторіи съ конфектами. Дуется и не говоритъ.

Между тѣмъ, сегодня онѣ должны снова сдѣлать вмѣстѣ

долгія двадцать верстъ дороги бокъ о бокъ съ Ларой. Непріятное сосѣдство!

Одна за другой разлетаются подруги, какъ веселыя птички по домамъ.

Городскія не боятся мятели и вьюги. Ихъ теплыя квартиры здѣсь же, близко. Иногороднія, кому предстоитъ путь не по желѣзной дорогѣ, а въ сторону, благоразумно остаются у родственниковъ и знакомыхъ въ городѣ до слѣдующаго утра.

Мила Рудинская предлагаетъ Ларѣ переночевать у нея съ Соней.

— Я бы очень рада была, спасибо – соглашается Лара, спасибо,—не знаю согласится-ли только Соня!

Зовутъ Соню. Та сразу приходитъ въ ярость, узнавъ въ чемъ дѣло.

— Вотъ еще! — говоритъ она надувая губы, — ждать Богъ знаетъ чего!.. У моря погоды... А вдругъ и къ завтрому не утихнетъ мятель. А Терентьичъ уже пріѣхалъ за нами... Говоритъ, что наши уже дома Сева и Мишель .. Доѣхали же они изъ города, не занесло... Не замерзли... Такъ непремѣнно съ нами это, такъ вотъ случиться, и должно!.. Ларины фантазіи и ничего больше!

— Но, Соня... Смотри, какъ мететъ! — благоразумно замѣчаетъ Лара, показывая на окно.—Подождемъ хоть ночь. Переспимъ... Если не хочешь у Рудинскихъ, здѣсь въ пансіонѣ эту ночь проведемъ, Терентьича тоже съ Буланкой попросимъ у Гера Меца устроить... Ты слышала, твой отецъ передалъ намъ, чтобы мы переждали мятель не ѣхали въ непогоду.

— Удивительно остроумно придумано,—ядовито смѣется Соня,—тебѣ все равно, конечно... А мнѣ то каково? Родного брата, почти пять мѣсяцевъ не видала, и еще жди, Богъ знаетъ чего! У тебя нѣтъ ни къ кому родственныхъ чувствъ. Ты ледышка, русалка, и не можешь меня понять!— заключаетъ Соня и поворачиваетъ спину обѣимъ дѣвушкамъ.

— Какая глупая злая дѣвченка! — безцеремонно посылаетъ Ласточка ей въ слѣдъ.

— Нѣтъ, избалованная только,—снисходительно замѣчаетъ Лара.

Передъ ними появляется закутанная въ бѣлый ангорскій мѣхъ татарочка. Изъ подъ бѣлой мохнатой шапки выглядываетъ черная головка, какъ мушка въ молокѣ.

— Прощай, душа моя. Въ Казань на родину ѣду!— говоритъ она, любовнымъ взглядомъ, лаская Лару. За мною пріѣхали. Не страшно на поѣздѣ. Тепло. А ты? Переждешь погоду?

— Нѣтъ. Тоже ѣдемъ сейчасъ.

— Ой больно не хорошо, душенька, погода больно дурная. Пережди лучше. Хочешь останусь съ тобой?— вдругъ неожиданно высказываетъ Зора пришедшую ей внезапно въ голову мысль и она готова уже сбросить свою щегольскую шубку.

— Нѣтъ, нѣтъ, что ты! За тобою родные пріѣхали... Какъ можно! Ждутъ! — Отклоняетъ предложеніе милой дѣвочки Лара.

Маленькая дѣвушка бросается къ ней на шею.

— Не поѣзжай, радость моя! Пережди мятель!—молитъ она. Полипко тоже приходитъ въ классъ прощаться.

— „Віютъ витры, віютъ буйни!“ —невѣрнымъ голосомъ затягиваетъ она фальшиво.

— Прощай! Прощай, Гарпина! Счастливый путь! Счастливый путь!— кричитъ ей Пѣгина и съ хохотомъ затыкаетъ уши.

Приходитъ хорошенькая Виконтесса, въ щегольскомъ пальто...

— Веселыхъ праздниковъ, mesdemoiselles

— Наше вамъ нижайшее!—раскланивается передъ ней Ласточка.

— Лара! Терентьичъ отдохнулъ и покормилъ лошадь! Ѣдемъ! вбѣгая въ классъ старшихъ, развязно кричитъ Соня.

— Безуміе ѣхать въ такую погоду! Я въ городѣ съ папой пережду мятель,—говоритъ Пѣгина, поглядывая на крутящіеся за окномъ снѣжные хлопья.

Сначала все идетъ хорошо. На городскихъ улицахъ мятель, не такъ страшна, какъ въ полѣ. Буланка отдохнула, поѣла вдоволь на постояломъ дворѣ. Поѣлъ и попилъ чаю и Терентьичъ. Оба они въ самомъ благодушномъ настроеніи и возница и лошадь.

Въ сравнительно хорошемъ настроеніи и Лара... Она любитъ всякую погоду, дурную и хорошую, ясную и туманную, любитъ борьбу стихій. Соня дуется въ углу крытой кибитки.

Но вотъ въѣхали въ поле. Въ шесть часовъ вечера наступила полная темнота. Фонарь на козлахъ поминутно задуваетъ вѣтромъ. Декабрьскій, ненастный вечеръ, съ его ледянымъ дыханіемъ, съ мятелью, пургою и алчными криками вихря встрѣтилъ дѣвушекъ въ полѣ.

Крутилась бѣлая крупа мятели, хлестала больно лицо... Рѣжетъ, срывая дыханіе вѣтеръ... Щипетъ жестоко-безпощадно язвительный дѣдка Морозъ.

Буланка съ каждой минутой идетъ тише... Лошадь устала, немного отбѣжавъ пути... Тяжело передвигаетъ она ноги по заметенной снѣгомъ дорогѣ. Слышно только тяжелое покрякиваніе Терентьича съ козелъ. Соня молчитъ, уткнувшись носомъ въ воротникъ теплаго пальто.

— Что до Липовки еще далеко? — напрягая голосъ кричитъ, высовываясь изъ возка, Лара, въ спину возницѣ.

Напрасное стараніе! Терентьичъ не слышитъ. Вьюга и вѣтеръ совсѣмъ оглушили и безъ того тугого на ухо старика.

— А вѣдь онъ предупреждалъ передъ тѣмъ какъ ѣхать,—мелькаетъ въ головѣ Лары тревожная мысль,— что Іакимъ Леонтьевичъ велѣлъ заночевать въ случаѣ мятели. А Соня не захотѣла. Ужъ эта Соня!

— Хоть-бы до Липокъ-то добраться, отъ нихъ до Зеленаго Крута рукой подать!—мечтаетъ она минуту спустя.

Еще стемнѣло... Лѣнивѣе передвигала теперь замерзшія ноги Буланка... Все труднѣе и труднѣе становился путь.

— Боже мой, полтора, два часа дороги самое большое при хорошей погодѣ, а теперь мы плутаемъ куда больше, не сдѣлавъ и половину пути!—соображаетъ Лара, едва переводя дыханіе отъ назойливыхъ волнъ вѣтра, до удушья, захлестывающихъ ее.

А ночь придвинулась еще ближе... Совсѣмъ сгустилась на землѣ... На черномъ небѣ не видно ни единой звѣзды... Темно и мрачно внизу. Только занесенная мятелицей спина Терентьича чудно бѣлѣетъ передъ глазами.

А Соня все молчитъ, молчитъ какъ убитая и только тяжело посапываетъ у себя въ уголку. Подъ это тяжелое посапываніе, подъ свистъ вѣтра и шумъ мятели забывается Лара.

Что-то далекое, милое, сладкое грезится дѣвушкѣ. Золотые сны недавняго дѣтства... Старая милая мельница... Шумъ чернаго колеса... Бодрый, рѣзковатый голосъ капитана:

— Штормъ и буря! Ларька! Это опять ты стрѣляла въ лѣсу!? И улыбается добродушно—сердито-милое, грубовато-ласковое, честное лицо... Снится солнце, мѣшки съ мукою, самъ онъ весь осыпанный ею, какъ пудрой мельникъ-баринъ, трудолюбивый и выносливый какъ простой мужикъ. Хочется сказать ему что-то, теплое, родное, чего не приходилось говорить раньше, обнять его какъ отца... О, папа, дорогой папа!

Лара поднимаетъ руки и... просыпается. Какая боль въ ногахъ!.. Какъ немилосердно кусаетъ закоченѣвшіе пальцы свирѣпая стужа!

Что это? Буланка не идетъ дальше... Кибитка стоитъ на мѣстѣ. Подлѣ, сбоку стоитъ Терентьичъ,—темная фигура, принявшая нелѣпо-безобразную форму отъ запушившаго ее снѣга... Со старческимъ покашливаніемъ говоритъ онъ глухо, какъ изъ трубы:

— Нѣтъ пути далѣ, барышни... Съ дороги сбились, значитъ.

— Лара, ты слышишь, Лара?.. Мы сбились съ дороги!

Нѣтъ пути! Мы замерзнемъ, умремъ! — рыдаетъ, забившись въ уголокъ кибитки, Соня.

Сейчасъ она забыла всю свою злобу на Лару, все свое негодованіе на нее. Сейчасъ въ душѣ ея одинъ леденящій сердце ужасъ. Одинъ невыразимый животный страхъ... Въ сердцѣ страхъ, въ тѣлѣ невыносимыя муки холода, стужи. Всѣ оконечности искусаны, исщипаны колючими прикосновеніями ея...

Несмотря на теплую мѣховую шубку и такіе же сапоги, Соня замерзла, закоченѣла.

— Лара! Лара!—лепечетъ она,—что дѣлать? Мы погибнемъ, Лара, мы замерзнемъ!

И она рыдаетъ снова, цѣпляясь руками въ потьмахъ за руки, за плечи, за пальто своей спутницы.

— Постой... Перестань же! Дай мнѣ оглядѣться... Сейчасъ...—роняетъ та закостенѣвшими на морозѣ губами...

— Куда ты, куда? Не пущу! Не уходи! Куда ты идешь?

И Соня крѣпче впивается въ свою спутницу обѣими руками...

— Постой же, Соня, будь благоразумна! Надо посмотрѣть гдѣ мы... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ замерзать!

Голосъ Лары спокоенъ и твердъ постольку, поскольку возможно это.

— Пусти меня посмотрѣть мѣстность, Соня.

— Не пущу, не пущу!—рыдаетъ дѣвочка.—Какъ только ты уйдешь и оставишь меня, я умру, непремѣнно умру.

— Глупости ты говоришь!—уже прикрикиваетъ на нее Лара.—Мы умремъ всѣ трое, замерзнемъ и насъ занесетъ снѣгомъ въ томъ случаѣ, если ты не отпустишь меня.

Этотъ послѣдній аргументъ побѣждаетъ Соню. Она затихаетъ и, выпустивъ изъ рукъ пальто Лары, шепчетъ:

— Только скорѣе... Скорѣе... И... и... и... мнѣ холодно, Лара... Мнѣ страшно холодно.

Ей дѣйствительно холодно, потому что въ темнотѣ слышно какъ она лязгаетъ зубами. И подумавъ съ минуту, Лара растегиваетъ свое пальто.

— На вотъ накройся!—слышится въ темнотѣ ея голосъ...—Мнѣ не холодно, у меня ватная кофта внизу... Возьми.

А у самой зубъ на зубъ не попадаетъ въ ознобѣ...

Соня протестуетъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! Я не позволю, не надо! Нѣтъ!

Но сильныя руки окутываютъ ее въ темнотѣ чѣмъ-то мягкимъ, теплымъ, и Соня не въ силахъ противиться искушенью.

Къ тому же Лара приводитъ ей самый убѣдительный аргументъ.

— Неудобно идти по снѣгу искать дорогу въ длинномъ пальто.

Затѣмъ она приказываетъ Терентьичу стряхнуть съ себя снѣгъ и сѣсть подлѣ барышни въ возокъ...

— Гдѣ фонарь? Фонарь гдѣ? — кричитъ она сквозь вихрь и вьюгу ему черезъ минуту.

Тотъ закоченѣвшими руками протягиваетъ потухшій фонарь.

Въ карманѣ Лары предусмотрительно положены спички... Но приходится дѣлать не мало усилій, пока зажигается фонарь.

Быстро накрывъ запасной рогожей дрожащую мелкой дрожью Буланку, Лара, держа подъ полою кофты фонарь, прыгаетъ, какъ заяцъ по снѣгу, отыскивая дорогу... Ноги вязнутъ по-колѣно, вѣтеръ рветъ изъ рукъ фонарь, треплетъ кофту, колючими иглами колетъ все тѣло... Болятъ нестерпимо, ноютъ искусанныя стужей ноги.

— Впередъ, впередъ!—ободряетъ себя дѣвушка.

Какъ хорошо, что она сама пошла искать дорогу, а не послала старика Терентьича. Бѣдняга такъ замерзъ, что едва держится на ногахъ, мелькаютъ смутно мысли въ отяжелѣвшей головѣ Лары.

Она съ трудомъ передвигаетъ ноги... Вѣтеръ крѣпчаетъ съ каждой минутой. Ватная кацавейка не грѣетъ ни капли закоченѣвшаго тѣла.

— Впередъ! Впередъ!

Но вотъ легче становится идти .. Рыхлѣе, мельче дѣлается, какъ-будто снѣгъ подъ ногами.

— Слава Богу! Путь найденъ. Теперь остается только добраться до саней и вывести на дорогу продрогшую Буланку.

Совсѣмъ неожиданно появляется она, словно выплываетъ изъ темноты, около возка.

— Лара! Лара! О, Господи, наконецъ-то!—рыдающимъ голосомъ говоритъ Соня.

— Скорѣй! Скорѣй! Я чуть съ ума не сошла!

— Что такое?

— Терентьичъ умеръ!

— О, Господи!

— Да, да, сидитъ безъ движенія... Ничего не отвѣчаетъ. О, какъ страшно, Лара, какъ страшно! Мертвое тѣло рядомъ, о!

— Можетъ быть онъ только уснулъ?...

— Вотъ что: я выведу Буланку, сяду на козлы... И погоню лошадь, что есть мочи, благо дорога найдена; нельзя терять ни минуты. Можетъ быть, дѣйствительно, замерзаетъ бѣдняга Терентьичъ!

И говоря это, Лара, беретъ лошадь подъ узцы, выводитъ ее изъ сугроба, садится на покинутое возницей мѣсто на козлахъ.

— Но, но Буланка, родимая! Но-но! Послужи,—дергая вожжами, кричитъ она понукая лошадь.

Бодрый голосъ, энергичный ударъ вожжей и лошадь, собравъ всѣ свои силы, заворачиваетъ въ ту сторону, куда направляетъ ее Лара.

Теперь снѣгъ и вьюга слѣпятъ съ удвоенной силой глаза дѣвушки, еще съ большимъ неистовствомъ бьютъ ее по лицу. Но холода она уже не чувствуетъ, нѣтъ!.. Сейчасъ она вся энергія, вся воплощенная воля...

Видя, что Буланкѣ тяжело идти, она соскакиваетъ снова съ козелъ и ведетъ ее подъ уздцы до тѣхъ поръ пока не нащупывается дорога.

И опять занимаетъ прежнее мѣсто.

Большая и труднѣйшая часть пути миновала сейчасъ... Дергая ежесекундно возжами, покрикивая и подхлестывая лошадь, Лара достигаетъ своей цѣли.

Буланка бѣжитъ, что только осталось у нея силы, бѣжитъ сейчасъ по рыхлому снѣгу.

Вотъ миновали темныя строенія Липокъ... затѣмъ Ириновки, выступившія силуэтами изъ мрака... Скоро и Зеленые Крутки...

— Но... но... Буланка... Но-но!

Изъ возка доносится ноющій голосъ Сони.

— Лара! Милая! Родная! Прости! Ты—героиня, Лара. Ты—святая... Ахъ, Господи, сколько ты сдѣлала для меня... А я то, Лара? Лара!

Едва слышитъ ея голосъ дѣвушка... Въ ушахъ у нея звонъ... Въ головѣ туманъ... Силы падаютъ съ каждой минутой, съ каждой секундой убываютъ онѣ.

Жутко теперь пріостановиться хотя-бы на одну минуту... И мятель закружитъ и Терентьичъ замерзнетъ совсѣмъ.

Что съ нимъ? Обморокъ или сонъ это? А можетъ быть... Смерть?

Сердце Лары сжимается... А холодъ пронизываетъ насквозь, до костей...

— На твою, шубу, ты замерзнешь,— ноетъ Соня.

— Нѣтъ не надо... Стѣснитъ только она,—протестуетъ Лара, а у самой сладко замираетъ душа при одной мысли закутаться въ теплую шубу и отогрѣться въ ней.

— Но, но Буланка, родная, поддержи.

Вотъ мелькнула колокольня старой церкви... Вотъ школа... Темные оконцы Борисова жилья... Дальше... Дальше...

Черные срубы сгорѣвшей родимой мельницы...

— Дальше! Дальше!

Липовая аллея въ гору... Старый домъ, освѣщенныя окна...

— Зеленый Крутъ! Наконецъ-то! О, Ты не дашь погибнуть! Ты великъ-Господь!

(Къ стр. 223).

— Соня, вылѣзай скорѣе! Бѣги спроси у няньки Агафьи спирту... водки... Да пусть придутъ помочь оттереть старика... пока не поздно,—роняетъ онѣмѣвшими губами Лара, едва находя въ себѣ силы сползти съ козелъ.

— Лара!—бросается къ ней Соня, — ты героиня, ты спасла меня! Дай мнѣ тебя поцѣловать.

— Не время теперь! Торопись-же Соня!

Въ домѣ услышали скрипъ полозьевъ, топотъ Буланки, голоса...

На крыльцо съ фонаремъ выскочили чьи-то фигуры.

— Сонька! Ты? Фея Лара? Сумасшедшія, какъ же вы пустились въ такую погоду!

И Всеволодъ въ одномъ кадетскомъ мундирчикѣ бросился къ сестрѣ и Ларѣ.

— Что такое? Терентьичъ? Замерзъ? Какой ужасъ!— испуганно и озабоченно роняетъ онъ, склоняясь надъ старикомъ.

— Въ комнату его скорѣе и оттирать снѣгомъ, водкой и спиртомъ!—командуетъ Лара.

При помощи няньки Агафьи, горничной Саши, Всеволода, Мишеля, зябко закутавшагося въ теплое пальто, старика внесли въ домъ и положили на ларь въ теплой прихожей. Сева съ помощью старухи Агафьи растеръ его закоченѣвшее тѣло, снѣгомъ и спиртомъ, потомъ ему влили въ ротъ стаканъ водки, обложили теплыми одѣялами и къ концу всей этой операціи Терентьичъ съ глубокимъ вздохомъ открылъ глаза.

— Ну, слава Тебѣ Господи, ожилъ!—обрадовались присутствующіе.

— Боже мой, Лара! Но какъ-же вы одѣты? Въ такую стужу? и Марья Александровна, первая замѣтя отсутствіе теплаго пальто на дѣвушкѣ, подняла на нее вопрошающіе глаза.

Соня съ рыданьемъ повисла на шеѣ гувернантки и, захлебываясь отъ слезъ, залепетала, срываясь на каждомъ словѣ.

— О,—Лара это Ангелъ. У нея такая душа! Такое сердце!.. Еслибъ вы знали только все!.. И... и... еслибы не Лара, мы бы погибли всѣ трое тамъ, въ полѣ, засыпанные вьюгой... Да! Да! Да!

. . . . . .

Съ трудомъ успокоили Соню... Распросили ее... Адмиралъ Зарницынъ выслушалъ съ большимъ волненіемъ разсказъ дочери. Истерически всхлипывая дѣвочка разсказала все... И про то, какъ подвела она Лару, заставивъ ѣхать въ мятель, не смотря на уговоры, не смотря на переданное ей запрещеніе Терентьичемъ отъ отца... И про отданное ей пальто Ларой и про геройскій поступокъ послѣдней.

— Всю жизнь не забуду этой ночи,—пылко заключила свою рѣчь дѣвочка,—и буду теперь слушаться и любить Лару всегда, всегда!

Долго сидѣлъ старикъ Зарницынъ, погруженный въ раздумье, не проронивъ ни одного слова, на признанія младшей дочери.

— А гдѣ же она сама... наша добрая фея? — произнесъ онъ не видя Лары въ столовой, гдѣ собралась теперь вся семья.

Какъ бы живымъ отвѣтомъ на его вопросъ она появилась на порогѣ.

— Фея Лара! Лара моя! Вотъ какая моя фея Лара!— кинулся къ ней Толя, предупреждая другихъ.

— А Терентьичъ совсѣмъ молодцомъ! Ожилъ и пошелъ къ себѣ въ сторожку. Говоритъ соскучился безъ Сеньки!—смѣясь произнесла Лара, опускаясь на свое обычное мѣсто за столомъ.

И вдругъ смутилась.

Всѣ глаза были направлены на нее... Всѣ лица улыбались ей добро и ласково. Казалось, она одна составляла центръ всеобщаго вниманія сейчасъ, одна среди всѣхъ.

Краска бросилась въ лицо дѣвушки... Вспыхнули ярче и безъ того пылавшія отъ стужи щеки...

Смущенно спрятались за длинными рѣсницами глаза.

— Ахъ, что вы?—проронила она теряясь.

— Добрая вы фея нашего дома, вотъ вы кто!—послышался голосъ старика Зарницына,—и спасибо вамъ за все вообще и за мою Соньку въ частности, горячее спасибо!

И онъ пожалъ обѣ руки оторопѣвшей дѣвушкѣ.

XXXI.

Ъ этомъ году елки нѣтъ!

— А еще въ прошломъ году, у насъ въ этотъ день, въ канунъ Нового года, какая чудесная была елка!

— И танцы... Помните? И ужинъ съ шампанскимъ! Ахъ, какъ было хорошо!

Римма мечтательно закинула головку на спинку кресла и прищурила на лампу глаза. Передъ ея мысленными взорами понеслись пестрыя картины, одна другой заманчивѣе, веселѣе.

— А какіе ордена купилъ дядя, тогда для котильона,—вставилъ Мишель.

— Ге-ге-ге! Ишь что вспомнилъ! Ну, тогда братъ другое дѣло было. Деньги были,—вотъ и купили. А нынче братъ, купишь уѣхалъ въ Парижъ. А поѣдешь въ Парижъ, тамъ ужъ, вѣрь, угоришь!—съострилъ Сева и самъ захохоталъ надъ своей остротой.

— Очень умно!—процѣдилъ Мишель.

— Ну тамъ умно—или глупо, а мнѣ такъ очень ве-

село и теперь. Ей Богу! Здѣсь же лучше, нежели въ Питерѣ. Развѣ мы худо провели эту недѣлю?.. Съ ребятами ходили колядовать къ отцу Ѳедору, къ Горскимъ... Къ Земскому ѣздили ряженными. Съ горы катаемся каждый день. Развѣ худо. На посидѣлки опять. Вотъ тебѣ и веселье!..

— Какое же Рождество безъ театровъ, безъ танцевъ!— цѣдила Римма.

— Фю-фю-фю!—свистнулъ Сева, вотъ ты почему скучаешь.—Хорошо что папа не слышитъ въ кабинетѣ, это бы его не порадовало. Фея Лара, дайте мнѣ пожалуйста, ноты... Я Риммѣ вальсъ такъ и быть отбарабаню, пусть крутится сколько влѣзетъ съ Мишелемъ или со стуломъ, вѣдь это все равно!

— Не остроумно, мой другъ!—процѣдилъ Мишель, вскидывая пенснэ на носъ и обращаясь къ Ларѣ добавилъ, рисуясь:

— Я вамъ удивляюсь Лариса Сергѣевна, какъ вы можете всю свою жизнь... про...

Онъ не договорилъ. Громкій стукъ въ двери заставилъ его замолкнуть.

— Гости пришли. Барышни отца Ѳеодора съ братомъ,— доложила просунувшаяся въ дверь горничная Саша.

— Ахъ! Вотъ сюрпризъ! Очень пріятно! Пожалуйте! Пожалуйте, дорогія гости!—зазвенѣли веселые голоса.

— Нѣтъ, нѣтъ мы раздѣваться не будемъ. Мы пришли за вами, идемъ гадать!—отвѣчали изъ прихожей не менѣе оживленные голоса веселыхъ поповенъ, пріѣхавшихъ тоже къ отцу провести Рождество.

— Обязательно гадать!—басилъ ихъ братъ Леонидъ.— Имена пойдемъ спрашивать на перекресткѣ... Къ церкви побѣжимъ слушать.—Здорово, хорошо проведемъ время.

— Только въ половинѣ двѣнадцатаго надо дома уже быть. Къ намъ Горскіе мать съ сыномъ придутъ. Новый годъ встрѣчать!—проговорила Римма.

— Да и намъ надо дома быть. Папаша любитъ когда

мы Новый годъ всѣ вмѣстѣ встрѣчаемъ, — заявила Шурочка.

— О, до одиннадцати еще столько можно натворить!— засмѣялся Сева.—Сонька, обратился онъ къ сестрѣ,— хочешь я тебѣ вѣдьму покажу. Она подъ новогоднюю ночь всегда изъ трубы на метлѣ выѣзжаетъ.

— Ну, ужъ ты это врешь!—протестовала Соня.

— Обязательно выѣзжаетъ,—басилъ студентъ.

— Да ты не бойся, ты ее леденцами задобришь. А вы, фея-Лара идете съ нами?—обратился Сева къ Ларисѣ.

— Уложу Толю и приду!

— Ну нѣтъ, безъ Лары я не могу,—рѣшительно заявила Соня, горячо привязавшаяся съ той роковой ночи къ дѣвушкѣ и оцѣнившая ее.

— Трогательная дружба!—засмѣялся Мишель.

— А, что ты думаешь? Моя сестренка чувствовать не умѣетъ, что-ли?—бросилъ Сева и мягкими непривычными нотками зазвучалъ его звонкій голосъ.

— Иди, фея-Лара! Меня уложитъ нянька Агафья или Саша,—зазвенѣлъ съ кресла дѣтскій голосокъ.

— Повелитель разрѣшилъ! — засмѣялся Мишель.— Идемте!

— Идемъ! Идемъ!—засуетилась молодежь.

Дѣвушки на скоро накинули на себя теплое платье, косынки, и всѣ веселою гурьбою высыпали на дворъ.

Дивная декабрьская ночь съ милліардами звѣздъ на темномъ небѣ, какъ спящая царевна лежала надъ землей. Золотая деадема ея яркихъ созвѣздій, играла на небѣ похожемъ на черный кусокъ бархата, покрытый кружевомъ облаковъ и затканный золотыми блестками планетъ.

Ласково пощипывалъ лицо легкій морозецъ. Скрипѣлъ подъ ногами рыхлый мягкій снѣжокъ. Слышались голоса на селѣ... Доносился смѣхъ оттуда.

— Куда? Въ церковь слушать или подъ баню?

— Подъ баню лучше. Папаша не любитъ когда подъ

церковью гадаютъ. Святотатство это говоритъ, — робко прозвенѣлъ голосъ Шурочки, старшей поповны.

— Ну подъ баню, такъ подъ баню. Идетъ!

На концѣ усадьбы стоитъ большая полуразвалившаяся баня. Окна ее давно заметены снѣгомъ, но къ дверямъ прочищена дорожка, потому что сторожъ Терентьичъ благоразумно обратилъ баню въ складъ всякой хозяйственной утвари и часто навѣщаетъ ее.

Веселой гурьбою съ шумомъ и хохотомъ, обгоняя другъ друга, помчалась туда веселая ватага.

У старой бани жутко и непривѣтливо. Темнота... Сугробы... И только тамъ, золотые очи звѣздъ привѣтливо вздрагиваютъ на верху.

— А кто-то боится!—замѣчаетъ Сева и лукаво смѣется.

— Господа, я первый слушать буду,—кричитъ онъ, звонкимъ голосомъ снова, — если только Мишель ничего не имѣетъ противъ, подождать... Я думаю, тебя не очень-то тянетъ этотъ способъ гаданья, Мишель? а?

Мишель, которому вся эта затѣя далеко не по вкусу, ворчитъ что-то неопредѣленное изъ подъ приподнятаго воротника теплой шинели.

— Plasse aux dames! *) Господа, насъ барышень пустите первыхъ,—заявляетъ Римма.

— А мы за вашей спиной спрячемся, въ случаѣ чего!—смѣется студентъ.

— Господа, тише! Я слышу что-то!—говоритъ розовая Дашенька, прильнувъ къ замку банной двери захолодѣвшимъ ушкомъ.

— Что? Что?!—сыпятся кругомъ вопросы.

— Какъ-будто арію изъ Демона:—«Не плачь дитя! Не плачь напрасно!»—тихо роняетъ дѣвушка.

— Ха, ха, это къ вѣнцу. Непремѣнно замужъ выйдете въ этомъ году,—звенятъ вокругъ нея веселые голоса.

— Чепуха какая! Мнѣ еще епархіальное кончать надо!—смущается въ темнотѣ Даша.

*) Мѣсто дамамъ.

— Фея Лара! Ваша очередь!—командуетъ Сева.

Лара, смѣясь, приникаетъ къ двери.

— Ничего не слышу, какъ есть ничего!—откровенно сознается она, простоявъ съ минуту въ ожиданіи.

— Ну, Римма?.. Ты...

Римма долго и упорно вслушивается, прильнувъ ухомъ къ замку.

— Господа. Шутки въ сторону... Но, право же, мнѣ кажется что кто-то играетъ... Или бальный оркестръ даже... Ахъ, это мазурка Шопена... Да!

— У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,— авторитетнымъ тономъ заявляетъ Мишель.

— А теперь я... Я хочу послушать! Пустите меня! — протискивается впередъ Соня.

— Ой не совѣтую, Сонька, банный дѣдушка его превосходительство, тебѣ навѣрное накажетъ леденцами не объѣдаться... Лучше я теперь свою судьбу попытаю.—И Сева рѣшительно отвоевываетъ позицію у младшей сестры.

— Но! Что я слышу,—черезъ минуту говоритъ онъ таинственнымъ шепотомъ.

— Что такое? Что?

— Во первыхъ, «онъ» разговариваетъ со мною... Ахъ, шутъ возьми, занятно! Онъ открываетъ мнѣ тайны... — шепчетъ Сева, не отрывая ухо отъ замка.

— Что-же? Что?

— Онъ говоритъ, что самая очаровательная изъ присутствующихъ здѣсь особъ,—невозмутимымъ тономъ все тѣмъ-же шепотомъ роняетъ Сева, это... это—я...

— Ха, ха, ха, ха!..

— Онъ говоритъ еще, что Римма сегодня отхватила цѣлую прядь волосъ, завиваясь утромъ...

— Севка! противный! Твой духъ лжетъ!—возмущается Римма въ то время какъ молодежь смѣется...

И что у Соньки въ бюллетенѣ двѣ пары за нѣмецкій и русскій языкъ.—Съ апломбомъ заключаетъ Сева.

— А теперь господа на перекрестокъ идемте спраши-

вать имена!—какъ ни въ чемъ ни бывало добавляетъ онъ, и первый бѣжитъ по снѣжной дорожкѣ.

— Ну, на перегонки, кто скорѣе! Разъ! Два! Три!

И снова веселая ватага съ шумомъ несется задворками по направленію къ единственной улицѣ села.

На этой улицѣ, не въ примѣръ буднимъ днямъ, теперь очень оживленно. То и дѣло мелькаютъ странныя фигуры, укутанныя въ платки, съ вывороченными на изнанку полушубками. Это ряженые. Всю святочную недѣлю веселятся Зеленые Крутки. На улицахъ и въ избахъ то и дѣло раздается веселый смѣхъ, шутки, шумный говоръ. Ряженые, одѣтые въ примитивные костюмы медвѣдя, лѣшаго, «барыни» ходятъ изъ избы въ избу и даютъ незатѣйливыя представленія.

— Никакъ, Крутовскіе господа гадаютъ?—Слышится изъ толпы парней и дѣвушекъ, направляющихся въ крайнюю избу богатаго старосты Памфила.

— Такъ и есть.

— Ваше имя?—звенитъ смущенно Римминъ голосъ и она останавливается передъ высокимъ парнемъ въ вывернутомъ полушубкѣ съ маской—мордой медвѣдя на лицѣ.

— Михайло Михайлычъ, самъ Топтыгинъ,—дѣланнымъ басомъ рычитъ парень.

— А ваше? — подлетаетъ къ кому-то изъ сельскихъ ребятъ Шурочка.

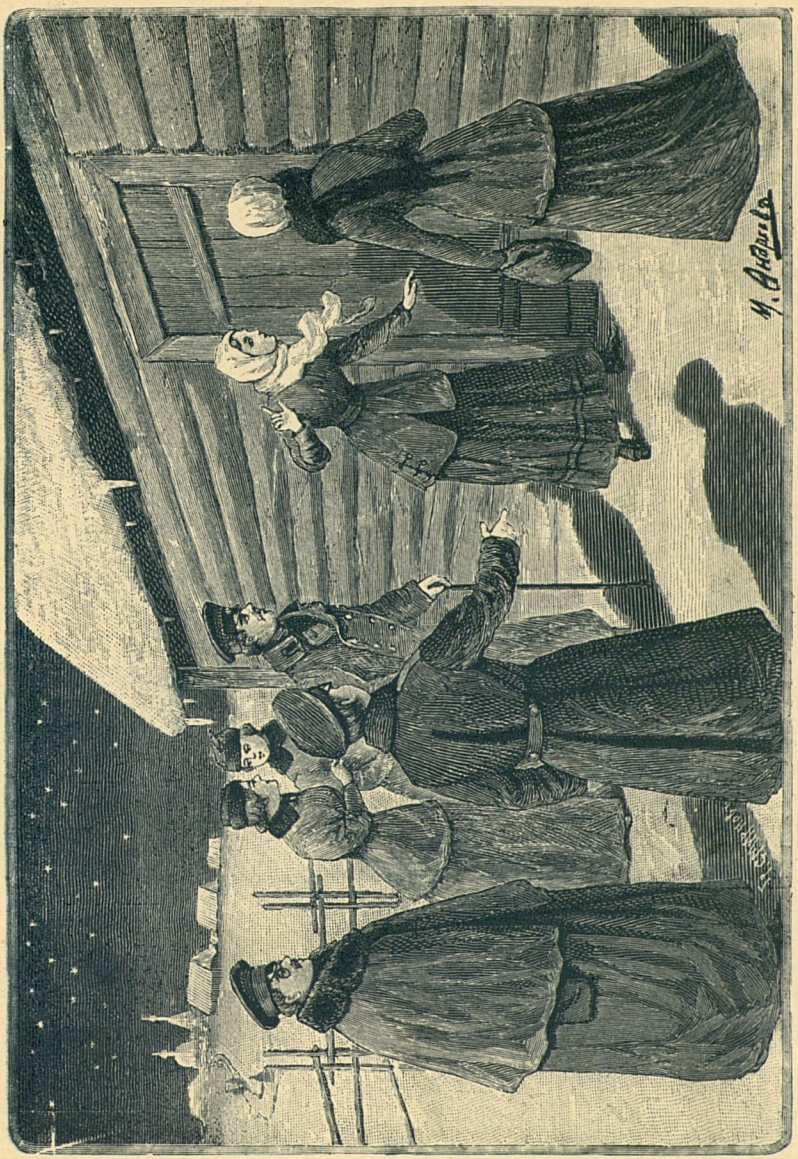
— Терентій!

— Фи, какое имя.

— Всѣ имена у Бога равны!—наставительно заявляетъ парень.

— Mademoiselle, расшаркивается Сева передъ какой-то дѣвушкой, закутанной въ платокъ, — соблаговолите сказать, очаровательная, какъ васъ зовутъ!

Дѣвушка сначала во всѣ глаза смотритъ на веселаго барчука, не понимая, что онъ хочетъ отъ нея. Потомъ неожиданно прыскаетъ отъ смѣха и закрывается рукавомъ кофты.



(Къ стр. 231).

— Секлетея!—фыркая, роняетъ она.

— Ну, сознаюсь имя, не то, что-бъ ужъ очень!..

— А васъ?—подходитъ развязно къ другой крестьянкѣ Мишель и вдругъ вздрагиваетъ и испуганно пятится...

— Что это? Что это?

Передъ нимъ вырастаетъ словно изъ подъ земли высокая черная фигура, съ хвостомъ и рогами съ вымазаннымъ сажей лицомъ.

— Ха, ха, ха! Ловко!—заливается Сева.—Мишель не бойся—это нарочный,—а не въ «всамомдѣлешный» чортъ.

— Откуда ты взялъ? И не думаю бояться!—оправдывается сконфуженный Мишель.

— Господа, вотъ идетъ сюда одинокая фигура. Фея-Лара, ваша очередь. Спросите у нея имя... — шепчетъ Всеволодъ, наклонившись къ уху дѣвушки.

— Ваше имя?—звенитъ въ морозномъ воздухѣ звонкій голосокъ.

— Борисъ!—отвѣчаетъ знакомый голосъ изъ темноты.

— Ха! ха, ха, ха! Борисъ Николаевичъ! Вы? Къ намъ? А мамаша?

Вмигъ молодого человѣка окружаетъ, веселая, хохочущая толпа.

— Вотъ неожиданная встрѣча!—говоритъ Римма и лукаво улыбнувшись, роняетъ по адресу смущенной Лары.

— Ну, милая фея, вамъ досталось самое поэтичное и красивое имя изо всѣхъ.

— Боря, а мама?—чтобы скрыть свое смущеніе, спрашиваетъ та.

— У нея болитъ голова. Она извиняется, прійти не можетъ. Легла спать, а меня отослала пораньше къ вамъ.

— Идемъ! Идемъ!

— Господа тише! Часы звонятъ!

И Всеволодъ застываетъ на мѣстѣ съ высоко-поднятой кверху рукой.

— Одинъ... два... три...

На кладбищенской церкви мѣрно и гулко отбиваетъ одинадцать ударовъ.

Потомъ Сева принимаетъ мефистофелевскій видъ и, описавъ вольтъ «вокругъ собственной оси» по его-же личному выраженію, неожиданно подскакиваетъ къ Сонѣ и подбрасываетъ ее на воздухъ.

— Ай-ай-ай! — не своимъ голосомъ взвизгиваетъ дѣвочка.—Отстань, Севка, отстань!

— Домой! Домой! Папа и Марія Александровна ждутъ! Опоздаемъ къ Новому году!—благоразумно замѣчаетъ Римма и, подхвативъ Мишеля мазуркою несется съ нимъ по Липовой аллеѣ, наверхъ!..

Какъ ярко и уютно горитъ лампа... Какимъ тепломъ и домовитостью пышетъ каминъ! За столомъ разрумяненная вознею и бѣготней на морозѣ сидитъ молодежь съ разгорѣвшимися, веселыми лицами.

На предсѣдательскомъ мѣстѣ съ вытянутыми на двухъ стульяхъ ногами — самъ адмиралъ. Сегодня къ счастью пощадила его ради кануна года, его злѣйшая мучительница подагра и онъ чувствуетъ себя почти хорошо. Къ тому же Сева хоть кого разшевелитъ! Мальчикъ съ удовольствіемъ уписываетъ заливного поросенка съ хрѣномъ, (нянькѣ Агафьѣ удалось таки раздобыть пару молодыхъ поросятъ на селѣ) и разсказываетъ анекдоты.

Онъ преуморительно изображаетъ въ лицахъ, то русаго мужика, то чухонца, то армянина, то еврея...

Молодежь смѣется... Смѣется адмиралъ и Марья Александровна, смѣется нянька Агафья и Саша, пришедшія послушать изъ кухни.

— Да, прежде не такъ встрѣчался у насъ Новый годъ,—думается адмиралу,—домъ—былъ полная чаша... Елка великолѣпная зажигалась, шампанское лилось рѣкой... Тонкія блюда готовились... А все же неотраднѣе было на душѣ тогда, нежели теперь. Эти молодыя свѣжія неунывающія

лица... Этотъ смѣхъ... и этотъ милый Сева... Такой жизнерадостный и веселый...

Вотъ и Римма ожила, даже какъ-будто, примирилась, свыклась и она, избалованная прежней жизнью... Авось «обойдется» и она...

И онъ любуется на милыя лица, слушая веселую неумолчную молодую болтовню.

— Господа! 12 часовъ пробьетъ сейчасъ! Смирррно!— командуетъ Сева и первый поднимаетъ наполненный дешевымъ портвейномъ бокалъ.

Старинные часы съ кукушкой хрипло отбиваютъ удары...

— Съ Новымъ годомъ, папа!

— Съ новымъ счастьемъ!

— Съ новымъ здоровьемъ!

Молодежь шумно отодвигаетъ стулья, направляется къ старику.

Поцѣлуи, привѣтствія, звонкія восклицанія, полныя пожеланій отъ сердца.

— Съ Новымъ годомъ, Лара!

Задумчиво погрузившаяся въ эту минуту въ свои мысли дѣвушка, вздрагиваетъ.

Она опять думала о томъ, кого уже нѣтъ съ нею.

Прошлый годъ она встрѣчала съ нимъ въ уютной крошечной столовой на мельницѣ, сейчасъ онъ лежитъ въ занесенной снѣгомъ могилѣ.

— Съ Новымъ годомъ, Лара... Вотъ тебѣ маленькій сюрпризъ отъ меня.

Дѣвушка смотритъ во всѣ глаза на Бориса, потомъ переводитъ глаза на свой приборъ, слѣдуя взоромъ по направленію его руки.

— Книга!

Ничего не понимая, она беретъ ее въ руки...

Номеръ одного изъ толстыхъ солидныхъ Петербургскихъ изданій...

— Боже мой! Борисъ?

Боясь еще вѣрить, она переворачиваетъ страницу журнала...

— Такъ вотъ что!

„Фея-Лара". Повѣсть Бориса Горскаго.

Посвящается моему лучшему другу Ларисѣ Сергѣевнѣ Безсоновой,—читаетъ она и съ тихимъ возгласомъ, заалѣвшаяся, смущенная и счастливая безъ границъ, протягиваетъ руку своему другу.

Такъ вотъ оно что! Вонъ онъ каковъ этотъ сюрпризъ! Вотъ что онъ писалъ, скрывая отъ всѣхъ. Вотъ что онъ тайно, посылалъ въ одну изъ крупныхъ Петербургскихъ редакцій.

Ахъ, Боря! Боря!..

И эта повѣсть—повѣсть о ней, о Ларѣ... О ея жизни въ Зеленомъ Крутѣ, обо всемъ, что свѣтлаго и грустнаго, хорошаго и злого случилось съ нею! Боря! Боря!

Боясь вѣрить своимъ глазамъ, она перечитываетъ въ сотый разъ первую строчку.

„Фея-Лара". Повѣсть Бориса Горскаго,—повторяетъ она, какъ во снѣ.

И въ какомъ журналѣ! Въ Петербургскомъ! Въ столичномъ! Это уже ни какое-нибудь Золотое Руно!

— О, Борисъ, поздравляю!

Ея голосъ предательски звенитъ и рвется... Вотъ-вотъ оборвется совсѣмъ.

Спасибо, Севѣ, замѣтилъ и выручилъ тотчасъ.

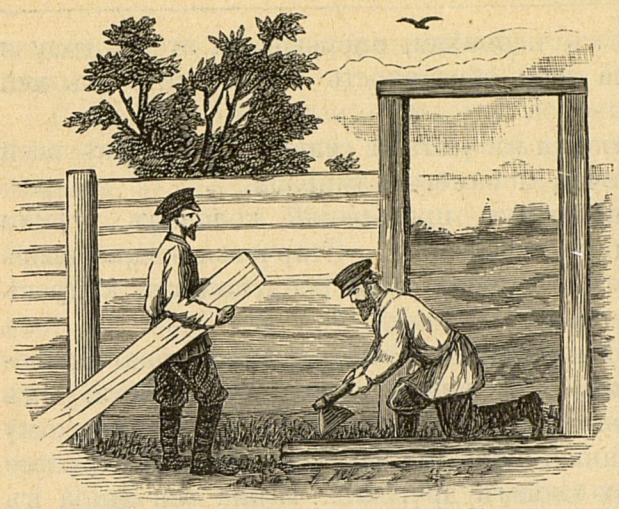
— Ура! Честь и слава молодому писателю и поэту!

Господа предлагаю сказать рѣчь въ честь дальнѣйшаго процвѣтанія юнаго таланта! — неистово кричитъ веселый мальчикъ и, расплескивая свой бокалъ, вскакиваетъ на стулъ.

— Ура!—покрывая его, звучатъ молодые голоса, отъ которыхъ вздрагиваютъ стекла въ старомъ домѣ...

— Ура! Ура! Ура!

И тянутся съ пожатіемъ по направленію Бориса большія и маленькія руки...



XXXII.

РОЛЕТѢЛО, какъ сонъ веселое Рождество, Новый годъ и Крещенье. Сева съ Мишелемъ давно уѣхали, простившись до Пасхи... Тихо прошла масляница съ блинами, искусно выходившими изъ-подъ рукъ Агафьи. Потянулся медленно Великій постъ.

Та же Буланка каждый понедѣльникъ добросовѣстно труситъ въ городъ... Тотъ же глухой Терентьичъ отвозитъ барышень къ «нѣмцу» въ пансіонъ. А въ пансіонѣ усиленнымъ темпомъ идетъ подготовка къ выпускному акту, къ публичнымъ экзаменамъ.

Эти публичные экзамены и выпускной актъ, являлись единственнымъ и полнымъ торжествомъ всего учебнаго года въ пансіонѣ господина Меца. На публичный актъ приглашались всѣ родители учившихся въ пансіонѣ воспитанницъ, приглашались власти города, всѣ учителя, весь педагогическій персоналъ.

Старшія выпускныя пансіонерки должны были передъ многочисленнымъ собраніемъ педагоговъ и гостей проявлять вынесенныя ими знанія за семь лѣтъ учебнаго года.

Не мудрено поэтому, что къ публичному акту дѣвушекъ начинали уже готовить репетиціями со второй половины зимы.

За этими подготовленіями незамѣтно проходило время.

Но Лара все же находила и теперь время помогать по хозяйству Маріи Александровнѣ и возиться съ Толей.

Мальчикъ шелъ, къ исповѣди, впервые въ этомъ году и дѣвушка взяла на себя обязанность подготовить къ ней ребенка.

Зарницыны говѣли въ уютной сельской церковкѣ всей семьею, не исключая и самого адмирала.

Звучалъ заунывнымъ призывомъ колоколъ... Тихо вздыхали молящіеся крестьяне... Старчески вздрагивалъ добрый голосъ отца Ѳедора, пѣли ребятишки на клиросѣ съ Борисомъ во главѣ.

Послѣдній снова засѣлъ за работу, за которою проводилъ все свободное отъ занятій въ школѣ время. Онъ писалъ теперь большой романъ тому же Петербургскому издателю, ободренный первымъ его успѣхомъ. Лара рѣже видѣлась теперь со своимъ другомъ... И она вся ушла въ заботы о предстоящемъ ей актовомъ испытаніи.

— О, это совсѣмъ не страшно! Онъ такой добрый! Такой ласковый отецъ Ѳедоръ! Такъ легко мнѣ было, когда онъ накрылъ голову и читалъ молитву!—говорилъ Толя съ сіяющими глазами, выходя изъ-за ширмочекъ, гдѣ на клиросѣ исповѣдовалъ Зеленокрутскій священникъ.

— Ты не забылъ ему сказать все, что надо, Толя?

— Кажется, нѣтъ.

Мальчикъ мысленно перебираетъ въ умѣ свои немногочисленные грѣхи. Ропталъ на Бога, когда болѣло сердце... Сердился... Невнимательно слушалъ на урокѣ Марію Александровну... Испугался когда папа заговорилъ о необходимости черезъ годъ отдать его въ гимназію въ городъ. Заплакалъ и разстроилъ папу... Смѣялся надъ Соней, когда она разбила тарелку за столомъ.

Кажется все.

Ласково, ободряюще улыбнувшись ребенку, Лара проходитъ на клиросъ.

Знакомая съ дѣтства, хорошо знакомая фигура въ ветхомъ черномъ подрясникѣ, съ потускнѣвшей епитрахилью, съ сѣдою какъ лунь головой. И это доброе лицо съ лу-

чащимися на немъ морщинками, это безконечно доброе лицо!

Сколько разъ отецъ Ѳедоръ исповѣдывалъ Лару въ этомъ самомъ уголку на клиросѣ, за темной церковной ширмой. И сейчасъ онъ ждетъ ее у аналоя, на которомъ лежитъ крестъ и Евангеліе, символы присутствія здѣсь Божества.

Лара поднимаетъ глаза на образъ Распятія, помѣщенный въ этой сторонѣ амвона. Какое страдальческое, и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное Лицо... Великій Мученикъ на крестѣ сознательно приноситъ Свою кровавую жертву... Онъ знаетъ, Великій Страдалецъ, что кровію Своей омоетъ грѣхи людей...

А она-то? Лара! Сколько стенаній и ропота было въ ея душѣ! Какъ отчаянно протестовала она противъ Промысла, когда погибъ бѣдный капитанъ! Какъ ожесточилась первое время въ своемъ горѣ...

— Дитя мое! — слышится ей добрый старческій голосъ,—нѣтъ-ли на душѣ твоей чего-нибудь еще... Не мучаетъ-ли тебя что?

Ласково, ласково опускается старческая рука на плечо Лары... Глядятъ въ самую душу знакомые глаза...

— Батюшка!—лепечетъ дѣвушка,—вы знаете... не ласковая я, холодная какая-то... Отчима... отца своего не приласкала за всю жизнь, не приголубила одинокаго старика... А умеръ онъ, чего-бы кажется ни сдѣлала, чтобы вернуть жизнь сначала... И опять еще... благодѣтели они... Зарницыны... пріютили меня... А я... Ну, не умѣю показать имъ мои чувства... благодарность... Ахъ, какъ тяжело порою бываетъ... батюшка... Какъ тяжело...

— Гордыня это!—шепчутъ старческія губы.—Смиренія мало... Дѣточка... Помни завѣты Христа... Блаженни кротціи... Родная, знаю я тебя сызмальства и сердце твое насквозь вижу... Ты мнѣ дочь духовная... Гордыню отбрось! Вотъ онъ, гляди, Спаситель нашъ, Богъ, человѣкомъ смиренно ставшій! Его великій примѣръ кротости

передъ тобою. Но не забывай, дитя... А отца, Господь съ тобою, знаю я какъ ты любила! Успокойся, дѣточка! Господь съ тобою!..

Частыя крупныя слезы катятся по лицу Лары... Впиваются сквозь нихъ помутившіеся глаза въ Лицо Того, Кто кротко смотритъ изъ-подъ терноваго вѣнца. Мягкимъ движеніемъ опускается на черненькую головку благословляющая рука священника поверхъ епитрахили.

— Отпущаеши грѣхи рабы...

А въ сердцѣ дѣвушки таетъ что-то и, тая, омываетъ душу, прислушивающуюся къ далекимъ, чистымъ и свѣтлымъ голосамъ небесъ. . . . . .

. . . . . .

Въ этотъ вечеръ затихшая, торжественная собралась маленькая семья за чаемъ. Вечерній вѣтеръ гулялъ за окномъ. Моросилъ мелкій снѣжокъ.

— Точно осень и не похоже на конецъ марта,—проронила Римма, меланхолически помѣшивая ложечкой въ стаканѣ.

— Ложись, Толя. Завтра обѣдня рано начнется. Будемъ пріобщаться Святыхъ Тайнъ,—произнесъ адмиралъ и съ легкимъ покряхтываніемъ поднялся съ своего мѣста, опираясь на руку старшей дочери.

— Папа! ты слышишь? Кто-то стучитъ?

Соня первая услышала отдаленный стукъ въ сѣняхъ.

— Должно-быть почта!

— Позвольте я взгляну.

Лара быстро поднялась съ своего мѣста и прошла въ сѣни. Прислуга еще не возвращалась изъ церкви и дѣвушка сама сняла съ двери тяжелый крюкъ.

— Кто это?

— Эстафета. Расписаться надо.

Почтарь изъ Липокъ, обслуживавшій всѣ три селенія, стоитъ передъ нею, зябко кутаясь въ армякъ.

— Ну, и холодно! И не скажешь, что Свѣтлый Праздникъ у дверей. Такъ и морозитъ!—говоритъ онъ, протя-

(Къ стр. 235).

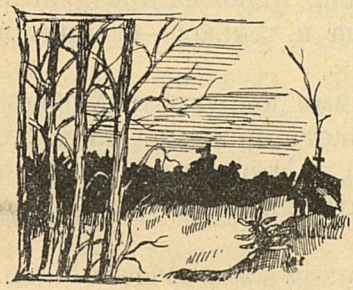
гивая Ларѣ небольшую бумажку. — Эстафета, адмиралу значитъ. Распишитесь.

— Телеграмма вамъ, Іакимъ Леонтьевичъ!

Когда Лара вошла вторично въ столовую, отпустивъ разъѣзжаго почтаря съ роспис憂, ее поразило странное выраженіе на лицахъ всѣхъ присутствующихъ. Адмиралъ сидѣлъ встревоженный и смущенный. Соня съ широко раскрытымъ отъ изумленія ртомъ. Римма съ плохо скрытою улыбкой счастья на лицѣ.

— Царство ей Небесное! Пожила старушка, девяносто лѣтъ отъ роду было ей. Больше вѣка не проживешь!— проронили губы Зарницына и, увидя остановившуюся въ дверяхъ съ вопросомъ на лицѣ Лару, онъ произнесъ торжественно:

— Тетушка Конотопская Раиса Павловна скончалась. И насъ вызываютъ, какъ главныхъ наслѣдниковъ по дѣлу полученія наслѣдства!



XXXIII.

— Дѣвицы, торопитесь... Пора въ залу. Господа экзаменаторы уже тамъ!

Голосъ Вѣры Степановны дрожитъ отъ волненія... Лицо покрыто яркою краскою румянца...

Она едва-ли менѣе своихъ воспитанницъ боится предстоящаго публичнаго акта.

Какъ-никакъ, а прожила семь лѣтъ изъ недѣли въ недѣлю, она съ глазу на глазъ со своимъ маленькимъ стадомъ.

— Ахъ, милочки, пытка какая. Вотъ-вотъ, кажется умру отъ страха!—и Маня Пѣгина лихорадочными движеніями поправляетъ поясъ.

— Ой, болитъ мое серденько!—значительно утерявшая

за послѣднее время экзаменаціонной работы, большую часть своего румянца, взываетъ Гарпина.

— Дѣвицы! У меня образокъ есть преподобныхъ Кузьмы и Демьяна, — говоритъ Нила Смурова,—покровителей всѣхъ учащихся. Кто подходитъ къ красному столу, тотъ не забудь брать... По очереди передавайте другъ другу. На столикѣ съ рукодѣліями сбоку положу.

— Ахъ, милочки, она по сорокъ поклоновъ ежедневно отбивала, вымолила себѣ хорошіе отвѣты... Ей не страшно,—чирикаетъ Ласточка.—А я, дѣвицы, какъ подумаю о Людовикахъ, провалъ ихъ возьми, сколько ихъ было, такъ вѣрите-ли, то въ жаръ, то въ ознобъ такъ и кидаетъ!—чистосердечно признается она.

— Ну, у Мартика не страшно, онъ добрый, выручитъ.

— Душенька! Какъ по французски топоръ?—забыла!

— Ну, тебя съ топоромъ. Une hache топоръ, кажется получай! — дрожатъ неспокойные, молодые голоса выпускныхъ воспитанницъ.

— Виконтесса, смотрите, господа, точно на праздникъ! Олимпійское спокойствіе, богиня да и только!—слышится чей-то задорный голосокъ.

Де-Ленъ проходитъ спокойная мимо подругъ, и съ обычно—презрительной усмѣшкой отвѣчаетъ, пожимая плечами.

— Чего бояться, не понимаю... Что посѣешь, то и пожнешь. Поздно теперь поправлять что-либо. Надо относиться философски ко всему.

— Аминь!—съ комическимъ вздохомъ заключаетъ Мила.

— Душа моя, а ты не боишься, нѣтъ? Черные глаза Батмановой заглядываютъ въ лицо Лары.

— Не знаю... Кажется нѣтъ.—Улыбается та.

— Это потому, что Зора молится за тебя своему Аллаху!—увѣренно говоритъ татарочка и крѣпко пожимаетъ Ларину руку.

— О, Безсоновой больше чѣмъ кому-либо предстоитъ волненій. Впереди еще осенью экзаменъ въ консерваторіи,—говоритъ Мила Рудинская, подходя къ дѣвушкамъ.

— Лара, вѣдь это правда? Зарницыны окончательно переѣзжаютъ осенью въ Петербургъ и ты поступаешь въ консерваторію. Да?

— Да.

— Они получили большое наслѣдство?

— Кажется, не знаю...—роняетъ Лара.

— Какъ все это хорошо! — восторженно лепечетъ Зора...—Теперь, ты можешь выполнить давно желанную мечту. Учиться пѣть. Какой добрый этотъ Зарницынъ, что не забылъ тебя среди упавшаго на него счастья, душа моя!..

— Да, онъ очень добрый! — мягко говоритъ Лара и глаза ея загораются, имъ однимъ свойственнымъ огонькомъ.

Какія это были дивныя минуты, когда Іакимъ Леонтьичъ позвалъ ее въ кабинетъ въ тотъ-же вечеръ полученнаго извѣщенія о наслѣдствѣ и сказалъ, что отнынѣ ничто не помѣшаетъ ей учиться пѣнію... Онъ возьметъ это на себя... И въ память покойнаго капитана она не должна обижать его отказомъ...

— Въ залу! въ залу! Дѣвицы! Да будете-ли вы послушными хоть въ этотъ послѣдній день!—съ отчаяніемъ въ голосѣ взываетъ Вѣра Степановна, собирая свое разсыпавшееся по классу стадо.

— Идемъ! Идемъ!

И четырнадцать дѣвушекъ въ бѣлыхъ одинаковыхъ платьяхъ сдѣланныхъ спеціально для торжественнаго дня, степенно становятся въ пары и идутъ въ залъ.

Необычайно торжественный видъ у него нынче—большого пансіонскаго зала, устланнаго коврами... Столъ, накрытый краснымъ сукномъ стоитъ посреди его... Вокругъ него уже сидятъ собравшіеся экзаменаторы и учителя во главѣ съ самимъ господиномъ Мецомъ. Дальше, открытый рояль для музыкальныхъ испытаній; столъ съ рукодѣльными работами выпускныхъ, другой—съ работами рисовальнаго класса. Какъ на выставкѣ, предоставлено нынче посѣтителямъ удостовѣриться воочію въ успѣхахъ выпускныхъ.

О, сколько этихъ посѣтителей собралось сегодня! Родители, родственники и знакомые воспитанницъ всего пансіона пріѣхали и пришли, какъ въ театръ посмотрѣть интересное зрѣлище акта...

Но между ними встрѣчаются и взволнованныя, встревоженныя лица. Эти лица принадлежатъ близкимъ людямъ, роднымъ и родственникамъ экзаменующихся воспитанницъ, виновницъ торжества.

Быстрымъ взоромъ окидываетъ Лара залу, отыскивая глазами своихъ друзей... Вотъ они... Высокая сгорбленная фигура Іакима Леонтьевича, опирающагося на руку Риммы нарядной, удивительно похорошѣвшей со дня полученія наслѣдства... Вонъ толстая Соня... Добродушно улыбающееся ей издали ободряющей улыбкой лицо Севы... Вонъ Мишель... Ольга Федоровна... Борисъ...

Что это? Что съ Борисомъ? Почему у него такое блѣдное лицо? Такой разстроенный видъ? Что такое?

Лара пристальнѣе издали всматривается въ лицо своего друга зоркими глазами.

Да, онъ чѣмъ-то сильно разстроенъ. Это очевидно. Какое у него убитое, какое печальное лицо!

Боже мой!—внезапно вспоминаетъ Лара, да вѣдь онъ долженъ былъ на дняхъ получить отвѣтъ изъ редакціи того петербургскаго журнала, неужели неблагопріятный отвѣтъ? Не принятъ романъ?

Но ей некогда больше думать объ этомъ.

— Ларисса Безсонова!—раздается голосъ геръ-Меца и она, какъ во снѣ, подходитъ къ красному столу по мягкимъ коврамъ.

Въ томъ же снѣ слышитъ она отвѣты своей предшественницы... Потомъ отвѣчаетъ сама... Вопросы-ли легкіе задаютъ снисходительные экзаменаторы нынче, или знаетъ она Лара хорошо все то, что проходилось въ пансіонѣ ею, но только отвѣты ея удачны, вѣрны и вызываютъ на лицахъ присутствующихъ довольныя улыбки...

Едва успѣваютъ воспитанницы отвѣтить по научнымъ

«предметамъ», болѣе или менѣе твердо и хорошо (не даромъ же ихъ такъ усиленно мучили репетиціями всю вторую половину учебнаго года), какъ учителя «изящныхъ» искусствъ уже торопятъ ихъ занимать мѣста.

Преподаватель музыки усаживаетъ за рояль «музыкантшу» Нину Смолякову и дѣвочка оглашаетъ своды залы красивыми звуками Рубинштейнскаго марша.

Тамъ въ углу уже строятся шеренги танцующихъ... подъ руководствомъ танцмейстера monsieur Горне...

И подъ звуки плавнаго менуэта, смѣнившаго классическій маршъ, граціозно кружатся и присѣдаютъ тринадцать бѣлыхъ дѣвушекъ въ старинномъ танцѣ.

Ихъ смѣняетъ экзаменъ декламаціи, выразительнаго чтенія.

Своимъ звонкимъ красивымъ чирикающимъ голоскомъ, Мила Рудинская декламируетъ знаменитое «Бородино».

Этотъ голосъ мальчугана-барышни полонъ самыхъ неожиданныхъ переливовъ. А въ изложеніи классическаго стихотворенія столько переходовъ, самыхъ неожиданныхъ и затѣйливыхъ, что Милѣ есть гдѣ разойтись на диво!

Никандръ Ефимовичъ Ларчиковъ зналъ чѣмъ доставить удовольствіе собранію, выпустивъ въ качествѣ чтеца-декламатора самую искусную на этомъ поприщѣ изъ своихъ ученицъ.

— Пѣвицы, къ роялю! — слышится нервный голосъ Львова.

Старикъ садится къ инструменту и беретъ первые аккорды.

Четырнадцать дѣвушекъ окружаютъ его. Гарпина Полипко благоразумно спрятана за спины подругъ...

— Она у насъ за статистку... Пѣть ни Боже мой! Всѣхъ разгонитъ!—смѣясь, лукаво шепчетъ Мила. И Гарпина Полипко только чуть разѣваетъ ротъ, въ то время какъ подруги ея поютъ.

Прекрасная, полная блеска и живости пѣсня дѣвушекъ изъ оперы «Евгеній Онѣгинъ» несется по залу.

— „Дѣвицы-красавицы, душеньки подруженьки!“ — звенятъ, словно радуясь, молодые свѣжіе голоса...

И весеннее солнце заглядывающее въ окна, радуется вмѣстѣ съ ними, съ этими бѣлыми дѣвушками, приготовляющимися расправить крылья подобно бѣлымъ птицамъ и выпорхнуть на волю изъ скучной пансіонской тюрьмы.

Потомъ замолкаетъ хоръ и поетъ одна Лара. Поетъ красивую полную значенія и мысли Лермонтовскую пѣснь.

«По небу полуночи Ангелъ летѣлъ»,

«И тихую пѣсню онъ пѣлъ»...—выводитъ вибрирующій, нѣжный, грудной, звучный альтъ дѣвушки.

И съ первыми же звуками этого прекраснаго молодого, хотя далеко еще не обработаннаго голоса все затихаетъ въ огромной залѣ.

— Будущая консерваторка!—проносится тихій какъ лепетъ вѣтерка шепотъ по залу.

— Осенью поступаетъ... Держитъ экзаменъ говорятъ.

— Какъ хорошо!—восторгаются гости.

— «Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ»

«Для міра, печали и слезъ»...

Выводитъ Лара... Ея глаза сіяютъ счастіемъ. Она любитъ пѣть... И вѣритъ въ свой голосъ. И потомъ, онъ несетъ ей будущее... Она будетъ учиться... Будетъ работать, чтобы стать учительницей, музыкантшей, и она еще не знаетъ чѣмъ лишь-бы только оправдать надежды своего благодѣтеля Зарницына... Лишь-бы, сдѣлавшись «человѣкомъ», отплатить ему за все, за все!

О, какъ это сладко зарабатывать хлѣбъ любимымъ дѣломъ... Отдавать всѣ свои силы излюбленному искусству! О, какъ хорошо!

И голосъ ея крѣпнетъ, растетъ, улетая подъ своды зала... Онъ мощною волною переливается по огромной комнатѣ и чудится, будто огромная, солнцемъ пропитанная огненная жаръ птица летаетъ надъ ея головою и лучистыми крыльями осѣняетъ ее.

Съ невыразимымъ подъемомъ заканчиваетъ пѣвица

послѣднія строки пѣсни подъ бурные апплодисменты экзаменаторовъ и гостей...

Лара, не остывшая еще отъ своего вдохновеннаго «захвата» переходитъ изъ рукъ въ руки, счастливая, трепещущая.

— Какъ она пѣла эта дѣвочка! Какой голосъ!—слышатся восторженные возгласы во всѣхъ углахъ зала.

Старикъ Львовъ, потрясенный, взволнованный, цѣлуетъ ее въ лобъ.

— Ступайте въ міръ, дитя мое, твердо, смѣло, учитесь прилежно, у васъ золото въ горлѣ, само золото!—говоритъ онъ и слезы сверкаютъ въ его старческихъ глазахъ.

— Какое счастье что вы можете теперь поступить въ консерваторію, учиться дальше! Ну, Господь васъ храни. А я благословляю васъ...—заканчиваетъ.

Потомъ ее цѣлуютъ другія... Подруги товарки, пожимаютъ руки... Обнимаютъ...

Трогательно разстаются бѣлыя дѣвушки. Семь долгихъ лѣтъ прожили онѣ вмѣстѣ, учась, куролеся, шаля, ссорясь, мирясь, помогая другъ другу тянуть долгую лямку пансіонскихъ лѣтъ.

— Пишите... пишите... Анюта... Гапа... Пишите часто и много...—слышатся тутъ и тамъ взволнованные голоса.

Розданы аттестаты, похвальные листы, свидѣтельства...

Короткую энергичную рѣчь произноситъ геръ-Мецъ передъ тѣмъ, какъ распустить часть своей обширной паствы...

— Будьте честны, сильны духомъ, трудолюбивы и никакія жизненныя битвы не будутъ вамъ страшны!– заключилъ онъ свои слова.

Зора Батманова съ плачемъ повисла на шеѣ Лары.

— Солнце мое, Аллахъ мой! Такъ я любила тебя горячо!—шепчетъ маленькая дѣвушка, рыдая.

— Прощай, Лара!—протянула ей руку Виконтесса,—и, вѣрь, я всегда уважала тебя, не смотря ни на что.

Ласточка, та безъ словъ просто душитъ ее въ своихъ объятіяхъ...

А тамъ, на концѣ залы, уже ждутъ друзья... Ждутъ съ нетерпѣніемъ, улыбаются издали, киваютъ, торопятъ ѣхать.

. . . . . .

— Отчего ты такъ печаленъ Борисъ?

Передніе экипажи, недавно пріобрѣтенныя адмираломъ двѣ удобныя коляски, далеко отъѣхали впередъ

Въ маленькомъ шарабанѣ, собственномъ шарабанѣ Севы, любезно предоставленномъ Горскому его юнымъ владѣльцемъ, ихъ только двое—Лара и Борисъ.

Всѣ остальные, размѣстились въ коляскахъ. Борисъ правитъ лошадью (Іакимъ Леонтьичъ успѣлъ уже купить двѣ пары порядочныхъ лошадокъ), сидя подлѣ Лары.

Его лицо хмуро, противъ воли. Брови сжаты... Губы вздрагиваютъ изрѣдка чуть замѣтной дрожью.

— Боря, милый, скажи-же мнѣ, что угнетаетъ тебя?

Маленькая ручка ложится на руку учителя. Тревожно и мягко заглядываютъ ему въ лицо свѣтлые глаза...

— Нѣтъ, нѣтъ, Лара, только не сегодня. Я не смѣю омрачать твою радость, дорогая. Сегодня твой праздникъ, Лара! И грѣшно бросать тѣнь на твое торжество.

— Нѣтъ! Боря! Ты не другъ мой, если говоришь это!.. Вспомни, и радость и горе мы съ дѣтства дѣлили съ тобой пополамъ. Правда?

— Ахъ, Лара!

Съ губъ юноши срывается стонъ. Лицо его блѣднѣетъ... Взоръ полонъ отчаянія.

— Прости меня Богъ, Лара, если я омрачу твою радость...

— Твой романъ?..

— Возвращенъ назадъ... Его не приняли, нѣтъ!—съ тоскою роняетъ Борисъ.

Съ розоваго за минуту до этого оживленнаго личика Лары сбѣгаетъ румянецъ... Темнѣютъ и тухнутъ русалочьи глаза.

— Но почему же?—скорѣе угадываетъ нежели слышитъ ея вопросъ Горскій.

— Они мнѣ пишутъ въ письмѣ оттуда,—глухими звуками срывается съ его губъ отвѣтъ...—они говорятъ... Что... что у меня «узкое» дарованіе... Что нельзя писать все одно и тоже... одно и тоже... И... что... что надо учиться, много учиться, широко образовать себя... больше читать, больше работать... Ну, словомъ, я понялъ то, что не хотѣлъ мнѣ сказать редакторъ... Словомъ, мнѣ нуженъ—университетъ...

— Ахъ, тоже самое что говорилъ Шураковъ!—мысленно произноситъ Лара.

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло, Борисъ? Поступишь въ университетъ! Развѣ это такъ трудно?—говоритъ она своему другу и ея маленькая ручка снова ложится на его обшлагъ.

— А мама? А школа? Ты ихъ забыла Лара?

— Мама? Школа?—словно сквозь сонъ лепечетъ она и точно темное облачко спускается на лицо дѣвушки.

Она задумывается глубоко... Рѣзкая складка ложится у нея между бровями, бороздя лобъ... Глаза совсѣмъ потемнѣли... Крѣпко стиснулись нѣжныя губы...

Она слышитъ теперь какъ во снѣ, убитый, печальный голосъ ея друга.

— Пойми одно, Лара, я чувствую, я знаю что вотъ здѣсь,—онъ ударилъ себя въ грудь рукою...—здѣсь бьется что-то... Это что-то маленькое, слабое, какъ птичка пока, но оно разростется, оно выроститъ... Я твердо вѣрю въ это. О, еслибы я могъ удѣлять много времени чтенію, работѣ, занятіямъ! Еслибы я могъ много усидчиво заниматься, учиться... Учиться, работать долгіе годы... Чтобы онъ выросъ и окрѣпъ этотъ Богомъ мнѣ опредѣленный даръ. Но, пойми, этого нельзя, Лара! Нельзя оставить школу... потому что маму нельзя брать отсюда въ невѣдомое неопредѣленное темное будущее... Нельзя мѣнять на нѣчто неизвѣстное случайное, насиженное гнѣздо... А если уѣхать мнѣ одному, кто останется оберегать за меня, мою родную старушку? Кто замѣнитъ меня здѣсь... Нѣтъ, нельзя этого, нельзя!

Юноша выронилъ возжи и поникъ головою... Лошадь не чувствуя больше надъ собою правящей руки, пошла шагомъ...

— Нельзя... нельзя...—шепчетъ Борисъ, точно въ забытьи, сжимая голову обѣими руками.

— Можно!

Лара провела рукой по лицу, точно просыпаясь отъ долгаго сна задумчивости и еще разъ произнесла уже твердо и убѣжденно:

— Можно, Борисъ, можно! Я останусь за тебя здѣсь. Я... А ты поѣзжай учиться съ Богомъ. Пробивай себѣ путь. Учись, работай... А тетечку я тебѣ не бойся, сохраню.

— Лара! Что говоришь ты, Лара?

— Да, Боря, Да! Я упрошу Зарницына устроить мнѣ это. Ты передашь свое мѣсто въ школѣ мнѣ. Ахъ, Боже, какъ это славно все, хорошо выйдетъ! Я люблю ребятъ и они меня любятъ, знаютъ. Или... Не думаете ли вы, что я буду хуже учительствовать, милостивый государь!—желая шуткой замаскировать свое волненіе, прибавила она со смѣхомъ.

— Лара! А консерваторія? Вѣдь ты такъ мечтала о ней Лара! Мечтала учиться пѣть... Зарабатывать свой хлѣбъ любимымъ дѣломъ.

Его голосъ срывается отъ волненія, когда онъ говоритъ это. Блѣдно его лицо, обращенное къ дѣвушкѣ... Сдвинуты скорбно темные брови...

— Консер-ва-то-рія?—протягиваетъ Лара и что-то похожее на грусть и разочарованіе вспыхиваетъ на мигъ въ глубинѣ русалочьихъ глазъ и гаснетъ снова...—Ахъ, Боря, не все-ли равно, чѣмъ зарабатывать хлѣбъ?.. И потомъ, буду-ли я еще или нѣтъ въ консерваторіи, а висѣть на шеѣ у добрыхъ людей безъ дѣла грѣшно и стыдно. А въ школѣ я себя буду чувствовать совсѣмъ, совсѣмъ хорошо!

Послѣднія слова звучатъ не вполнѣ искренне въ устахъ Лары и предательски дрожитъ милый голосокъ.

— Консерваторія... пѣніе... занятія любимымъ искуствомъ... и далѣе, пріятный заработокъ на почвѣ его,—прости близкая, милая и такъ быстро разбитая сладкая мечта!.. Прости на вѣки!

Но минутное колебаніе, мгновенная боль сразу исчезаютъ, когда, сдѣлавъ надъ собой невѣроятное усиліе, Лара говоритъ уже со смѣхомъ:

— И такъ по рукамъ? Идетъ господинъ писатель?

— Но я не смѣю принять отъ тебя этой жертвы, Лара!

Ея личико дѣлается серьезнымъ, почти строгимъ сейчасъ.

— Ты долженъ принять ее,—говоритъ она, вѣско подчеркивая каждое слово,—ты долженъ это сдѣлать, ради твоей матери Боря... Богъ знаетъ что выйдетъ еще изъ меня и моего голоса, а ты... ты готовый писатель... Талантливый, свѣжій... Тебѣ нужна оправа и ты ее получишь... Поѣзжай смѣло въ столицу, Борисъ .. Осуществи давно взлелѣянную мечту. Помнишь, ты принесъ, послѣ смерти твоего отца, великую жертву. Позволь же и мнѣ, не жертву, нѣтъ, а маленькую услугу оказать тебѣ въ этомъ же родѣ, только меньше, значительно меньше, позволь!..

— Маленькая услуга? И ты можешь говорить это, Лара? Да знаешь-же ты, что ты дѣлаешь для меня.? Подружка моя! Добрая-Фея! Лара?

Но она смѣхомъ покрываетъ его прочувственныя слова... Быстро наклоняется, подбираетъ возжи...

— Но-но, родимая!—кричитъ она и ударяетъ бичемъ, совсѣмъ почти остановившуюся лошадь...

Глаза ея блестятъ... Смѣхъ звенитъ весело, искренне... Все лицо залито румянцемъ довольства, счастья, но гдѣ-то только тамъ глубоко, глубоко, какія то завѣтныя струны рвутся въ сердцѣ съ тихимъ едва слышнымъ стономъ тоски...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прошло четыре года...

Много новаго прибавилось за эти годы, въ Зеленомъ Крутѣ. Много произошло тамъ перемѣнъ.

Вмѣсто стараго ветхаго сѣраго дома, на горѣ выстроенъ новый... Выстроены и новыя конюшни, сараи, пристройки людскія, цѣлый маленькій городокъ.

Зарницыны ежегодно пріѣзжаютъ сюда ранней весною и поздней осенью уѣзжаютъ обратно, на четыре мѣсяца зимы. Соня учится въ институтѣ въ Петербургѣ. Сева только что получилъ офицерскіе погоны. Съ грѣхомъ пополамъ кончилъ свое училище и Мишель. Римма вышла замужъ и пользуется полнымъ счастьемъ. Самъ адмиралъ поздоровѣлъ и окрѣпъ. Онъ имѣетъ возможность ѣздить на воды, и леченьемъ поддерживать свое здоровье...

Лѣтомъ оживаетъ сѣрый домъ... Римма съ мужемъ, Мишель, Сева, пріѣзжающій въ отпускъ, Соня, отпущенная на каникулы, все это горитъ, шумитъ и клокочетъ молодою жизнью, весельемъ.

А въ селеніи Зеленыхъ Крутокъ все по старому, если не считать новой мельницы, выстроенной адмираломъ, до большого бѣлаго мраморнаго памятника, поставленнаго неизвѣстнымъ на могилѣ капитана. Одна только душа во всѣхъ Зеленыхъ Круткахъ знаетъ о происхожденіи этого памятника. Привезшіе ставить его люди, передали только, что нѣкто по имени Николай просилъ принять Зеленокрутскую учительницу его скромный даръ, въ память «человѣка въ подземельѣ».

И Зеленокрутская учительница поняла отъ кого была эта дорогая присылка. . . . . .

. . . . . .

Зима... Трескучій морозъ .. Мятелица гуляетъ по улицѣ Зеленыхъ Крутокъ. Воетъ вѣтеръ въ трубѣ... Имъ вторятъ взволнованнымъ лаемъ встревоженныя непогодой собаки...

Изрѣдка отбиваютъ удары часы на колоколенкѣ... Да оттуда сверху изъ Зеленаго Крута, доносится сторожевая трещетка Терентьича.

Тамъ живетъ новый управляющій, да нянька Агафья съ прислугой и Сенька съ глухимъ дѣдомъ въ сторожкѣ во дворѣ.

Въ учительскомъ помѣщеніи тепло и уютно. Горитъ лампа подъ зеленымъ абажуромъ. Поетъ полупогасшій самоваръ.

Ольга Федоровна сидитъ за столомъ и перечитываетъ письма Бориса.

О, сколько ихъ!.. Всѣ онѣ такія ласковыя, нѣжныя... Ея мальчикъ не лѣнится писать... несмотря на массу работы. И денегъ имъ посылаетъ часто. И навѣщаетъ онъ ихъ съ Ларушкой, нельзя жаловаться, а все же навѣщаетъ, лѣтомъ больше, когда кончаются занятія въ университетѣ. А успѣхъ у него какой! Полъ Россіи теперь знаетъ имя Бориса Горскаго, начинающаго молодого писателя! Успѣхъ его растетъ съ каждымъ днемъ... Ярко разгорается звѣзда Бориса...

Судя по присылаемымъ имъ изрѣдка сюда новымъ своимъ произведеніямъ и критическимъ замѣткамъ о нихъ, это—большой крупный писатель.

И какъ смѣло, широко, по всѣмъ областямъ быта пишетъ онъ теперь.

Да, сослужилъ ему службу университетъ, высшее образованіе, наука...

А все она Лара, золотое сердечко! Кабы не она... Старческіе глаза Ольги Федоровны обращаются къ стройной фигуркѣ дѣвушки, склонившейся надъ поправкою школьныхъ тетрадей своихъ учениковъ.

За эти четыре года мало измѣнилась Лара... Только нѣсколько опредѣленнѣе стали недавно еще дѣтскія черты, да серьезнѣе, глубже взглядъ подъ темными рѣсницами. И сама она стала сдержаннѣе, глубже, молчаливѣй.

Нѣсколько минутъ старушка молча любуется красивымъ личикомъ склоненнымъ надъ работой.

— Что тетечка? — почувствовавъ ея взглядъ, спрашиваетъ дѣвушка.

— Ничего, милушка моя, такъ поглядѣла...

— Анъ не такъ, тетечка, не лукавьте, знаю я васъ!— и звонкимъ прежнимъ русалочьимъ смѣхомъ оглашается маленькій домикъ.

— О Борисѣ поговорить захотѣлось, что годъ не видѣли его... Да успокойтесь, родная. Государственные экзамены не шутка держать, вотъ увидите, кончатся они и прилетитъ нашъ соколъ... Вы лучше позвольте я вамъ, его послѣднюю повѣсть во второй разъ прочту, прочесть, а? Хотите?

Мигомъ отложены въ сторону ученическія тетрадки... Принесена книга и звучитъ на всю комнату, звонкій красивый голосокъ. Старушка Горская жадно прислушивается, боясь проронить хоть единое слово изъ строкъ повѣсти ея ненагляднаго сына...

И такъ проходитъ вечеръ... Другой, третій... Четвертый... Много длинныхъ безконечныхъ вечеровъ.

Иногда къ нимъ присоединяется отецъ Ѳедоръ заглянувшій „на огонекъ“. У него на глазахъ выросъ и поднялся молодой писатель... Приходитъ съ верху, изъ Зеленаго Крута нянька Агафья... Начинаются воспоминанія... Говорятъ о многомъ: о миломъ далекомъ и близкомъ прошломъ, и о настоящемъ, поглотившемъ ихъ всѣхъ... О покойномъ капитанѣ, о старой мельницѣ... О новой мельницѣ и новомъ домѣ... О школѣ и ученикахъ Лары, о батюшкѣ, преподающемъ здѣсь Законъ Божій... И снова о Борисѣ, о его талантѣ, карьерѣ и быстро разгорающейся звѣздѣ...

Гости уходятъ скоро и опять двѣ женщины, старая и молодая, сидятъ, прижавшись другъ къ другу, и мечтаютъ все объ одномъ и томъ-же, мечтаютъ и ждутъ. . . .

. . . . . .

И онѣ дождались... Таялъ снѣгъ по весеннему... Вздувалось озеро подъ горою, дышалъ мартовскимъ дыханіемъ лѣсъ... Вечерѣло небо... И короткія весеннія сумерки падали на землю, когда послышался завѣтный колокольчикъ подъ горой. Никто не сказалъ имъ, что это онъ ѣдетъ, желанный. Не было ни письма, ни телеграммы отъ него... Но обѣ сразу почувствовали что это онъ. И обѣ въ одно слово произнесли его имя.

— Борисъ!

Потомъ, сразу поднялась та милая, полная безалаберщины суматоха, всегда предшествующая появленію очень дорогого и долго нетерпѣливо ожидаемаго лица.

И вотъ онъ вошелъ, разрумяненный холодомъ, свѣжій, въ тепломъ зимнемъ пальто и мѣховой шапкѣ, съ радостнымъ, взволнованнымъ, счастливымъ лицомъ.

— Мамочка! Лара!

Цѣпкія, горячія, объятія, теплыя слезы матери... Крѣпкое энергичное пожатіе руки Лары и сбивчивые, трепетные, полные волненія, возгласы и перебивающіе одинъ другого вопросы... — все смѣшалось...

— Поздравьте... Окончилъ... Государственные экзамены сданы... Дѣла идутъ прекрасно... Состою постояннымъ сотрудникомъ въ четырехъ крупныхъ издательствахъ... — звучитъ радостно его взволнованная рѣчь.—И увезу васъ съ собою, милыя вы мои, родныя, въ Питеръ! Въ Питеръ! Теперь знаю на что повезу, куда поведу за собою. Есть будущее! Есть карьера... А лѣтомъ снова сюда... Домикъ здѣсь выстроимъ, купимъ землицы... Обзаведемся. Помѣщиками заживемъ. Мамочка? Лара? Да говорите-же! Счастливы вы, довольны?

— И онъ еще спрашиваетъ! О!

Старое лицо матери мокро отъ слезъ... Лучатся и сіяютъ молодые глаза Лары. И кажется свѣтлѣе и ярче при взглядѣ на эти лучащіеся глаза, разгорается счастье въ груди Бориса.

Въ тотъ-же вечеръ въ ожиданіи скромнаго деревенскаго ужина молодые люди вышли подышать свѣжимъ воздухомъ на крыльцо.

Хрустально чиста весенняя ночь... Глухо шумитъ вода у плотины... Трескаются льдинки на взбухшемъ озерѣ. Пахнетъ смолистымъ запахомъ лѣса, оттуда, отъ потемнѣвшихъ кущей деревъ. Пахнетъ молодой весною, свѣжестью, надеждами, золотымъ расцвѣтомъ счастья...

— Лара,—обращается къ дѣвушкѣ тихимъ упавшимъ почти до шепота голосомъ Борисъ...—Лара, дорогая моя,

знаешь-ли ты о чемъ я думалъ все это время, всѣ эти долгіе года въ минуты отдыха отъ занятій и работъ?

— О чемъ, Борисъ?

— Я думалъ объ одномъ счастливомъ смертномъ, Лара, въ жизни котораго встрѣтилась маленькая розовая фея съ глазами русалки и съ золотымъ сердечкомъ, дающимъ благо близкимъ и чужимъ.

Я думалъ какъ хорошо было-бы, Лара, если-бы маленькая фея пролила свое благодѣяніе и согласилась сопровождать того... счастливца—смертнаго на протяженіи всего его жизненнаго пути... Согласилась-бы маленькая добрая фея съ большимъ чуднымъ сердцемъ на это, какъ ты думаешь Лара?.. Любитъ-ли она настолько своего стараго друга дѣтства, чтобы подарить ему навсегда свое золотое сердечко... и стать его... его женой? Согласна, она на это Лара? Отвѣть!

Борисъ замолкъ, взволнованный... Глаза устремились въ знакомое, дорогое любимое лицо его подруги дѣтства.

Оно освѣтилось тихой сіяющей радостью... это милое лицо.. Мягко вспыхнули и увлажились глубокіе ясные глаза Лары.

Она подняла ихъ на Горскаго и съ невыяснимо-милой улыбкой протянула ему руку.

— Да...—произнесла она твердо,—да... твоя фея согласна, потому что... и она... крѣпко и сильно привязана къ тебѣ... Борисъ...

КОНЕЦЪ.

Изданіе В. И. ГУБИНСКАГО въ С.-Петербургѣ.

Лара Безсонова. Повѣсть соч. Л. Чарской, съ рисунками художника М. Андреева; въ красивой папкѣ. Спб. 1911 г. ц. 1 р. 35 к.

Пріютки. Сочиненіе Л. Чарской. Въ этомъ новомъ произведеніи, талантливая писательница рисуетъ жизнь, мало извѣстную нашей публики, жизнь нашихъ пріютовъ—ихъ питомцевъ-пріютокъ, съ жизнью которыхъ слѣдуетъ познакомиться русскому обществу. Съ рисунками; въ красивой папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Сказки. Соч. Фр. Гофмана, въ пересказѣ. Л. Чарской. Съ рисунками художника Я. Сизова. Спб. 239 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Дѣдушка и внучка. Пов. Л. Мидъ. Перев. съ англ. Е. Чистяковой-Вэръ. Съ рисунк. худож. Шлипера. Спб., 236 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

Студентки. Повѣсть. Соч. Л. Мидъ. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ рисунк. художника Г. Ледгау, въ папкѣ. Спб., ц. 1 руб.

Былое на Руси. Рядъ историческихъ разсказовъ: Ольга, Святославъ, Плачъ Ярославны, Ермакъ, Кружало, Кулачный бой, Скоморохи, Святки, Свадьбы, На осляти, Великъ день. Суженый, Въ теремѣ царицы и пр. и пр. Со многими рисунк. Соч. Черскаго. Ц. 1 р. 20 к.

***Маленькій человѣкъ.** Романъ для юношества. А. Додэ. Перев. съ франц. съ 65 рисунк., 292 стр.; въ папкѣ, Ц. 1 р.

***Чудеса древней страны пирамидъ.** Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географ., историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра К. Оппеля, перев. Страхова. Съ 182 рис. 4-е изд., ц. 1 р. 75 к.

***На необитаемомъ островѣ.** Приключеніе 4-хъ дѣтей, унесенныхъ бурею въ море. Соч. Мидъ, съ англійскаго М. Ловцовой, съ рис., 268 стр., въ папкѣ, ц. 1 р.

***Семь дѣвицъ.** Картинки домашняго воспитанія. Соч. Л. Мидъ, переводъ М. Ловцовой, съ рисунк., 237 стр.; въ папкѣ ц. 1 р.

***Дѣвичій мірокъ.** Исторія школьнаго ученія. Соч. Л. Мидъ, переводъ съ англійскаго М. А. Лялиной, съ рисунк., 230 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Нравственность семьи.** Въ разсказахъ, сказкахъ, практическихъ наставленіяхъ и жизненныхъ правилахъ, сочиненіе Сталь, увѣнчанное французской академіей. Съ рисунк., 342 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Рука Провидѣнія. Соч. Ж. Сандо, перев. Е. Давыдовой. 256 стр., съ рис. художн. Баяра и друг.; въ папкѣ, ц. 1 р.

Приключеніе Финна. Соч. Марка Твэна, переводъ Н. Мазуренко, съ 151 рис., 299 стр. съ хромо-литогр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Приключеніе Тома. Соч. Марка Твэна, перев. Н. Мазуренко, съ 70 рис., большой томъ, въ красивой папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Кругосвѣтное путешествіе. Соч. Марка Твэна, 461 стр. съ рисунк., художн. Зубрилова; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

***Жизнь на Миссисипи.** Очерки и картинки, соч. Марка Твэна, перев. Федоровой съ 100 рис., 296 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Принцъ и нищій, Приключенія Тома на воздушномъ шарѣ. Марка Твэна, съ 100 рис. 264 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

*Волшебныя сказки. Соч. Ж. Перро, съ добавл., сказки г-жи Лепренсъ-де Бомонъ. Перев. съ франц. В. Владимірова, съ 63 рис.; 2-е изд. въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

Разсказы бабушки всезнаюшки. Соч. Ант. Бѣлозоръ, съ рисунк. художн. Чикина, 299 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Были и былинки. Ант. Бѣлозоръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей, съ рисунками художн. А. Чикина, 275 стр.; въ папкѣ, цѣна 1 руб.

*Избранныя сказки для дѣтей Вильг. Гауфа. Перев. Федоровой, съ рисунками, 240 стр. въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Маленькій разнощикъ. (Продавецъ спичекъ). Соч. Женневрэ. Произведеніе, увѣнчанное франц. академ. Полн. перев. съ послѣдн. франц. изд., Е. Д. Давыдовой, съ 25 рис., 250 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Царь степей. Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени. Соч. Л. Біара, съ 33 рис. художн. Ликсъ, въ папкѣ, 221 стр., ц. 1 руб.

Морскія приключенія. Крушеніе и гибель судовъ.—Нападеніе пиратовъ, битва съ ними, торговля черными невольниками,—смѣняются разсказами о подвигахъ судовыхъ командъ, вѣрныхъ своему долгу. Книга прочтется съ большимъ интересомъ. соч. Чистяковой. Съ множествомъ рисунковъ; въ красивой папкѣ.

Приключеніе мартышки, воробья да мышки. Юмористическіе разсказы соч. Будекъ. Перев. Л. Черскаго. Съ 80 рисунками; въ папкѣ, ц. 50 к.

Чтеніе—лучшее ученіе. Сборникъ разсказовъ, составленный по Американскимъ и Англійскимъ дѣтскимъ писателямъ Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 80 рис., 279 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*Кавказскія сказки. Преданія и легенды, Л. Черскаго, съ рис. художн. Михайлова. Спб.; въ папкѣ, ц. 60 к.

*Русскіе историческіе разсказы для дѣтей. Л. Шелгуновой, съ 26 рисунками художника Неслера; 2-ое изд., въ папкѣ, ц. 60 к.

*Царство сказокъ Карменъ Сильва (Елизаветы, Румынской королевы). Переводъ С. Майковой, 2-е изд. 311 стр. съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Сказки Уйда. Перев. съ англ. съ рис.; въ папкѣ, 2-ое изд., ц. 1 р.

Польскія сказки. Съ рисунками художника Штейна. 312 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Лаутчикъ и «На возвышенности Карро». 2 разсказа Фр. Гофманъ. 2-ое изд. съ картинами; въ папкѣ, 264 стр., ц. 1 р.

*Опасности дикихъ странъ. Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. Фр. Гофманъ, перев. подъ редакціей Н. Познякова, съ рис. худож. Штейна. 2 изд., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Избранныя сказки Андерсена. Перев. М. А. Лялиной. 2 ое дополненное иллюстр. изд, 272 стр., съ 50 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Избранныя сказки Андерсена. 2-ой томъ Перев. А. Н. Неѣловой, съ 90 рис. 272 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

*Для ума и сердца. Разсказы для дѣтей средняго возраста А. Н. Неѣловой. Съ 60 рисун. 263 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

37.38.3.7

Цѣна 1 р. 35 к.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ М. Д. УЛЬМАНЪ С.-ПБ.

ГПБ Русский фонд
37.38.3.7